

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

L'AGE D'HOMME

СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

L'AGE D'HOMME

СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

Однажды мне довелось слушать беседу двух московских интеллигентов. Один из них – известный социолог, приложивший титанические усилия к тому, чтобы развить советскую социологию на благо партии, государства и народа. А между тем его группа была полностью разгромлена во имя той же партии, того же государства и того же народа. И он остался не у дел, довольный уж тем, что ему оставили возможность получать зарплату. Другой из них – известный художник, приложивший не меньше первого усилий к тому, чтобы поднять советское изобразительное искусство на уровень мировых достижений, но не сумевший за двадцать с лишним лет добиться даже маленькой персональной выставки. Вот их беседа полностью.

– Ну и живем же, мы, ... твою мать!

– Ну и ... с ним!

Нельзя точнее сказать о нашей жизни. И все же в ней иногда мелькают смутные намеки на что-то иное. И они стоят хотя бы минуты внимания.

Москва, 1976.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОММУНИЗМ

На площади Космонавтов при въезде на проспект Марксизма-Ленинизма воздвигли стационарный лозунг «Да здравствует коммунизм – светлое будущее всего человечества!». Лозунг построили по просьбе трудящихся. Строили долго, главным образом – зимой, когда расценки выше. И убухали на это дело уйму средств. По слухам, не меньше, чем вложили во все сельское хозяйство в первую пятилетку. Но мы теперь очень богаты, и подобные затраты для нас сущие пустяки. На арабов мы потратили еще больше, а не обедняли. На арабов потратили впустую, а тут несомненная польза есть.

Построили Лозунг, как и следовало ожидать, халтурно. Краска облупилась еще до того, как Лозунг сдали в эксплуатацию. Буквы систематически покрывались серой грязью и разваливались на куски. Так что Лозунг приходилось по крайней мере три раза в год капитально ремонтировать: к майским праздникам, к ноябрьским праздникам и каждый раз, когда Москва включалась во всесоюзное соревнование за образцовый коммунистический город, и многомиллионную армию московских служащих выгоняли на улицы собирать мусор. В результате амортизация Лозунга обходилась государству в несколько раз дороже, чем его сооружение. А судя по хулиганским надписям на постаментах для букв, воспитательный эффект Лозунга еще не достиг и половины запланированной мощности.

К двадцать пятому съезду КПСС решили положить конец этому безобразию. Буквы для Лозунга отлили из нержавеющей стали на Пивном заводе имени Двадцать Первого Съезда КПСС (бывшего имени Маршала Буденного). Отливали ударники коммунистического труда в сверхурочное время. Отливали из по... прошу прощения, металла, сэкономленного в честь предстоящего съезда. Буквы водрузили на мощное бетонное основание. Бетон московские строители тоже сэкономнили в честь предстоящего съезда. Таким образом на сей раз на

Лозунг не только ничего не потратили, но даже получили прибыль, так как строители Лозунга сэкономили в честь предстоящего съезда более десяти миллионов рублей. Сэкономленные средства решили использовать на сооружение постоянно действующих железобетонных матриц для портретов членов Политбюро, завершив тем самым (как писали в газетах) прекрасный архитектурный ансамбль площади Космонавтов и прилегающего к ней пустыря. Главный архитектор города, отстаивавший свою идею насчет портретов в ЦК, сказал откровенно, что мы тем самым закроем безобразный вид на пустырь от глаз иностранцев. В конце концов, не можем же мы пока отказаться от них совсем!

Открывали Лозунг весьма торжественно. Проспект перекрыли. Было много иностранных журналистов и представителей посольств. Прибыли многочисленные гости от дружественных партий Африки и Южной Америки, а также делегации от всех стран социалистического лагеря. Присутствовали также именитые гости из капстран – итальянская актриса Софи Бордобриджита, личный друг Советского Союза американский миллионер Хамсон, фермер Здраст, французский перец Жорж Иванов и многие другие. Снимали кино. Под бурные аплодисменты представителей трудящихся, заполнивших площадь, пустырь и проспект, избрали Почетный Президиум в составе... и послали приветственную телеграмму лично товарищу... С большой речью выступили один из секретарей Городского Комитета партии товарищ Цветиков, сменивший на этом посту недавно скинутого в захудалые министры не в меру зарвавшегося Ягодицына. Последний обнаглел до такой степени, что без ведома самого Митрофана Лукича опубликовал в журнале статью, которую хотел опубликовать сам Митрофан Лукич, и тем самым дискредитировал себя. Товарищ Цветиков, чтобы не ударить лицом в грязь, выучил речь наизусть и читал ее почти без ошибок (если не принимать во внимание расстановку ударений). Потом выступил космонавт Хабибулин. Он сказал, что Земля сверху выглядит так, как ей следует выглядеть при коммунизме: очень круглая и розово-голубая. Потом выступил представитель борющихся народов Африки. Сверкая на всю площадь мощными белыми зубами, он сказал «балысайя сыпасыба», чем привел представителей трудящихся в неистовство. Когда в конце-концов умолкли аплодисменты и заранее отрепетированные возгласы, слово предоставили академику Канарейкину.

Канарейкин – директор нашего Института. В свое время наш Институт взял шефство над строительством Лозунга. Сотрудники

Института прочитали более ста лекций по теории научного коммунизма для строителей Лозунга, завоевав тем самым переходящее Красное Знамя Районного Комитета партии. Потому-то Канарейкина и пустили на трибуну. Иначе его на трибуну не пустили бы ни за что, так как ему давно пора выходить в тираж и очистить сцену для молодых, талантливых и грамотных ученых (и в первую очередь – для Владилена Макаровича Еропкина, члена-корреспондента Академии Наук, зятя самого Митрофана Лукича). Попасть на трибуну для Канарейкина большая удача. Об этом напечатают в газетах. Пойдет слух, что Канарейкин еще в силе. И снятие его будет отложено опять на неопределенное время. А дорвавшись до трибуны, Канарейкин умел ее использовать так, как никто другой. Он закатил проникновенную речь, состоящую главным образом из восклицательных знаков.

– Злобные враги коммунизма и так называемый литератор антисоветчик Солженицын, изгнанный по требованию трудящихся за пределы нашей прекрасной Родины за клеветнические измышления и нашедший приют под крылышком мировой империалистической буржуазии и ее прислужников, которые... Да, так что я хотел сказать? ага! А также так называемый академик, отщепенец Сахаров, которому тоже не место в наших рядах, который спекулирует на терпении и гуманности нашего родного правительства и всего нашего народа... Подумать только, что еще человеку нужно было! Правительство дало ему все! В Академию допустили. Премии дали. Награды. И все мало, оказывается! Да, так что я хотел сказать? Ага! Так вот, они утверждают, будто у советского народа вера в коммунизм пошла на убыль. Какая гнусная клевета!!! Посмотрели бы они, с какой любовью, с каким энтузиазмом трудящиеся нашего района строили этот замечательный лозунг!!! Совершенно безвозмездно!!! Это ли не пример нового, коммунистического отношения к труду!!!? Не свидетельствует ли это о том, что вера в коммунизм с каждым годом, с каждым десятилетием крепнет и ширится??! Свободолюбивые народы Африки... Тут вот товарищ уже выступал...

Когда наконец-то удалось затнуть фонтан канарейкинского красноречия, товарищ Цветиков выкрикнул все положенные «Да здравствует...» и «Слава...» и перерезал ленточку. Лавина машин, из которых отчетливо доносились проклятия по адресу идиотов, устроивших этот спектакль, ринулась на проспект Марксизма-Ленинизма прямо по направлению к желтому зданию гуманитарных институтов Академии наук. Канарейкин умчался в своей персональной машине.

А я... За каким чертом, спрашивается, я тут торчал, если мне даже не дали пары слов вякнуть! А я вынужден был тащиться домой на общественном транспорте с двумя пересадками.

Я

С двумя пересадками! А я – не кто-нибудь, а заведующий Отделом Теоретических Проблем Методологии Научного Коммунизма, т.е. ведущим Отделом Института, директором которого пока еще является Канарейкин. Я – доктор философских наук, профессор, член редколлегии ведущего философского журнала, член многочисленных Ученых Советов, комитетов, комиссий, обществ, автор шести монографий и сотни статей. Мой учебник переведен на все полузападные языки – польский, болгарский, чешский, немецкий, венгерский. Собираются даже на румынский переводить. Общеизвестно, что на ближайших выборах в Академию я наверняка прохожу в член-коры. Даже подонок Васькин из Высшей Партийной Школы (ВПШ) примирился с этим неприятным для него фактом. И вот – с двумя пересадками! Кому сказать – не поверят. Можно было бы, конечно, взять такси. Но на такси денег не наберешься. А цены растут с каждым днем. К тому же таксисту надо давать чаевые, что крайне унижительно. Нам-то никто чаевые не дает! Можно было бы пройти пешком. Тут не очень далеко. Но это неприципиально. Профессор, почти член-кор, и пешком! Не положено по чину.

НАШ ИНСТИТУТ И ОТДЕЛ

Наш Институт занимает верхние этажи Желтого дома. Если смотреть от Центра, то правое крыло верхнего этажа занимает наш Отдел. Раньше, когда наступление коммунизма ждали со дня на день, а ежегодное снижение цен на копейку даже у неверующих вселяло надежду, что это вот-вот случится (чем черт не шутит, вдруг и в самом деле построят!), наш Институт был очень маленький. При Никите, когда наступление коммунизма чуточку отодвинули на жизнь неопределенного «нонешнего поколения», Институт увеличился вдвое. А после того, как Никиту скинули, цены стали неудержимо расти и обещания бесплатных благ стали восприниматься всеми чисто юмористически, Институт дважды удвоили. В связи с известными всем событиями создали и затем укрепили сектора по борьбе с антикоммунизмом и ревизионизмом, по развитию марксизма

братскими компартиями Запада, Востока, Севера и Юга. И теперь наш Институт по числу сотрудников (одних аспирантов из Союзных Республик больше сотни!) стал одним из мощнейших научных учреждений страны. Пятьсот авторских листов ежегодно! Если среднюю книгу считать в двадцать листов, то это значит двадцать пять объемистых книг ежегодно. Двести пятьдесят книг в десять лет!

– Теперь понятно, почему у нас такой острый дефицит бумаги, – сказал по этому поводу Сашка, мой сын от первой (но, увы, не последней) жены. – Печатают всякое г...о, а на приличные вещи бумаги не хватает.

– Ты наивный теленок, Саша, – сказала Тамурка (моя теперешняя жена Тамара). – Если бы ты знал, сколько бумаги идет на издания классиков и на речи наших руководителей, ты бы на такой пустяк, как двадцать пять книг в год, даже не обратил бы внимания.

– Но это же макулатура!

– Конечно, макулатура. А мы заранее и планируем это как макулатуру.

– Так зачем же бумагу портить, – удивляется Ленка, моя дочь от второй жены (от Тамурки, то есть).

– Глупенькая! А тиражи?!

– Так вы тиражи объявляйте большие, а печатайте поменьше. Что вам стоит?

– Повыгоняют с работы, а то и посажают. Раз речь, значит гениально. Значит, двадцать миллионов тираж. И он должен пройти через торговлю. И по отчетам должен быть реализован.

– Неужели расходится?!

– Конечно. Сеть политпросвещения. Вечерние университеты марксизма-ленинизма. Библиотеки, кабинеты. А сколько у нас студентов. И все должны зачеты сдавать.

– Прислушав такой разговор, можно впасть в пессимизм, относительно масштабов нашего Института. Так что уж говорить о нашем Отделе?! Всего полсотни человек. Впрочем, смотря с какой точки зрения. Отдел – мое детище. Я потратил на его создание почти двадцать лет. Ковда я пришел в Институт молодым кандидатом философских наук, тут методологией теории научного коммунизма занимались всего три сталинских кретина и холуя в секторе Научного коммунизма. Этот сектор сейчас тоже вырос в Отдел, но им далеко до нашего Отдела. Одного из этих болванов я с большим трудом выжил из Института (удалось поймать на аморальных поступках). Остальные двое оказались толковыми ребятами и легко перевоспи-

тались. Причем, один из этих двоих так полевел, что мне его постоянно приходилось сдерживать. Я ему не раз откровенно говорил, что критику Сталина не следует принимать всерьез, но он не послушал моих советов. Потом его крепко били за уступки югославским ревизионистам. Из Института его убрали, используя в качестве повода какое-то неосторожное замечание о китайцах. И следы его затерялись. Слухи были, что он попал в психиатрическую больницу. Теперь в нашем Отделе народу столько же, сколько было во всем Институте, когда я в него пришел. Поговаривают о превращении Отдела в самостоятельный Институт. Но я не спешу. Боюсь, как бы не получилось то же самое, что с социологами: как только Отдел социологии раздулся сначала до восьмидесяти человек, потом, отделившись от нас в качестве самостоятельного института, до пятисот, социологам устроили грандиозный погром. Тут нужна осторожность. Дело слишком серьезное, чтобы рисковать без надобности. Но и затягивать нельзя. По каким-то неведомым законам нашей жизни, если хочешь сохранить достигнутое, иди дальше вперед, т.е. требуй дополнительные ставки, планируй новые книги, добивайся новых секторов и т.д. Иначе обвинят в бездействии и отсталости. Где тот момент, когда можно сказать, что пора?

Наш Отдел многие путают с Отделом Научного коммунизма. А на самом деле между нами огромная разница. У них собрались самые мрачные фигуры нашей философии. Старики-«недобитые» сталинисты (звучит смешно, ибо сталинистов никогда не били; над ними немножко поиздевались в стенгазете, и все). Молодежь – циничные карьеристы, готовые на что угодно. И все как один круглые невежды. У нас же в Отделе собрались самые светлые и способные личности нашей философии. Ступак, Никифоров, Новиков, Тормошилкина, Булыгин и т.д. Такого созвездия имен нет ни в одном философском учреждении Союза. Не случайно нас так ненавидят в Академии общественных наук (АОН), в ВПШ и многих других местах. Они чувствуют себя по сравнению с нами провинциалами и обвиняют нас в попытке превратить марксистскую теорию в нечто элитарное. А кто им мешает самим писать хорошие книги?!

Заведует конкурирующим с нами отделом Научного коммунизма самая гнусная тварь в нашей философии – сука Тваржинская. Больше пятнадцати лет она была объектом насмешек нашей институтской прогрессивной молодежи. Но время это ушло в прошлое. И вот уже несколько лет Тваржинская – одна из ведущих фигур! Когда-то она была близким человеком Берии и активным функционером Органов

Госбезопасности. Теперь она регулярно ездит за границу. И не было ни одного случая, чтобы ее где-нибудь отказались принять. Даже видные западные социологи беседуют с ней как с коллегой.

ДОМА

Дома я подробно рассказал об открытии Лозунга. Теща сказала, что это – прекрасно. Сашка катался по тахте от смеха Ленка, не моргнув глазом, заявила, что устроит в школе экскурсию к этому замечательному памятнику нашей культуры.

– Никита сулил коммунизм при жизни нынешнего поколения, – сказал Сашка. – Кого он имел в виду? Своих сверстников или только что родившихся младенцев? В общем, с этим обещанием влипли в неприятную историю. Теперь сроки отнесли в неопределенное будущее. Так удобнее. Всегда можно сказать, что придет коммунизм, и таких безобразий, как теперь, не будет. А пока потерпите, потому как пока у нас еще только низшая ступень. Хотя высший уровень низшей ступени, но все-таки низшая ступень.

– Раз буквы отлили из нержавеющей стали, – сказала Ленка, – значит Лозунгу вашему стоять вечно. Хотите анекдот? Президент США спросил у Бога, когда кончится безработица и инфляция. Когда тебя не будет, ответил Бог. Наш Генсек спросил у Бога, когда мы построим коммунизм. Когда меня не будет, ответил Бог.

– Вам бы только посмеяться, – сказал я. – А я, между прочим, на этом деле для вас на хлеб с маслом зарабатываю. Квартира, дача, путевки, транзисторы, – откуда все это? Машину может быть скоро купим.

Машина нужна. Добираясь с площади Космонавтов, я окончательно в этом убедился. Соприкосновение с массой народа, особенно остро ощущаемое в общественном транспорте, вызывает сильное раздражение и становится оскорбительным. Какая-то стерва толкнула меня в бок и меня же обругала. А я растерялся и не успел дать сдачи. Откуда в людях столько злобы?

– Отец прав, – сказала Тамурка. – С паршивой овцы хотя бы шерсти клочок. Проходи скорее в член-коры. Надоело в очередях толкаться. Да и достать теперь в магазинах ничего хорошего нельзя.

– Это кого же ты называешь паршивой овцой, – спросила Теща.

– Академию Наук, – сказала Ленка. – Хотите пари? Коллективу строителей Лозунга дадут Ленинскую премию. Как пить дать, дадут!

– Они себя не обидят, – сказала Тамурка, считающая, что мне давно должны были дать хотя бы Государственную премию.

– Отчего бы не дать, – сказала Теща. – Построить такое сооружение – не книжку по философии написать. Тут талант нужен.

ВРЕМЯ СЛАВЫ

Позвонил Дима Гуревич.

– Поздравляю, старик! Только сейчас твою рожу по телевизору показали. Правда, в толпе и на сотую долю секунды, но для начала и то хлеб. Теперь твое дело в шляпе. Пусть только попробуют, не выберут!

Потом звонили Новиков, Никифоров, Ступак, Корытов, Иванов, Светка и другие. Весь вечер был испорчен. Обидно, сам я ничего не видел: теща смотрела хоккей по другой программе. А в общем, это хорошо, что меня показали по телевизору. Слух об этом сегодня же облетит всю Москву и сделает свое дело.

Последним позвонил мой старый друг Антон Зимин. Он сказал, что ничего комического в истории с Лозунгом не видит. Коммунизм у нас давно построен. И самые классические формы он обрел при Сталине. Теперь он несколько расплылся под влиянием вынужденных общений с Западом. Так что слова: «Да здравствует коммунизм» можно истолковать в том смысле, в каком мы говорим «Да здравствует советский народ», «Да здравствует КПСС» и т.п. Что же касается второй половины Лозунга, так она отражает столь же реальный факт: это светлое будущее на самом деле угрожает всему человечеству. И не зря буквы отлили из стали: коммунизм учреждается навечно.

– Я, конечно, тебя поздравляю, – сказал Антон напоследок. – Но предупреждаю: чрезмерная слава рождает злобу и зависть.

АНТОН

Меня с Антоном связывают странные отношения. Нет ни одного вопроса, по которому мы были бы согласны. Но несогласие Антона меня меньше раздражает, чем похвалы других. Мои ребята от него без ума. Только и слышишь: дядя Антон считает, дядя Антон сказал, а что подумает дядя Антон. Антон – единственный из моих знакомых, которого не презирает Тамурка. А у нее редкостный нюх на людей. Наташку, жену Антона, она даже любит, поскольку Наташка не корчит из себя всезнающую и всепонимающую умницу, и почитает за величайший авторитет в вопросах еды и туалетов, поскольку

Наташка ухитряется хорошо кормить и прилично одеваться на мизерную зарплату Антона и на свои еще более мизерные приработки.

Антон был репрессирован в сорок пятом году, отсидел почти двенадцать лет. После отсидки я устроил его на вечернее отделение философского факультета, а потом – в свой Отдел младшим научным сотрудником. Парень он неглупый, но немного чокнутый. Диссертацию сделать так и не смог. Несколько раз давал статьи в сборники и журналы, но их регулярно проваливали или заматывали (т.е. принимали, но откладывали из номера в номер и постепенно «забывали»). И он махнул на это дело рукой. Встал вопрос об отчислении его из Института. Тогда я перевел его на техническую работу – на подготовку рукописей к печати. И тут он оказался незаменимым работником. Самые глупые статьи он переделывал так, что они становились даже лучше самых хороших. За Антоном укрепилась репутация первоклассного редактора. Сам вице-президент Академии хотел его забрать в реферативную группу, но он отказался. Отказался он идти и в помощники к Ученому секретарю, хотя зарплата его при этом почти в два раза увеличилась бы.

В те дни, когда бывшим фронтовикам выдавали всякого рода награды, Антон становился центральной фигурой в Институте: он имеет боевых наград больше, чем все прочие «фронтовики» института вместе взятые. Наши «фронтовики» почти все – бывшие работники политотделов, газет, журналов, особых отделов, органов «СМЕРШ» и т.п. Отдако Антон никогда свои боевые награды не надевал, чем вызывал искреннее возмущение Тваржинской.

Однажды ребята из редколлегии нашей стенгазеты «За ленинский стиль» попросили Антона написать заметку в юбилейный номер. Антон описал подробно систему наград, фактически существовавшую во время войны. Потом рассказал, как один из летчиков полка стал Героем. По его словам, это произошло случайно. Заместитель командира дивизии по политической части, визируя статью корреспондента армейской газеты, неудачно вычеркнул его фамилию, – получилось, будто замполит не вычеркнул, а подчеркнул ее. И корреспондент усилил это место – вписал, сколько боевых вылетов летчик сделал. В результате полковое и дивизионное начальство струхнуло и представило его к Герою. Заметку, конечно, не поместили в номер.

Я не раз говорил Антону, что он – кретин, ибо не использует свои возможности. Он только пожимает плечами. Я думаю, что в лагере он слегка свихнулся. Моя гипотеза подтверждается очевидным образом тем, что разговор на любую тему Антон всегда склоняет к

одному направлению: как мы живем и кто мы есть на самом деле. Такое впечатление, будто он устремлен к одному ему видимой цели, и ему наплевать на нашу мелочную суету.

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

В Институте выпустили специальный номер стенной газеты, посвященный открытию Лозунга. На первом листе поместили портрет Вождя, перерисованный из журнала «Огонек». Портрет получился очень смешной. Под портретом поместили стихи Тваржинской.

На всю Планету и по всей Вселенной,
Кидая в дрожь и хлад империализм,
Сверкает Лозунг наш нетленный:
Да здравствует коммунизм!
И все свободолюбивые народы и страны
Уверенно идут к коммунизму вперед
Под водительством ЦК, которое на предстоящем съезде
будет избрано,
Ведя за собой весь народ.

Институт надрывается от хохота. Новиков поздравил Тваржинскую с выдающимся творческим успехом и посоветовал послать стих в толстый журнал. Ступак, однако, сказал, что в толстых журналах хозяйничают консерваторы, и такой смелый по поэтической форме стих они не решатся напечатать. Тваржинская, искренне считающая себя подлинным революционером во всем, за что она берется, с чувством пожала руку Ступаку. Канарейкин, прочитав стих, тут же у газеты развел демагогию на целый час о всестороннем развитии личности при коммунизме. Закончил он свою слезливую импровизацию стихами другого крупного поэта:

Землю попашет,
Стихи попишет.

Теперь уже невозможно поверить, что всего пять лет назад в той же стенной газете была напечатана «Философическая поэма».

Ты, зазноба, выходи-ка,
Дай с тобой поспорю я.
Все на свете объясняет
Марксова теория.

Ты пропела, и заткнись.
Пропою теперь я.
Нету в мире ничего,
Окромя материи.

Ой ты, дrolечка моя,
Приложи старание.
Первым было бытие,
А вторым сознание.

Вот и осень наступает.
Облетает с клена лист.
Вверх ногами понимает
Сей вопрос идеалист.

Ночкой в роще соловей
Уж не заливаётся.
Все на свете вширь и вглубь
Нами познавается.

На дороге стоит пес
И виляет хвостиком.
Дать пора давно отпор
Всяческим агностикам.

Не лупи меня по заду,
Брось прием тактический.
К полной истине идем
Мы ассимптотически.

Милка выпить не даёт,
Как собака, лаетя.
Даже малый электрон
Вглубь не исчерпается.

Коль придется вместе жить,
Наберуся горя я.
Каждый шаг пути ума
Метит категория.

Вечно капает вода
В раковину с крантика.
Правда где, а где вранье,
Проверяет практика.

Шел вечер по переулку,
Дали мне по темени,
Мир в пространстве существует
И еще во времени.

В поле аленький цветочек
На ветру колышется.
В этом мире без конца
Все куда-то движется.

Ты, залетка, не зевай,
Не допускай оплошностей.
Движет миром лишь борьба
Проти-во-полож-ностей.

До тебя не доберешься,
Слишком ты укутана.
В этом мире все в одно
Взаимноперепутано.

Для меня ты не жалея
Кожуха овчиного.
Нету даже пустяка
Вовсе беспричинного.

Ой, шоферик молодой,
Прекрати лихачество.
Без количества никак
Не возникает качество.

Под окошком не торчи,
Брось свои признания.
За отрицанием идет
Снова отрицание.

На тебя не напасть
Порошку стирального.
Мир не пряменько идет,
А путем спирального.

Это что за баловник
Под юбку забирается.
От простого к сложному
Природа развивается.

Перестань в конце-концов
Мне за лифчик глазиться.
Все надстройки, как одна,
Вырастают с базиса.

За каки-таки грехи
Здесь тараторю я.
Острой классовой борьбой
Движется история.

Не смей меня, кума,
Шутками негодными.
Личность делает успех
С массаами народными.

Эй, приятель, берегись,
Не дури наших девчат.
Во главе всего прогресса
Идет проле-тари-ат.

Что ты, парень, глупость порешь!
Аль с утра пораньше пьян!
Пролетарий всех беднейших
За собой ведет крестьян.

Что ноздрею шевелишь?
Что глаза ворочаешь?
Нас к победе приведет
Партия рабочая.

У моей у бабы в попе
Сломалась клизма.
Даже в Африку попер
Призрак коммунизма.

Что, миленок, не целуешь?
Что застыл, как старый пень?
Скоро прыгнут папуасы
Сразу в высшую ступень.

За грудки меня не трогай.
И не смей по морде бить.
Будем все при коммунизме
По способностям трубить.

Не вали меня, невежа,
С сапогами на кровать.
Будем все при коммунизме
По потребности жевать.

Посиди, не торопись,
Не скидай сапог пока.
Наедемся до отвала
Из опилок молока.

До чего же ты смешная,
Надорвешь животки.
Будем каждый день ходить
Даром на субботники.

А твоя фигура тоже
Стоит удивления.
Будем слушать каждый день
Сверху наставления.

В поле сорная трава
До сих пор не полота.
Скоро, братцы, будем срать
В унитаз из золота.

Больше силы нету петь,
Лопнут мочеточники.
По ночам будем долбить
Мы первоисточники.

И та же самая Тваржинская, выброшенная к нам в Институт из КГБ за ненадобностью, с трибуны партийного собрания хвалила редколлегию стенгазеты за «Философическую поэму». Поэма произвела на нее настолько сильное впечатление, что она сама после этого решила сочинять стихи. А я, между прочим, тогда курировал стенгазету от партбюро. От меня зависело, разрешить ее или нет. Я разрешил. И тогда я не мог не разрешить, если бы даже захотел. Через три года после этого редколлегию стенгазеты разогнали за совершенно безобидный номер. Я опять тогда был членом партбюро. И, как все, проголосовал за выговор редактору. А что я мог? Сам редактор был доволен, что отделался выговором. Решение партбюро на партийном собрании утвердили единогласно, хотя многие в кулуарах возмутились. И на общем собрании Института, когда выбирали новую редколлегию (на сей раз в нее включили Тваржинскую), никто даже не пикнул. А если бы кто-нибудь пикнул, что произошло бы? Ничего особенного. Тот, кто осмелился бы пикнуть, лично пострадал бы, и все. И никакого общественного резонанса не было бы. Так что можно нас обвинять в трусости. Но в ней ли тут дело? Думаю, что нет. Дело все в том, что у нас смелость по мелочам совершенно бессмысленна. А до крупных дел удастся пробиться очень немногим.

ХОРОШИЙ СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Вечером к нам заявили Курицыны. Это очень хорошо люди. Правда, ужасно серые, скучные и занудные. Но скромные и честные. Я с ними дружу с первого курса. Они тогда на первом курсе и поженились. Это – единственная пара из всех моих знакомых, избежавшая развода. Мне это нравится, и я их ставлю всем в пример. Тамурка же утверждает, что все это лишь видимость, что они тоже, как все, б...т, только потихоньку и занудно. А не разводятся они от жадности. И дома они наверняка круглые сутки грызутся, как

кошка с собакой. Но Тамура – ядовитая и циничная баба. И хотя она обычно не ошибается, я предпочитаю думать о людях лучше, чем они есть на самом деле. Приятнее жить среди хороших людей.

Курицын – персонаж довольно любопытный. Он старый автомобилист. В автомобиль он вкладывает душу, но не ездит. Он прекрасный фотограф. Но вершина его творчества по этой линии – фотомонтаж унитаза и своей улыбающейся физиономии. Недавно он защитил докторскую диссертацию. Я был оппонентом. Диссертация серенькая, мыслишек – кот наплакал, но добросовестная, не придерешься, вполне защитибельная. Курицын и не претендовал на новаторство. Лишь бы защититься. После защиты, однако, его самосознание резко возросло. Когда я попросил его выступить оппонентом по диссертации моего аспиранта, он отказался, сославшись на занятость, потом сообразил, что я еще могу сгодиться, и согласился. По поводу диссертации сказал, что работа серенькая, мыслишек – кот наплакал, но добросовестная, не придерешься, вполне защитибельная.

За ужином выяснилась цель визита Курицыных. Их сын кончает десятилетку. Решил (это он-то решил!) поступать на философский факультет. У меня там большое влияние и связи. А теперь время такое, что детям интеллигентов (Курицыны – интеллигенты!) сразу после школы поступить в высшее учебное заведение без протекции почти невозможно. Я, конечно, сделаю все от меня зависящее. А вот с моей Ленкой – проблема. До сих пор не знает, куда поступать. Он философского отказалась категорически.

После ухода Курицыных Тамурка заявила, что она больше видеть не хочет этих моих омерзительно хороших друзей.

– Тебе давно пора обновить знакомства. Почему мы ни разу не ходили к Канарейкину, хотя он много раз приглашал нас? А к Корытовым? А к Ивановым? Кстати сказать, и с Васькиными не мешало бы помириться. А то шляешься с какими-то забуддыгами и подозрительными личностями.

Я пробурчал что-то о своем неумении заводить нужные знакомства. Мои мысли занимали Курицыны. И все-таки они хорошие люди. А такие странные они потому, что они советские люди. Хорошие советские люди. Удивительное это явление – хороший советский человек. Вот, например, моя сестра. Прекрасный человек, добрый, отзывчивый, честный, скромный. Лучше не бывает. Недавно мы меняли квартиру – с тещей съезжались. В обменном бюро моим делом занималась женщина, очень похожая на сестру. Я было сунулся к ней с улыбочкой, а она... Бр-р-р! Страшно вспомнить. Ох, и

произдевалась же она надо мной: Мол, профессор, а анкетку правильно заполнить не может! Профессор кислых щей! И вдруг мне пришла в голову мысль: а что, если моя прекраснодушная сестрица в своей конторе куражится вот так же? И однажды мне довелось в этом убедиться воочию. Ее нельзя было узнать. Министр! Да что там министр? Почти как начальник милиции. Слова цедит сквозь зубы. И выражения вроде «Индюк тоже думал!» или «А это Пушкин за вас делать будет?!».

Мы все время на что-то и на кого-то жалуемся. Ищем причины вне нас, уповаем на обстоятельства. А ведь немного надо ума и наблюдательности, чтобы понять простую истину: все, что мы имеем и имеем, есть продукт нашей собственной жизнедеятельности. Это все сделали и делаем мы сами – хорошие советские люди.

С другой стороны – откуда мы такие взялись? Не в биологической же нашей природе это заложено?! В общей форме проблемы тут нет: был исторически данный человеческий и социальный материал, революция открыла путь, на котором совместно сформировался тип советского человека и советского общества. Но тут есть более глубокая проблема: каков механизм воспроизводства всего этого добра? Самое интересное на этот счет я слышу иногда от Антона, от моих ребят, от случайных знакомых, но не от профессионалов, как защитников нашего образа жизни, так и его критиков. Недавно я прочитал сборник «Из-под глыб». Прочитал вполне законно – за «железной дверью» (т.е. в спецхране): к такого рода литературе – имею свободный доступ по роду своей работы. Статья Шафаревича любопытна. Остальное – чушь. Но и эта статья явно дилетантская. Говорят, он – крупный математик. Возможно. Но как теоретик общества – ничто. Смешно в наше время братья за теорию социализма, не будучи профессионально подготовленным специалистом в области марксизма и в области конкретной социологии. Любопытно, что все идеи, выдвигаемые нашими диссидентами, не имеют успеха, хотя они во многом правдивы и умны. А даже бредовые идеи в русле марксизма держатся и процветают. Почему?

– Именно потому, что первые разумны, а вторые бредовые, – сказал однажды Антон. – На уровень науки первые не тянут. Они все равно остаются в сфере идеологии. А для идеологии нужен именно бред.

Ленка прочитала мою статью в философском журнале, посвященную двадцать пятому съезду партии, точнее – огромному философскому значению материалов съезда. И пришла в дикий восторг.

– Папочка, – заорала она на всю нашу гигантскую квартиру. – Это не они там, а ты настоящий гений! У тебя же литературный дар пропадает. Тебе же фельетоны надо писать. Нет, лучше заявления и жалобы в домоуправление, санинспекцию и в трест Мосплодфруктдряньягода по поводу тухлой картошки и протекающих кранов. Послушайте, что он пишет: ...в гениальном докладе выдающегося деятеля нашей партии и всего мирового коммунистического движения... и всего прогрессивного человечества... с поразительной глубиной, широтой и прозорливостью дано гениальное обобщение грандиозного опыта победоносного и неудержимого строительства коммунистического общества в нашей стране, осуществляемого под гениальным руководством нашей коммунистической партии и лично товарища..., гениального продолжателя дела великого Ленина, выдающегося теоретика и руководителя нашей партии и всего советского народа, идущего во главе всего прогрессивного человечества... Нет, папочка, тебе, пожалуй, романы надо писать. Толстой, Бальзак, Достоевский, – все они щенки по сравнению с тобой. Ты же самого Лаптева в два счета обставишь!

– А кто такой Лаптев, – спросил я, утирая слезы, выступившие у меня от смеха.

– Он не знает Лаптева, – сказала Ленка с возмущением. – Это же самый крупный советский социалистический реалист. Стоит ему нацарапать какую-нибудь мразь, как нас тут же в школе заставляют ее учить как образец социалистического реализма. Пятирежды лауреат всех премий (от Сталинской до Ленинской). Герой. Делегат. Депутат и прочая, и прочая, и прочая.

– Ладно, – говорю я. – Напишу я роман, а что с ним делать потом?

– Это не проблема, – говорит Ленка. – Первым делом спрячем так, чтобы никто не узнал. А то КГБ пронюхает, и тебе хана. Впрочем, пустим лучше в Самиздат или напечатаем за границей. Теперь все так делают. После того, как Солженицын приобрел мировую славу, каждый третий интеллигент сочиняет или собирается сочинить что-нибудь антисоветское.

– Ты соображаешь, что болтаешь, – говорю я. – Меня же за одно намерение сочинить подпольную книжку выгонят из партии и

с работы. А с вами что будет? Сашку укатают в Сибирь, а тебе института не видать тогда, как своих ушей.

– Если вздумаешь написать что-нибудь обличительное, – говорит Тамурка, – не уподобляйся этим идиотам диссидентам. Говорят о всяких высоких материях (свобода слова, творческая индивидуальность, право на эмиграцию), а о главном ни слова: колбасы-то приличной все равно нет.

РУКОВОДЯЩАЯ ИДЕЯ

Этот подопок Васькин меня опять опередил. Пока я ежился от стыда за карьеристскую речь, которую придумал прошлой бессонной ночью и собирался произнести на этом совещании, Васькин нагло попросил слово первым и выпалил именно то, что я хотел сказать. В заключение он внес предложение подготовить коллективный труд, обобщающий закономерности нашего движения к коммунизму в период между двадцатым и двадцать пятым съездами партии. И сорвал аплодисменты. Ловок, проходимец! Но я не растерялся. Я спокойно выступил в конце совещания и сказал, что идею такого труда мы давно вынашиваем в нашем Отделе. Очевидно, слухи дошли и до Академии Общественных Наук (АОН), и до Высшей Партийной Школы (ВПШ). И подготовку труда поручили нашему отделу. Разумеется, предложили привлечь крупных ученых из АОН, ВПШ и других учреждений. Васькина включили в редколлегию.

По дороге домой возбуждение от одержанной победы несколько поостыло. И я сказал себе: какой же ты кретин! У тебя на шее уже висит один эпохальный труд по методологии теории научного коммунизма, а тебе все мало. Зачем это тебе нужно? Впрочем, под этот труд можно выторговать в отдел еще человек десять. Надо будет создать новый сектор. Отдел становится огромным. Почти самостоятельный институт. А в общем, я сделал правильно. Иначе труд все равно запланировали бы, только его захватил бы Васькин с бандой своих идиотов. Представляю, что они написали бы!

Размышляя подобным образом, я разоткровенничался перед самим собой. Период между двадцатым и двадцать пятым съездами был действительно замечательный период. Какие открылись возможности! Существует мнение, будто советская интеллигенция не использовала этих возможностей. Или, вернее, будто она их использовала, чтобы устроить свои личные житейские делишки. Конечно, в этом есть доля горькой истины. Однако в целом это мнение несправедливо.

Мы (я – типичный представитель советской либеральной интеллигенции этого периода, и потому имею право говорить «мы») все-таки кое-что сделали. И думаю, что не так уж мало. Мы сделали, что могли, что было в наших силах. Другое дело – наши силы были невелики. Но это уже не наша вина. А то, что мы не пошли по тюрьмам, не сгорели на площадях, не избивались в демонстрациях протеста, так это не от нашей трусости и корыстолюбия. Тут сложнее. Работая над нашей книгой, надо будет, между прочим, разобраться и в этом вопросе. Конечно, не в лоб, а по-умному. Чтобы придрататься нельзя было. И чтобы умный читатель понял, о чем речь. Я поделился своими мыслями с Новиковым, заведующим одним из секторов Отдела.

– Ерунда, – сказал он. – Руководящая идея у нас должна быть одна: как можно дольше оттянуть срок окончания работы над книгой, написать какую-нибудь муру чтобы к нам не прицепились, обсудить, поблагодарить за ценные замечания, выторговать еще год на доработку и т.д. В общем, сделать все от нас зависящее, чтобы нас не сожрали эти подонки из АОН и ВПШ. На нас и так давно зубы точит вся провинция, все столичные кафедры, в общем – все те, кто не считает себя шестидесятником и элитой либерального марксизма, кокетничающего с Западом. Милый мой, дело оборачивается так, что не до жиру, быть бы живу. Как бы они нас не разбомбили по примеру погрома у социологов и историков.

– Не думаю, – сказал я. – Съезд вышел в нашу пользу. Смотри, все ведущие идеологические посты заняли наши люди.

– Это не играет роли. Они все равно будут действовать в силу обстоятельств, а не в силу личных симпатий и антипатий и прошлых отношений. А обстоятельства против нас. Наше время кончилось. По инерции еще может быть протянется год-два. Может быть ты успеешь в член-коры проскочить. Дай бог! Но путного ничего мы уже не сделаем. Да и на кой... нам рыпаться?

– Я тебя не понимаю. Есть же у нас совесть, долг. Должны же мы что-то делать.

– А что я говорю? Надо делать все, что в наших силах, чтобы ничего не делать.

– С такими настроениями делать книгу!...

– Если ты о книге, так эту муть я тебе левой ногой за полгода напишу. А я о ситуации. При чем тут книга? Надо о ситуации думать, а не о книге.

– Ситуация превосходная. Что о ней думать?

– Ты, как всегда, запаздываешь с оценками. Раньше это было в твою пользу, ибо отставание удерживало тебя в дружбе со сталинистами. Теперь не то время. Теперь мы катимся вниз. Берегись, теперь отставание будет действовать против тебя. Теперь надо немножко вперед забегать.

НАШИ ПАРАДОКСЫ

У Ленки с детства выработалась дурная привычка – мешать мне, когда я работаю. Она знает, что я на это сержусь и что сердиться мне нравится, и это ей нравится. Такие минуты – самые приятные в моей жизни. Вот и сейчас она ходит у меня за спиной по кабинету. Тощая, длинная и ехидная. И читает стихи торжественным, как ей кажется, а на самом деле ужасно смешным голосом.

Прекратим на мгновение спор тот пустой.

Пусть реальностью станет, во что мы не верим.

Пусть воздигнется Светлое Здание то,

И широко раскроются Райские двери.

– Ну и семейка, – говорю я. – Отец ортодоксальный марксист, один из ведущих теоретиков коммунизма. А дети почти диссиденты.

– А ты не бойсь, – говорит Ленка. – Мы – ценки по сравнению с канарейкинским Ублюдком.

Ублюдок – сын Канарейкина, студент философского факультета (отделения научного коммунизма, конечно), редкостный болван, но уже себе на уме, секретарь комсомольской организации курса.

– У него, – продолжает Ленка, – все записи Окуджавы, Галича и Высоцкого. Книги Оруэла, Замятина, Солженицына. И «Континент». И «Из-под глыб». И «Третья волна». «Гулаг» в двух экземплярах.

– Ничего себе, говорю я. – Если узнают на факультете, влетит. За чтение «Гулага» сажают!

– Ничего ему не будет, – говорит Ленка. – У него позиция несокрушимая: врага надо знать досконально, чтобы с ним успешно бороться! Знаешь, какая у него тема диплома? Диссиденты на службе империализма. Во как!

Пусть к живущим могучие трубы взовут

В учрежденные свыше законные сроки.

И счастливы, обнявшись, в те двери войдут,

Отряхнуть у порога былые пороки.

– Чьи это стихи?

– Один наш мальчик написал.

И в чаду справедливости и доброты,
Воплотившем прогнозы марксистского знания,
Меня ласково спросят вожди: ну, а ты?
Или наши не слышишь, стервец, приказанья?!
Что стоишь, словно пень, не подымеешь ноги?!
Коли в чем провинился – прощаем.
Заходи в коммунизм. И кусай пироги.
Запивай их с конфетами чаем.

– Вот что, – говорю я. – Я еще не Канарейкин. И прошу тебя, такую антисоветчину в дом не приноси. Читай дальше, чем там кончилось?

– Ой, опаздываю! Дочитаю потом! Пока! У меня ответственная репетиция.

СЮРПРИЗ

Это было еще до съезда. Позвонили из Отделения и попросили зайти по важному делу. Я вошел в кабинет, какой мне был указан. Там меня ждали три человека, принадлежность которых к известной организации не оставляла никаких сомнений. Один из них представился, показал удостоверение и тут же пододвинул мне толстую папку.

– Прошу Вас просмотрите сейчас эту рукопись хотя бы бегло и выскажите Ваше мнение по поводу следующих интересующих нас вопросов: 1) каково отношение этой рукописи к нашей идеологии; 2) какова ее научная ценность; 3) какова возможная реакция на нее на Западе; 4) что целесообразно, воспрепятствовать публикации этой рукописи или допустить публикацию; 5) если допустить, в какой форме лучше это сделать.

Мне не раз приходилось выполнять такого рода работу, так что я нисколько не удивился, спокойно раскрыл папку и... остолбенел. На первой странице было следующее: А.И. Зимин, Коммунизм. Идеология и реальность. Я в полной растерянности поднял глаза на своего собеседника.

– Да, сказал он. – Это рукопись, вернее – фотокопия рукописи Вашего сотрудника А.И. Зимина. Но Вы не волнуйтесь. Мы пока в Академию сообщать об этом факте не будем. Разумеется, если книга будет опубликована, то ход дела будет всецело зависеть от Ваших коллег. Нас пока интересуют вопросы, о которых я говорил.

– Но я так с ходу не могу определить достоинства и недостатки такой большой рукописи. Позвольте мне хотя бы один вечер...

– К сожалению, это исключено. Не будем терять время, просмотрите сейчас. Тем более, насколько нам известно, Вы с идеями знакомы достаточно хорошо.

Я начал читать. Мой лоб покрылся холодным потом. Руки тряслись. Товарищ Оттуда призывал меня успокоиться и подливал теплой воючей воды из графина, которую не меняли, надо думать, с прошлого совещания.

Мы различаем, читал я, коммунизм фактический и коммунизм идеологический не в том общепринятом (как в среде апологетов, так и в среде врагов коммунизма) смысле, будто реальность коммунизма не совпадает с его идеологическим проектом, а в том смысле, что первый есть некоторое реальное состояние общества, а второй – некоторая совокупность столь же реальных текстов. Классическим образцом первого является советское общество, в особенности – в эпоху Сталина. В послесталинский период советское общество под влиянием общения с Западом и страха недавних сверхмассовых репрессий несколько сгладило свой классически коммунистический облик. Но это лишь в отношении некоторых крайностей, а не существа своей природы, которая отныне и навеки веков обречена быть сталинистской (или ленинистской, что одно и то же; но первое выражение точнее). Коммунизм идеологический изложен в обширнейшей марксистской литературе, так что говорить на эту тему, казалось бы, нет надобности. Однако краткий очерк его будет полезен последующим соображениям. В эпоху Сталина коммунизм идеологический достиг ступени предельной ясности, на которой возникла угроза обнажения его сущности для широких масс населения, а не только для отдельных индивидов, для которых он уже утратил обаяние вершины человеческой мысли. И критика сталинской «вульгаризации» марксизма-ленинизма имела практической целью вернуть его в прежнее (досталинское) путаное состояние, более отвечающее природе идеологии. И она добилась в этом настолько значительных успехов, что теперь от былой (классической) сталинской ясности не осталось и следа. Мы попытаемся изложить основы идеологического коммунизма (марксизма-ленинизма) по возможности близко к сталинским образцам. Тем более, что послесталинское «развитие» его не внесло в него абсолютно ничего принципиально нового, заслуживающего внимания, если не считать ревизионистские отклонения от его генеральной линии.

Мы считаем, что коммунизм как идеология (марксизм-ленинизм) вполне адекватен коммунизму как реальному строю общества. Но адекватен не в том смысле, в каком наука бывает адекватна изучаемому

ею предмету (марксизм-ленинизм не есть наука, это – идеология, т.е. нечто принципиально отличное от науки), а в том смысле, в каком идеология адекватна обществу, в котором она господствует. Но мы также считаем, что наука о коммунистическом обществе как об эмпирически данной реальности еще не существует. Уже сложилась богатая литература, критикующая советский образ жизни. Достаточно здесь назвать сочинения Замятина, Оруэла, Солженицына и многих других авторов, выступивших в последнее время. Она содержит много верных наблюдений. Однако сумма этих наблюдений и их обобщения еще не образуют сами по себе науки о коммунизме в собственном смысле слова «наука». Мы здесь попытаемся изложить хотя бы основы науки о коммунизме (научного понимания коммунизма) в той мере, в какой это нам удалось сделать, работая в полной творческой изоляции и в условиях, как будто специально созданных для того, чтобы помешать малейшим попыткам такого понимания.

Просмотрев книгу, я сказал, что картина мне ясна полностью. Книга явно антимарксистская, хотя внешне автор относится к марксизму спокойно и с уважением. И это понятно: сейчас марксизм на Западе переживает новый мощный подъем, и если автор будет явно выступать как антимарксист, его просто не будут читать. Научная ценность ее невелика, так как почти все ее идеи в той или иной форме обсуждались в западной литературе такого рода. Однако поскольку это – книга русского автора, просидевшего в годы сталинизма более десяти лет в заключении, поскольку она написана живо и в общедоступной форме, она вызовет интерес и наверняка будет переведена на западные языки. Так что это очень серьезное дело, и если можно, то надо воспрепятствовать ее выходу в свет Там. Думаю, что фактически это будет лучше и для самого автора.

– Вы знаете Зими́на. Может ли он изменить свое намерение публиковать книгу, если мы побеседуем с ним? Мы можем пообещать ему помочь опубликовать исправленный вариант книги здесь и защитить ее сразу как докторскую. С другой стороны – публикация такой книги может быть расценена как враждебная деятельность за рубежом со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Зимин крепкий человек. Я сомневаюсь в том, что он пойдет на это.

– Видите ли, за эту книгу, судя по всему, Там ухватятся. Не знаю, удастся ли вообще помешать ее выходу. Но есть возможность по крайней мере оттянуть ее издание на послесъездовское время.

– Разумеется, – горячо поддержал эту идею я. – Перед съездом,

да и некоторое время после съезда (до выборов в Академию, надо было сказать, но я, конечно, смолчал) книга может иметь Там широкий резонанс. Надо задержать!

– Но Вы нам должны помочь.

– Я к вашим услугам. Что я должен делать?

– Нам представляется эффективным такой вариант...

Несколько дней я находился полностью во власти книги Антона. Хотя я ее пролистал бегом, я успел увидеть в ней много. На эти темы мы говорили с ним десятки раз. Все в книге мне было уже знакомо. Но тут все это было собрано вместе и приведено в систему. И эффект получился ошеломляющий. Особенно сильное впечатление производит общий метод изложения. Антон не критикует марксизм и советский образ жизни в том духе, как это принято сейчас повсюду. Он принимает все как факт. Он даже наши крайние демагогические заявления принимает как истину. Он выглядит даже более ортодоксальным марксистом, чем я. Например, мы все ноём о развале сельского хозяйства, о повышении цен, о бесхозяйственной и т.п. А Антон принимает как истину заявление нашего руководства (он цитирует наши газеты) о том, что советское общество сейчас как никогда монолитно в социальном, политическом и идеологическом отношении; могущественно в экономическом плане и т.д. А излагает основы марксизма он просто блистательно. Четко, кратко, убедительно. И от этого становится нехорошо. Как будто с тебя сдирают кожу, и ты превращаешься в сплошную рану. Ни до чего уже нельзя дотронуться безболезненно.

– В этом деле, – говорил мне товарищ Оттуда, – нас смущает одно. Мы прочитали книгу очень внимательно. Она нам показалась вполне марксистской. Но вместе с тем в ней есть что-то очень глубоко враждебное, а что именно, нам неспециалистам, разобраться трудно. Вот мы Вас и пригласили...

Знали бы они, что и мне в этом деле не так-то легко разобраться.

Я думал о чем угодно, только не о моральной стороне происшедшего. Такой стороны тут как будто бы и не было совсем.

АКАДЕМИК КАНАРЕЙКИН

Академик Канарейкин – фигура в нашей философии символическая. На философской арене он появился еще тогда, когда даже в Институте Красной Профессуры заявление, будто Сталин – философ, встречалось смехом. Канарейкин был одним из первых, кто

признал Сталина не просто философом, но гениальным философом и классиком марксизма. За это Сталин предложил ему (и еще нескольким лицам того же толка) сразу стать академиком. Прочие согласились, а Канарейкина сгубила чрезмерная честность и скромность. И он стал всего лишь членом-корреспондентом Академии наук, не имея ни кандидатской, ни докторской степени, не будучи даже доцентом. И потом ему почти тридцать лет пришлось расплачиваться за свою глупую совестливость: в академики его выбрали только после смерти Сталина. Став академиком, он ринулся наверстывать упущенное. За несколько лет он произнес по крайней мере тысячу слезливо-восторженных речей, завоевав заслуженную репутацию лирического марксиста и ведущего красноречивого во всем социалистическом лагере, и поставил свою подпись под сотнями статей и книг, написанных для него подчиненными (по слухам, он вообще не научился писать). В конце пятидесятых годов назначили его директором нашего Института, так что весь необыкновенный взлет советской философии в шестидесятые годы оказался связанным с его именем. Именно под его водительством проходило преодоление последствий «культы личности» в области философии.

Метод руководства Канарейкина заслуживает специального изучения. Ограничусь лишь очень кратким замечанием по этому поводу. Канарейкин всеми доступными ему средствами мешал нам работать, тормозил издание книг, печатание статей, защиты диссертаций, организацию и участие в конгрессах и т.п. А мы делали все по-своему, как будто его не существовало. Причем, когда мы делали свое дело, он хвалил нас и включал это в актив руководимого института. Заканчивали мы, например, книгу. Канарейкин забирал рукопись и говорил, что пока он ее не прочтет, в печать не пустит. И тут же забывал о книге, поскольку был занят постоянно делами эпохального значения. Мы проводили книгу через все положенные инстанции, печатали и дарили ему экземпляр с благодарностями. Он со слезами благодарил, хвалил нас и тащился в ЦК, в Отделение, в Горком или в какое-либо иное ответственное место запугивать угрозами ревизионизма, поносить отступников, исправлять ошибки. И дело шло своим чередом. И Канарейкин привык к тому, что все идет именно так, как он хочет, а хочет он в полном соответствии с руководящими установками. И на самом деле было так, ибо время было такое. Но это время ушло безвозвратно в прошлое. Канарейкин превратился во всеобщее посмешище. Скоро его снимут, переведя на какую-нибудь высокооплачиваемую должность для полнейшего бездействия.

Чуть ли не половина сочинений Канарейкина написана мною или под моим руководством. Так что когда при мне Канарейкина поносят за примитивизм, невежество и глупость, мне бывает немного неприятно. Мне в таких случаях кажется, что окружающие понимающе поглядывают на меня. Хотя формально никто не знает о степени моего участия в трудах Канарейкина. Если и догадываются, то только по косвенным признакам: Канарейкин мне всегда покровительствовал. Я ухитрялся так готовить работы для него, что даже ему самому казалось, будто он сам все делал. Я даже выработал у себя специальный канареечный стиль, принципиально отличный от моего настоящего. Так что даже на электронных машинах невозможно будет установить мою причастность к сочинениям Канарейкина. Говорят, что по наличию такой способности к перевоплощению отбирались авторы сочинений Сталина. Они, естественно, ликвидированы. И поди, установи их теперь. Так что отныне и на веки веков Сталин войдет в историю как автор многих работ, часть из которых является шедеврами марксистской литературы (что бы ни говорили сейчас о них). Так и Канарейкин. Наверняка издадут собрание его сочинений. И между прочим, это будут далеко не худшие тексты в марксистской литературе. А издадут ли мои сочинения? Намного ли мои собственные сочинения лучше моих же канарейкинских? А он обладает преимуществом возраста и приоритета. И даже его гнусная роль в становлении сталинизма в его пользу: он все равно фигура, пусть с отрицательным знаком. Потомки, читая его сочинения, будут удивляться. И будут иметь совершенно искаженное представление о нашем времени. И о нас, участниках его. И как же иначе, если даже мы, современники, с самого начала имеем принципиально искаженную картину нашей же собственной жизни. Мы рождены во лжи и зле. И войдем в них в историю. Мы даже правду лжем, а добро творим как зло.

– Объясни мне, – сказал однажды Антон, – как это возможно? Марксистско-ленинская теория дает самое глубокое, самое всестороннее, самое правильное, самое... самое... понимание и общих законов истории, и законов нашего общества, и тем более законов ихнего общества, и конкретных явлений нашей жизни, и, само собой разумеется, всех конкретных явлений ихней жизни. Ты не раз писал это в своих книгах. И соответствующее место в докладе на высочайшем уровне написано при твоём участии. Не так ли? И ты в это, конечно, искренне веришь. И вместе с тем ты сам прекрасно знаешь, как у нас отбираются и готовятся наши кадры теоретиков марксизма.

Бездарности, карьеристы, лодыри, психи, проходимцы и т.п. Образование – культивирование невежества. Ты сам не раз жаловался, что не можешь аспиранта себе приличного найти. А ведь выпускаются ежегодно сотни шакальчиков, готовых за аспирантуру на что угодно. Ты сам говорил, не раз, что газеты и журналы – сплошное вранье и галиматья. Мы по уши во лжи и лицемерии. Как же так? Как может такой человеческий материал в таких условиях создавать это самое, самое, самое...?

– Одно дело – теория, другое – люди, исповедующие ее и охраняющие, – говорю я неуверенно, ибо крыть тут нечем. – Бывает же так даже в естественных науках, что правильные идеи отстаивают кретины, прохвосты, карьеристы.

– Бывает, но совсем не то. Раз наука есть массовое социальное явление, в ней наверняка греют руки бездарности и карьеристы. Но если она вынуждена сохранять статус науки, в ней обязательно есть некоторое ядро способных, грамотных, добросовестных людей. Иначе это не наука. Иначе это имитация науки, Каких теперь много. Нет, дорогой мой, выход тут есть. И очень простой. Твоя теория вовсе не наука в собственном смысле слова. И сама ее претензия быть «самой, самой, самой...» есть претензия чисто идеологическая. И атмосфера лжи есть нормальная среда.

Иногда я спрашиваю себя: если бы я принял позиции Антона, смог бы я сделать нечто подобное его книге, или нет? Когда я слушаю Антона и других моих собеседников такого рода, я все понимаю. И мне кажется тогда, что я и сам мог бы загнуть такое. Но в глубинах своего подсознания я чувую, что это неправда. Просто я не смог бы делать то, что делает Антон. У меня для этого нет ни голоса, ни слуха. Я делаю то, что могу. Я мог бы то, что делаю, делать лучше. Гораздо лучше. Но именно этой-то возможности у меня нет. Я мог бы стать ярким и авторитетным даже в кругах врагов марксистом. Я это чувствую. Но именно этого больше всего боятся мои начальники всех рангов и коллеги. Мне охотнее простят ревизионизм (подумаешь, какое дело! видали мы их!), чем яркую и талантливую защиту ортодоксального марксизма. Это даже несколько комически звучит: я в своем деле фактически попал в ситуацию, в какой оказался Солженицын в области литературы и Неизвестный в области изобразительного искусства. Любопытно, что мне лестно признавать такую аналогию. Говорят, что основная причина, толкнувшая Пеньковского на предательство, заключалась в сознании невозможности реализовать свои профессиональные потенции. Представляю,

какой хай поднялся бы на Западе, если бы я заявил о своем отказе от марксизма и начал бы его поносить!

Знали бы мои сослуживцы, какие мысли бродят в моей голове! Кто я для них? Я это хорошо знаю: доброжелательный, работоспособный, не очень глупый (но, конечно, умнее Канарейкина, что легче легкого!); карьерист, мечтающий пролезть в член-коры, потом в академики, потом...; но – индивидуалист; карьерист, характерный для шестидесятых годов; нормальные советские карьеристы медленно шагают со ступеньки на ступеньку, создавая у окружающих ощущение законности; а такие, как я, прыгают через ступеньки и возносятся за счет «личных способностей», вызывая раздражение у всех – и у своих, и у чужих.

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Квартира у нас прекрасная. Я получил от Академии трехкомнатную квартиру. У тещи осталась на одну двухкомнатная квартира (муж умер, дочери вышли замуж). Тамурка настояла на том, чтобы съехаться вместе, хотя я был против. Теперь все стремятся разделяться, а не объединяться. И правильно делают. Но так или иначе, у нас теперь пятикомнатная квартира, – для советского среднего интеллигента явление исключительное. Кроме того, кормят и поят у нас в доме гостей хорошо, – надо отдать должное Тамурке. И потому у нас постоянно гости, причем, обычно появляются они без приглашения и даже часто без предупреждения, экспромтом. И нам именно это нравится. И даже теща пристрастилась к гостям и к выпивке. И когда гостей нет, она даже тоскует.

Сегодня к нам неожиданно появился Дима Гуревич с женой. Потом пришел Антон с Наташей. Позвонил Эдик Никифоров, сотрудник нашего отдела. Я сказал, чтобы он с женой приходил, и если хотят, чтобы захватили по дороге Семена Ступака, тоже сотрудника отдела. Так собралась теплая компания.

Дима – отъявленный антисемит. Среди некоторой части евреев это модно, как модно среди некоторой части русской интеллигенции поносить русский народ. К тому же с таким носом, как у Димы, это можно себе позволить. А вот какво мне?! Все уверены, что я еврей. В крайнем случае – полурусский и полуеврей. Это я-то, выходец из крестьян Тульской губернии и обладатель физиономии классического ваньки! Подонок Васькин (вот уж кто наверняка по крайней мере полуеврей!) пустил слух, что неверно, будто я полурусский и

полуеврей, что на самом деле я полуеврей и полуеврей. Дима, как и положено еврею, выросшему в семье старого большевика, страстный поборник самобытной русской культуры, проявляющейся в балалайках, матрешках, частушках, резных наличниках и плясках. Когда я сказал Диме, что так называемые русские пляски выдумали евреи, а что касается действительно русской культуры, то русские выдумали классический балет, его чуть не хватил удар.

– Итак, друзья мои, мы по всей вероятности будем сматываться отсюда, – сказал Дима после второй рюмки (после первой он как раз говорил о балалайке).

– На родину предков? – спросил Антон.

– Ты с ума сошел, – возмутился Дима. – В Канаду или США. На худой конец – в Париж. Увы, такова печальная участь передовой русской интеллигенции.

Эдик Никифоров тут же сочинил экспромт на эту тему.

Теперь-то я понял, какой был болван,
Родившись на свет, как посконный Иван.
Теперь хоть яйца отрежешь к херам,
Не сгнешь ни Хайм, ни Исаак, ни Абрам.
Теперь хоть тресни, теперь хоть убей,
В пункт пятый не вступишь стыдливо: еврей.
И в первом отделе не скажут: он – жид,
Возьмешь как Ивана, а он, блядь, сбежит.
Увы, я Иван. И о чем говорить.
Я рай для потомков тут должен творить.
Зачем? Чтоб потомок у рая дверей
Завыл: ах, за что я Иван, не еврей?!
Но если на дело научно взглянуть,
То это бы надо кругом обернуть.
Ведь рай на земле (это – факт, не обман)
Задумал Абрам, а отнюдь не Иван.
И райскую жизнь для потомков куя,
Иван не имеет себе ни...

– Недурно, сказал Дима. – Только теперь ситуация изменилась. Слышали анекдот, как русский и еврей подали заявления на отъезд, русскому разрешили, а еврею – нет, поскольку у него пятый пункт в анкете не в порядке? Так вот, (тут Дима назвал несколько типично русских фамилий) получили разрешение на отъезд в Израиль. Это теперь узаконенная форма эмиграции. Так что если ты русский, и хочешь удрать, объявись евреем.

Потом стали прохаживаться насчет нашего эпохального труда.
– Папа считает этот период Золотым Веком нашей истории, – сказала Ленка. – Он говорит, что до этого было хуже и потом опять будет хуже.

– Ничего себе ведущий марксист-ленинец всего социалистического лагеря, – сказал Дима. – Это же точка зрения отщепенцев и клеветников. И ревизионистов тоже. И розовых западных коммунистов, мечтающих создать свою либеральную модель коммунизма с колочей проволокой не в четыре ряда, как у нас, а только в три. У нас, дорогой мой, никогда не было хуже. У нас всегда было, есть и будет только лучше.

– Прошедший вонючий период нашей истории, – неожиданно ввязался в разговор обычно молчаливый Сашка, – оправдан хотя бы уже тем, что породил Солженицына, Сахарова и других им подобных замечательных людей, которые произвели во многих наших душонках некоторое озарение и вселили слабую надежду на то что не все результаты истории по линии очеловечивания известной двуногой твари падут прахом и будут преданы забвению.

– Дурак этот ваш Солженицын, – сказала Тамурка, – Учит их там всех, как правильно жить на Западе. Как будто они без него сами разобраться не могут.

Потом заговорили о Сталине, об обстоятельствах его смерти, о докладе Хрущева. Ступак сказал, что доклад этот Берия подготовил для себя, а Никита перехватил. И в деталях рассказал о поведении руководящей верхушки в это время. Откуда ему все это известно? Говорит, что многое – из западной печати, многое – из нашей, многое – из неофициальных разговоров, остальное – по методу исторической интерполяции и экстраполяции. И с блеском продемонстрировал это на примере. Очень способный парень. Но, к сожалению, слишком тяготеет к фактам, слишком педантичен и мелочен. Не представляю, как его можно использовать в нашей книге. Он предлагает взять на себя всю фактологическую сторону дела. Боже упаси! Именно это нам не нужно вообще. Мы же теоретики.

– Кстати, последняя новость, – сказал Дима на прощание. – Закрыли Центральный бассейн.

– Это почему же, – удивился Сашка. – Я там вчера был и вроде бы...

– Проявляют портрет нашего вождя, – сказал Дима без тени улыбки.

Вот и попробуй в такой обстановке настроиться на серьезный лад! Потом мы провозжали всех по домам. Мы живем все в одном районе. Очень удобно.

– Да, очень удобно, – сказал Антон. – Обтянуть колючей проволокой наш район, поставить вышки и часовых, и проблема советской демократии будет сразу решена исчерпывающим образом.

Я напомнил Антону о его обещании изложить кратко свои соображения по поводу прошедшего периода. Как только гости разошлись, мы с Тамуркой сразу вернулись в состояние взаимной отчужденности и уединились в своей комнате. Мы давно уже ведем независимый друг от друга образ жизни. Как говорит моя интеллигентная теща, мы даже спим членораздельно. Я совершенно не интересуюсь, как и где она проводит вечера и иногда ночи. Она время от времени шантажирует меня угрозами написать заявление в партбюро о моем подлинном моральном облике. Что ее удерживает со мной? Привычка. Деньги. Квартира. Дача. Надежда, что я выйду наконец-то в член-коры, и мы получим доступ к закрытому распределителю.

Антон принес свои соображения на другой же день.

НОВЫЕ ПОТРЕБНОСТИ

Как говорил Маркс, удовлетворенная потребность рождает новую. Как только граждане, обитающие в районе площади Космонавтов, насладились прекрасным зрелищем лозунга «Да здравствует коммунизм», у них появилась новая потребность – как бы его испакостить. И вскоре на бетонных постаментах появились неприличные надписи, среди которых преобладало всемирно известное слово из трех букв. Ступак говорит, что по данным института Геллапа (в США) даже слово «спутник» не смогло превзойти его по мировой известности. А к стальным буквам хулиганы ухитрились каким-то образом приклеивать окурки и обгорелые спички. Одну букву захаркали до такой степени, что получилась орфографическая ошибка. Группа пенсионеров – старых большевиков написала письмо в газету. На место происшествия выехали журналисты. Появился фельетон на тему, как мы бережем культурные ценности. Фельетон попал в горком партии, оттуда дали сигнал в райком, райком нажал на партбюро, партбюро нажало на комсомольское бюро. Собрали комсомольское собрание. И комсомольцы института с большим подъемом взяли шефство над лозунгом. В институте из молодежи была создана группа дружинников. У лозунга установили постоянное дежурство по вечерам.

Дежурили, разумеется, аспиранты и младшие научные сотрудники, склонные по молодости к пьянству. А поскольку рядом с Лозунгом кафе «Молодость» и гастроном с мощным винным отделом, то дружин-

ники времени даром не теряли. Первым делом они, основательно упившись, устроили драку со случайными прохожими. Милиция, естественно, встала на защиту дружинников, ибо сам институт дружинников являет собою образец зародышей коммунистической демократии, коммунистических органов самоуправления (или самоуправления?) общества. И дело замяли. Но вскоре дружинники перепились до такой степени, что все, за исключением одного, угодили в вытрезвитель. Этот исключительный один свалился в промежутке между буквами, и его не нашли. Ночью его раздели жулики. В Институте после этого провели большую воспитательную работу. В народную дружину включили нескольких старших научных сотрудников, являющихся членами партии. Среди них один оказался старым опытным алкоголиком. Он-то и научил молодых ребят, как нужно пьянствовать, не попадая в неприятные истории.

– Главное, – сказал он, – занять личную дружбу с милицией. Когда было собрание, на котором меня принимали в партию, я был посажен на пятнадцать суток за мелкое хулиганство. Так меня под честное слово выпустили. Теперь, конечно, время уже не то. Так что, ребятки, надо пить умеючи.

СООБРАЖЕНИЯ АНТОНА ЗИМИНА

Прошедший период советской истории, писал Антон, который я называю периодом Растерянности и Стабилизации, был одним из самых интересных периодов не только в истории народов, населяющих Советский Союз, но и в истории человечества вообще. Хронологически это период между двадцатым и двадцать пятым съездами КПСС. Разумеется, эти границы более или менее условны: в каких-то сферах советской жизни этот период начался немного раньше двадцатого съезда КПСС, в каких-то позже; в каких-то сферах он закончился раньше двадцать пятого съезда КПСС, в каких-то позже. Упомянутые хронологические границы являются суммарными. А так как они являются официальными вехами советской истории, они удобны. И объективны, ибо в Советском Союзе реальная история так или иначе тяготеет к официальному ее представительству, и никакой иной фактической неофициальной истории здесь почти не существует. Советская история не по видимости, а на самом деле есть история съездов, совещаний, планов, обязательств, перевыполнений, освоений, пусков, манифестаций, награждений, аплодисментов, плясок, проводов, встреч и т.п., короче говоря – всего того, что можно вычитать в

официальных советских газетах, журналах, романах, что можно увидеть по советскому телевидению и т.д. В Советском Союзе кое-что происходит такое, что не попадает в средства массовой информации, просвещения, убеждения и развлечения. Но это все образует здесь несущественный внеисторический фон советской реальной истории. Все то, что постороннему наблюдателю, не прошедшему школу советского образа жизни, кажется ложью, демагогией, формалистикой, комедией бюрократизма, пропагандой и т.п., на самом деле образует плоть и кровь этого образа жизни, самую эту жизнь как таковую. А все то, что кажется горькой правдой, фактическим положением дел, здравым расчетом и т.п., на самом деле есть малозначащая шелуха реального процесса. Не поняв этого, нельзя понять сути советского образа жизни, – классического образца коммунистического строя жизни, к которому так или иначе тяготеет человечество. Если, например, взять такой поразительный факт советской истории предшествующего (сталинского, трагического) периода, как миллионы жертв, с одной стороны, и разговоры о гуманизме, об укреплении социалистической законности, о борьбе с врагами народа и т.п., которыми была до предела насыщена атмосфера духовной жизни общества, то именно эти невесомые, казалось бы разговоры, образуют более доминирующую часть тела советской истории, чем вполне персонифицируемые и теперь подсчитываемые репрессии. Я специально привел этот пример, рискуя быть обвиненным в апологетике сталинизма, чтобы в наиболее резкой форме выразить свою основную мысль. Если вы хотите понять, что такое коммунизм, изучите его классический реальный образец – советское общество, т.е. исходите из фактов, а не из абстрактных гаданий и прекраснотушных пожеланий. А чтобы понять советское общество именно в его качестве коммунистического общества, необходимо рассмотреть его с точки зрения его самодовлеющих реальностей и ценностей, а не с точки зрения внешних оценок и сопоставлений. Нужен определенный метод понимания. Если не совсем научный (в силу внутренних советских условий, исключая научное исследование этого общества в широких масштабах и в полном соответствии с критериями науки), то по крайней мере стремящийся в тенденции удержаться в основных чертах в пределах научности. Надо посмотреть на советское общество в таком разрезе и в такой системе понятий, в каких не заинтересованы смотреть на него ни апологеты коммунизма, ни его противники. Первые не заинтересованы по причинам вполне понятным, вторые потому, что при этом теряются явления, вызывающие наибольший эмоциональный эффект.

Приведу два поясняющих примера. Противники коммунизма рассматривают коллективизацию в Советском Союзе просто как насилие и зверство в угоду некоей идеологической или политической идее, а некоторые защитники исправленного коммунизма (коммунизма без отрицательных явлений его в Советском Союзе, например – без массовых репрессий) рассматривают ее как ошибку или, в лучшем случае, как неудачный эксперимент. Если бы это было действительно только так, то это было бы еще полбеды. Но увы, это не было ошибкой. И не в том смысле, что это было правильно. А в том смысле, что понятия «ошибка» и «правильно» вообще не применимы к случаям такого рода. Здесь нужны другие понятия, ибо коллективизация была нормальным явлением в жизни этого складывающегося социального организма. И понятия «насилие», «зверства» и т.п. здесь тоже не отражают адекватно сути дела. Хотя бы уже потому, что подавляющее большинство крестьян добровольно пошли в колхозы, а всякая попытка восстановить единоличное хозяйство в масштабах страны обречена на провал, если даже ее осуществлять насильственно. Дело не в том, что не было насилия (оно было) и зверств (они были), а в том, что суть дела тут совсем в ином. И если думать не о сведении счетов с тяжелым прошлым, а о понимании существа советского (коммунистического) образа жизни в интересах будущего, то надо в корне изменить способ видения и, естественно, фразеологию.

Другой пример. Защитники коммунизма говорят: смотрите, в Советском Союзе бесплатное медицинское обслуживание, дешевые квартиры и транспорт, нет безработицы и т.п. Критики коммунизма говорят: в больницах очереди, лечат плохо, квартиры тесные, в транспорте давка, зарплата низкая и т.д. Критики принимают тот разрез видения коммунизма, какой им навязывают его апологеты. Но на самом деле медицинское обслуживание не бесплатное, ибо с граждан на это дело высчитывают в зарплате и в ценах на продукты независимо от того, лечатся они или нет; безработицы нет только благодаря тому, что директора предприятий не могут уволить лишних людей, не могут интенсифицировать труд, не могут повысить зарплату оставленным и т.п., так что обстоятельства, порождающие безработицу, остаются, но действуют они иначе (в конечном счете ухудшают условия жизни населения). Тут нужны сопоставления иного рода, а именно – соотношения различных категорий населения с точки зрения распределения жизненных благ, т.е. внутренние сопоставления, гораздо более существенные с точки зрения понимания общих тенденций советского образа жизни. Везде и всегда, скажут

мне, были привилегированные слои общества. Разумеется. Но суть дела не в этом тривиальном факте, а в том, как здесь формируются привилегированные слои, каковы они, к чему ведет именно такой тип расслоения общества. Из того факта, что на Западе есть богачи и нищие, угнетенные и угнетатели и прочие контрасты, никак не следует, что советское общество не является дифференцированным, и что эта дифференциация не имеет своих специфических проявлений и последствий.

Но я, кажется, отвлекся. В чем заключаются наиболее интересные уроки этого прошедшего периода нашей славной истории? В этот период перед советским народом открылись реальные возможности радикально улучшить социальные условия своего бытия, но он добровольно и вполне сознательно их прошляпил. В этот период с циничной откровенностью проявилась сущность советского образа жизни и естественная натура человека, являющегося носителем этого образа жизни. Тут законы и механизмы советского общества обнаружили себя с такой отчетливостью и простотой, что потребовались огромные усилия со стороны всех слоев общества (как правых, так и левых; как защитников, так и оппозиционеров), чтобы их не заметить. В этот период лопнуло сознание, будто режим Сталина навязан советскому народу силой и извне, сверху. Очевидные механизмы советской жизни сработали в это время сами собой с неумолимой силой и вопреки желаниям начальства, народа, интеллигентов, друзей, врагов, умников, кретинов, невежд, эрудитов, ученых, идеологов и т.п. Сработали как естественные законы природы и стабилизировали советское общество в том его состоянии, которое вполне устроило бы и Сталина со всей его бандой. В этот период все дерьмо советского строя жизни вылезло наружу для всеобщего обозрения и заявило о себе как о нормальной среде и пище нормального здорового человека.

Конечно, и раньше были некоторые возможности на этот счет. Так, писатель И.П. Горбунов наблюдал формирование советского строя после революции в двух районах страны, изолированных друг от друга и от центра. В них не было ни одного марксиста вообще. Деятели этих районов никак не общались с центральной властью, а вели себя так, как будто действовали непосредственно по инструкции Ленина. Даже процент уничтожаемых врагов народа совпал до сотых долей процента с общим уровнем по стране. Но Горбунов не придал этому значения. Он считал это очевидной банальностью и, как типичный образованный кретин нашего времени, искал какие-то глубинные таинственные закономерности, недоступные здравому

смыслу и обычному природному уму. И потому впоследствии утробил более тридцати лет жизни на каторжный труд по отысканию грощовых секретов закулисной советской жизни. Рассматриваемый период был хорош уж тем, что позволил с малыми усилиями познать многое.

НАЧАЛО ЭПОХИ

Антон, конечно, перегибает палку. Но в его словах есть что-то очень тревожное и правдивое. Его соображения полезно запомнить для личного пользования. Но они, конечно, абсолютно непригодны для нашего труда. Как же я смогу его использовать? Кажется, я с ним влип в неприятную историю. Тем более в институте болтают, будто он – сторонник Солженицына и Сахарова. Сегодня было закрытое заседание дирекции с представителями ЦК. Предупредили: если кто-нибудь в Отделе подаст документы на отъезд в Израиль, придется положить партбилет. Так что надо принимать профилактические меры. Упомянули Антона. Я сказал, что он самый что ни на есть русский, глубинный русский, прямой потомок Зимина, упоминавшегося еще у историка Соловьева. Инструктор ЦК сказал, что это ничего еще не значит. Они (кто они?) здорово маскируются. Дома Ленка подсунула мне какую-то книжонку. Сказала, что это специально для меня написано. И я прочел следующее.

Уже ни и кого не было сомнений в том, что дни Сталина сочтены. Смерть его ждали и замерли в ожидании. И это было не переживание судьбы конкретного человека. Сталин давно уже не был ни для кого человеком. Это было неосознанное ощущение какого-то грандиозного социального события, завершающего свой ход и касающегося всех.

По Москве ходили слухи, что Сталин давно уже умер, а газеты все еще печатали бюллетени о состоянии его здоровья. Одни объясняли это желанием Руководства постепенно подготовить народ, другие – тем, что в Руководстве идет драка за освободившийся престол. И мало кто в это время отдавал себе отчет в том, что смерть Сталина будет означать нечто большее, чем завершение жизненного пути человека по имени Сталин, а именно – завершение целого периода советской истории, – трагического, романтического, страшного. Мало кто понимал, что с именем Ленина была связана лишь предыстория Советского Союза, его становление и чисто физическое выживание в гражданской войне, а собственная же имманентная история Совет-

ского Союза до сих пор была связана с именем Сталина, воплощалась в нем, символизировалась им. Сталин – это было собственное имя этой истории и ее сущность. Это чувствовали все, но не понимал почти никто. Понимавшие либо сгнили в земле, либо находились в концлагерях и ждали своей очереди сгнить, либо затаились в глубине советской жизни без какой бы то ни было надежды выйти на сцену истории.

И еще меньше было таких, кто понимал, что этот период советской истории начал заканчиваться задолго до предстоящей, (а может быть уже состоявшейся) смерти Сталина, а именно – в грандиозных поражениях начала этой войны, когда многие миллионы советских людей словно очнулись от наваждения и обрели крупицу здравого смысла. Потом этот период лишь агонизировал. И как знать, может быть с ним произошло то же самое, что с самим Сталиным: он давно скончался, а кончину его все скрывали почему-то и от себя, и друг от друга. С ним не хотели расставаться. С ним было жаль расставаться. Все бессознательно чувствовали, что с окончанием этого периода кончатся иллюзии насчет Светлого Будущего человечества, чувствовали, что это Светлое Будущее есть грандиозный самообман и обман. И не хотели признаться себе в этом. Хотели оттянуть тягостный момент признания. И уж совсем мало было таких, кто понимал это.

И вместе с тем миллионы-миллионы людей ждали смерть Сталина как величайший праздник. Многие не осознавали это. Многие боялись себе признаться в этом. Многие готовы были простить ему все, лишь бы он умер скорее и умер на самом деле. Многие надеялись на перемены. Многие собирались делать перемены. Ожидание смерти Сталина было ожиданием конца кошмара, более тридцати лет терзавшего советское общество. И то море слез, которое пролили советские люди, когда в конце-концов Руководители решились объявить о смерти Сталина, было образовано не столько слезами горя, сколько слезами облегчения. И советские люди, выдрессированные десятилетиями лжи и притворства, без всякого труда, добровольно и охотно привели себя в состояние искреннего горя, как совсем немного спустя они с такой же легкостью ддрессированных творцов коммунизма привели себя в состояние искреннего негодования по поводу злодеяний их кумира и гнусной банды его соратников, о которых (о злодеяниях) они якобы не знали, хотя сами были ревностными помощниками сталинской банды в их осуществлении.

Наконец объявили, что Сталин умер.

Начался новый неожиданный и, вместе с тем, ожидаемый период советской истории. И уж совсем никто в то время не знал, и не мог знать, что именно этот период, а не прошлая история мира вообще и Советского Союза в частности, даст ключ к пониманию сущности коммунизма и перспектив будущей истории человечества.

Не знал в то время ничего подобного и я. Я в то время был спортивным молодым парнем из прекрасно обеспеченной семьи. Мой отец был крупным инженером в МВД по строительству концлагерей и получил за это Сталинскую премию, великолепную квартиру в «Генеральском» доме у метро «Сокол» и бесплатную дачу около Москвы с прекрасным участком. Я без особых усилий поступил на Физический факультет Университета. И нет ничего удивительного в том, что я с группой товарищей ринулся прощаться со всеобщим (и моим, конечно) кумиром. В районе Трубной площади нас разъединила толпа. Началась неслыханная доселе давка. Никто никогда не узнает, сколько еще добровольных жертв увел с собою в могилу Сталин. Я начал пробиваться обратно, и мне с большим трудом это удалось. На моих глазах о стену раздавили молодую женщину. Она сползла под ноги толпе. И никто даже не обратил на это внимания. Каким-то чудом меня втокнуло во двор и поволокло по месиву из человеческих тел. Потом я уже на четвереньках выползал из толпы прямо в лапы милиционеров, дружинников и солдат. По каким-то одним им ведомым признакам они выбирали в толпе «зачинщиков» и «провокаторов», на которых потом можно будет свалить вину, избивали, заталкивали в военные грузовики и куда-то увозили. Я получил свой удар по голове и очухался лишь в машине. Нас привезли на окраину Москвы и вывалили на землю на участке, окруженном высоким забором. Я был как в бреду. И ничего не помню, что было с нами тут до ночи. Ночью нас отпустили домой. Отпустили, а не посадили, – это было характерным признаком новой эпохи. Но я не умилился этому. Я был сыном такого человека, который гарантировал мне человеческое достоинство и защиту. Я до умопомрачения был возмущен. Я скрипел зубами и не боясь того, что меня услышат, хрипел одно: погодите, сволочи! я вам этот не прощу! я вам отплачу!

Эта минута перевернула всю мою жизнь.

Потом я задумывался не раз над тем, почему нас тогда отпустили домой. Конечно, тут можно только гадать по поводу конкретности отдельных распоряжений. Но суть дела мне теперь ясна: им уже некого было сажать!!! В той группе, задержанных, в которой я тогда оказался, было два лауреата Сталинской премии, один Герой Совет-

ского Союза, известный писатель – сталинский подонок, четыре полковника и т.п. Режим массовых репрессий рухнул также и по той причине, что репрессии теперь могли обрушиться только на ту часть населения, которая сама была оплотом, телом, исполнителем, истолкователем, апологетом и т.п. самого режима массового террора. Костер сталинизма потух не потому, что руководители партии и государства решили его потушить, а потому, что до тла сгорело все топливо, до сих пор поддерживавшее его. Гореть было больше уже нечему.

– Кто автор, – спросил я.

– Это же Забелин, – ответила Ленка.

– Где достала книгу, – спросил я.

– У Боба – ответила Ленка. – Его отец получает такие книги для служебного пользования. Да ты не бойся, ее уже половина города прочитала.

– Пусть половина города читает, что ей заблагорассудится, – сказал я. – Но тебя попрошу в дом такие книги не приносить. Из-за этого могут быть большие неприятности. Слушай радио, а книги не носи. Это – вещественное доказательство, понимаешь?! Ты же не маленькая, пора научиться быть осторожной.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

После той встречи с товарищами Оттуда я имел беседу с Антоном.

– Послушай, Антон. Мы с тобой знакомы много лет и хорошо понимаем друг друга. Есть у меня, понимаешь, такое ощущение, ты написал книгу. Не может быть, чтобы такой человек, как ты, с такими принципами и так много думавший над нашими проблемами, не записал итоги своих размышлений. А раз ты книгу написал, ты будешь ее печатать во что бы то ни стало. Так?

– Допустим, так.

– Скажи откровенно, ты уже предпринимал попытки напечатать книгу Там?

– Да.

– И что?

– Пока безрезультатно. Те западные издательства, в которых я хотел бы напечатать книгу, находятся под контролем тех или иных групп русских эмигрантов. Они отказались печатать, поскольку моя концепция им никак не подходит. Типично русское явление, кстати сказать, – нетерпимость к инакомыслящим.

– Скорее типично советское.

– Конечно. А печататься в известных тебе издательствах явно антисоветских я пока не хочу. Это – на крайний случай. Там – пожалуйста. За три месяца издадут.

– У меня есть одна идея. Я знаю одно очень приличное новое издательство, которое, пожалуй, сможет напечатать твою работу. Когда мы были в Париже, представитель этого издательства предлагал издать там мою книгу, если я захочу. Я конечно, не захотел. Мне это ни к чему. Я вспомнил об этом потому, что этот человек сейчас в Москве. Если хочешь... Но будь, пожалуйста, осторожен... Сам понимаешь...

– Спасибо. Я, конечно, воспользуюсь твоим советом. Я об этом издательстве кое-что слышал. Но я не думал, что оно печатает такие работы.

– Я не говорю, что оно печатает такие работы. Я говорю, что это возможно. Ведь ты, надеюсь, написал вполне академический труд, а не какую-нибудь вшивую антисоветскую болтовню.

– Я не антисоветчик. Я в политику вообще не лезу.

– Значит, дело твое может выгореть. Попробуй!

Через несколько дней Антон принес пару бутылок вина, и мы отметили начало «дела». Я посоветовал Антону не трепаться об этом «деле» ни с кем. Попросил также перед выходом книги уйти из Отдела в другое место.

– Иначе ты крупно подведешь нас всех. Нас разгромят тогда самым беспощадным образом.

МОЕ НАЧАЛО ЭПОХИ

А что могу вспомнить я о тех временах? Я тогда уже был в лекторской группе горкома. И нас провели попрощаться со Сталиным без всякой давки. С Васькиным мы тогда были друзьями. Васькин говорил, что теперь одна надежда – на Мао. Меня больше тянуло в сторону Тольятти. Но в оценке Сталина мы были единодушны. Он напечатал в «Коммунисте» статью по работе Сталина «Экономические проблемы социализма», а я напечатал серию статей по работе «Марксизм и вопросы языкознания». Расхождения у нас начались несколько позже, после доклада Хрущева.

Доклад Хрущева был для меня полной неожиданностью, хотя я и был вхож в коридоры ЦК, хотя симптомы приближения такого рода события ощущались явственно. Так, разрешили не ссылаться на работы Сталина, а на инструктаже лекторской группы нам прямо

не рекомендовали не делать ссылок на Сталина. Думаю, что высшее руководство имело намерение осуществить десталинизацию постепенно. А впрочем, кто их там знает! Васькин тогда говорил мне, что в руководстве нет и не может быть единства, что какая-то часть (и это ясно, какая именно) будет стремиться сохранить статус-кво, а другая использует критику Сталина как средство в борьбе за власть, что эта борьба отражает процессы в стране, но не прямо и не буквально, а через серию опосредствующих звеньев, и т.п. Но я не принимал это всерьез. А когда потом произошло именно так, как он предсказывал я забыл о его предсказаниях. Мне стало казаться, что я и сам все знал и понимал до этого. Но это все – дело прошлое. Пусть историки копаются в этом навозе. Мое начало сильно отстало от начала эпохи. После доклада Хрущева в ЦК собрали закрытое совещание ведущих идеологических работников. Митрофан Лукич, председательствовавший на совещании (он начал тогда выходить в самые верхи), прямо сказал нам, что Сталин вульгаризировал марксизм-ленинизм и т.п., призвал развивать, двигать, поднимать на новую ступень и т.д., обещал выдвигать молодые и талантливые кадры. Это уже непосредственно касалось меня. Через неделю меня назначили заведующим сектором в нашем Институте (отдела тогда не было, отдел я потом создавал сам). Потом была докторская диссертация. Квартира. Статьи. Книги. Комиссии. Редакции. Заграничные поездки. Это все было потом. И я все это принимал как должное. И сравнивая свое положение с положением заграничных профессоров, считал свой образ жизни нищенским и подневольным. И мог даже об этом говорить вслух. Время наступило такое! Все говорили так! Даже Васькин.

Но здесь я хочу сказать о другом. На следующий день после упомянутого мною совещания, как я узнал потом, проходило еще более закрытое совещание под председательством того же Митрофана Лукича, на котором говорили о шатаниях, колебаниях, уступках, отступлениях и т.п., призывали к усилению бдительности, укреплению принципа партийности и т.п., вырабатывали соответствующие мероприятия. Выступал там и Васькин. И называл имена тех, за кем надо смотреть в оба. И меня назвал в первую очередь. Меня ничуть не удивило то, что одновременно проводились два противоположно направленных совещания и вырабатывали мероприятия парализующие другие мероприятия. У нас это в порядке вещей. Я к этому давно привык. Отец Ступака, например, в один день получил орден Ленина и был исключен из партии (ночью был арестован). Меня взбесило

поведение Васькина. И хотя он клялся-божился, что никакого совещания не было, я ему не поверил, ибо вся Москва болтала о нем. После этого мы разошлись. Началась моя либеральная карьера. Началось либеральное время. Васькин поставил не на ту лошадку. И почти на двадцать лет Васькин был оттерт в тень, в неизвестность. А я все это время кривлялся на виду. Представляю, сколько в нем накопилось ненависти ко мне! Конечно, и Васькин за это время преуспел. Но – с большим отставанием и в меньших масштабах, на задворках, так сказать.

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Промежутки между буквами оказались очень удобным местом для любовных свиданий молодежи, с одной стороны (а именно – со стороны «Да здравствует коммунизм»), и для выпивок местных алкоголиков, с другой стороны (а именно – со стороны «светлое будущее всего человечества») которая оказалась ближе к кафе «Молодость» и винному магазину). Промежутки эти устроили так, что любовников и пьяниц можно было видеть только из мчащихся автомобилей, на которые им было начхать. Попытки дружинников и милиции ликвидировать эти очаги разврата ни к чему не привели, так как любовники и пьяницы вступили с ними в дружеские контакты. Затем в районе лозунга появились определенного сорта девицы. В слове «светлое» стали торговать наркотиками. А словом «коммунизм» вскоре почти полностью завладели гомосексуалисты. Это переполнило чашу терпения трудящихся. Было решено обнести лозунг металлической решеткой и пропустить через нее электрический ток. Но средства, отпущенные на это, растранижили в различных проектных инстанциях, и пришлось ограничиться обычным деревянным забором с колючей проволокой поверху. Эта мера, однако, лишь усилила объективную тенденцию общества к блядству и пьянству (как заметил Дима), ибо в заборе тут же оторвали ряд досок для прохода, а поскольку за забором и днем ничего не видно, то Лозунг стал очагом разврата круглые сутки. Там стали регулярно появляться иностранцы, фарцовщики и, само собой разумеется, стукачи. Наметилась перспектива превращения Лозунга в некий международный салон. Завсегдатаем его стал известный журналист КГБ Владимир Куи. «Помоечные» художники решили следующую свою выставку провести на территории Лозунга, демонстрируя тем самым свою лойяльность к советской власти. В Горкоме состоялось закры-

тое совещание, на котором вспомнили Ягодицына и решили, что тот был не так уж неправ.

САШКА

Сашка – мой сын от первой жены. Когда мы разошлись, его мать всеми силами старалась развить в нем ненависть ко мне. Она тщательно следила за каждой моей публикацией, чтобы содрать с меня положенное по закону («свое»). И алименты с меня она получала такие, что даже кандидаты наук не всегда получали такую зарплату. А между тем Сашка жил впроголодь и одевался отвратительно. Я пробовал его подкармливать и покупать ему барахлишко, однако, ничего из этого путного как-то не получилось. Бывать у меня Сашке было запрещено. Но постепенно он тайно от матери стал заходить к нам. Что-то потянуло его ко мне. Встречи наши стали систематическими. Теперь большую часть времени он проводит у нас. Судя по всему его мать теперь с удовольствием вообще спровадила бы его к нам. Я предпринимал попытки прописать его к себе, используя связи в самых высоких инстанциях, но ничего не вышло. Странно, отец не может прописать сына к себе, хотя сын уже имеет московскую прописку! Антон говорил, что странно не столько это, сколько то, что я об этом помалкиваю в своих сочинениях.

– Скоро распределение, – говоря я. – Каковы твои перспективы? Может быть помочь? У меня с вашим деканом хорошие отношения. Как насчет аспирантуры? Не хочешь по истории, можно по историческому материализму или научному коммунизму. Возможности есть.

– Нет, не хочу, – говорит Сашка. – Понимаешь, дети преуспевших людей часто бывают лишенными всяких стимулов делать какую бы то ни было карьеру. Понимаешь, я ведь не младенец. Кое-что секу сам. Вся наша историческая наука – почти сплошное вранье и фальсификация. А там, где у нас не вдруг, скука ужасная. Меня интересует настоящая история России в нашем веке. Мне удалось почитать кое-что настоящее, и я уже не в силах изменить ей. Укажи мне место, где я смог бы изучать ее как положено настоящему ученому, и я пойду туда за самую низкую плату. Ты не знаешь такого места? И я не знаю. Амальрик? Гуляев? Так это – исключения. К тому же они диссиденты. Первый из них дважды сидел, второй – только один раз. Но имеет шансы сесть опять.

Я пытаюсь объяснить ему, что в наше время нельзя жить прямолинейно, что надо быть гибким, что надо уметь затаиться и на

какое-то время приспособиться, в общем – надо быть мужчиной. Ведь и мне не легко. Жить-то надо. Иначе никакого дела не сделаешь. Он приводит несокрушимые аргументы против: а Солженицын, а Сахаров, а Амальрик, а Шафревич, а Турчин... Он перечисляет десятки имен, большинство которых мне не известны. Он говорит, что каждый порядочный русский человек обязан знать и помнить эти имена. Я спрашиваю, уж не хочет ли он стать диссидентом. Он говорит, что он, к сожалению, слишком слаб для этого, слишком мало знает и почти ничего не понимает, что он хочет сначала просто немного пожить, посмотреть и подумать. И что таких ребят, как он, теперь много. А я не верю в то, что их много. Где они? Я их не вижу, хотя я часто сталкиваюсь с молодежью и даю поводы им проявить себя хотя бы малозаметными намеками. Молодежь аккуратно долбит марксизм и сдает экзамены обычно на четыре и пять. Очень редко на тройку. Почти никогда на двойку.

– Но ведь и я круглый отличник, – говорит Сашка. – И по истмату у меня пятерка, и по научному коммунизму, и по истории КПСС. Гуляев, между прочим, был именной стипендиат.

КАРТОШКА

Когда я шел на рынок за картошкой (признаюсь, и такое частенько бывает), около меня затормозила черная «Волга» с цэковским или кагебевским номером. Меня окликнул человек, которого я не сразу узнал.

– Ого, – сказал я. – Большим начальником стал. Персональная?

– А как же! Ну, как живешь, старик? Гремишь на весь мир. Зазнался. Позвонил бы что ли как-нибудь!

Мы разговорились. Когда мой собеседник узнал, что я иду за картошкой, он закатил гневную речь: как это можно, чтобы профессор, почти академик...! Потом он умчался, не дав, однако, свой телефон.

Дома я рассказал об этой истории.

– Неужели это тот самый чахлый лапоть, – изумилась Тамара. – Быть того не может! Вот, видишь, все проходимцы и бездари устроились, а ты до сих пор...

– Потерпи немножко, – сказала Ленка, – выберут папу в член-коры, и получим закрытый распределитель. Ох, и нажремся же мы тогда черной икры!

Теща сказала, что нечего зубы скалить по поводу временных продовольственно-погодных затруднений. Вот на будущий год будет хороший урожай, и...

– И закрытые распределители заведут для докторов и профессоров, – сказала Ленка. – Только рангом пониже. А через год, когда урожай будет еще лучше, эти распределители заведут для кандидатов и доцентов. И рангом, конечно, еще пониже. А там глядишь и для всех карточную систему введут, чтобы не обжирались от избытка.

– Ну и язва же ты, – сказала Тецца. – Вот схожу в твою комсомольскую организацию и расскажу.

– Не посмеешь. Тогда твою внучку из школы выгонят. Тебе же хуже будет.

И вместе с тем отнести мою тещу полностью к ретроградам, а Ленку – к прогрессистам и критиканам никак нельзя. Вот, например, тецца пришла домой и разворчалась.

– Что за люди пошли! Бегут, торопятся, толкаются! Никто дорогу не уступит. Обгоняют...

– А как же, бабуля, иначе быть, – говорит Ленка. – Если поступать в соответствии с твоими желаниями, людской поток должен будет двигаться со скоростью самого медленно идущего человека. А так нельзя. Жизнь застопорится.

Я замечал неоднократно, что по целому ряду вопросов современная молодежь выступает в большей мере апологетом коммунизма, чем мракобесы старики. У стариков сохранился еще некоторый идеализм. Молодежь исходит из фактов и из их естественности. Даже нас, например, еще волнуют проблемы карьеризма. Для молодежи такой проблемы нет. Для нее имеются лишь проблемы личного устройства в жизни. А в этом случае они не входят в мировоззрение и не терзают душу. Вот почему, я так думаю, все идеи и усилия таких людей, как Солженицын и Антон, обречены на гибель и забвение. Естественная смена поколений приведет к тому, что человечество будет воспринимать коммунистический быт почти как данную от природы среду существования. Страдания и мысли Солженицына, Сахарова, Шафаревича и им подобных суть лишь отражение некоторых идеалов прошлого и еще сохранившегося Запада в нашем чужеродном им обществе. С этой точки зрения правы те, кто оценивает деятельность наших оппозиционеров как проявление (в конечном счете) классовой борьбы. Конечно, тут не следует вульгаризировать и рассматривать, например, Солженицына как наймита мирового империализма. Но по сути дела от этого никуда не уйдешь. Это тоже реальный факт.

Я думал так на поверхности своей души, а в ее подвалах копились ехидные мыслишки: а ты, брат, лжешь, оправдание ищешь,

формулу подлости ищешь... Ищу! Ну и что? Разве я не в праве делать это? Конечно, в праве. И ищи себе. Только не юли. Признайся честно себе во всем и становись Васькиным, Корытовым, Ивановым, Тваржинским. И не рыпайся!

О БОГЕ

– Дядя Антон, – говорит Ленка, – а зачем люди выдумали Бога?
– Спроси у отца, – говорит Антон, – он по этой части специалист.
– Папа считает, что люди выдумали Бога для того, чтобы господствующим классам было удобно держать в узде эксплуатируемых.
И Вы так думаете?

– Нет, не так.

– А как?

– Длинная история. Во-первых, богов выдумывали уже в обществах, которые согласно марксизму были еще бесклассовыми. Во-вторых, богов выдумывали разных. И дело тут не просто в том, что были и есть различные, но однопорядковые (равноправные, скажем так) религии. Христианский Бог – это особый бог среди всех прочих, ибо лишь с ним была создана западная цивилизация как особая социальная организация множества индивидов, обладающих сознанием своего Я. В этом смысле выдумывая Бога (т.е. выдумывая именно такого Бога), люди выдумывали самих себя как самодовлеющие личности. Это было изобретение, нечто искусственно созданное.

– А что обо всем этом можно почитать? Я имею в виду не эту... нашу дребедень, а что-нибудь приличное?

– Перед революцией в России были великолепные писатели, так или иначе затрагивавшие вопросы религии. Флоренский, Бердяев, Мережковский, братья Трубецкие, Розанов, Шестов... Прочитай внимательнее для начала Достоевского, Легенду о Великом Инквизиторе в «Братьях Карамазовых».

– А Вы сами верите?

– Трудный вопрос. Хочу верить, но не могу. Я не принимаю Его в расчет в осуществлении своих действий как реальный факт, но я стремлюсь вести себя так, как будто Он видит все, и я не хочу, чтобы мне было стыдно перед Ним. В критические минуты я молю Его о помощи и надеюсь на Него. В общем, для меня проблема Бога не есть проблема естественно-научная. Это для меня проблема моей собственной духовности, проблема моего Я, моей совести, скажем так. Думаю, что и для многих эта проблема такова же. Марксизм

отвергает религию. Это – его право. Религию можно уничтожить усилиями государства. Но нельзя уничтожить факты духовности, породившие в свое время христианскую религию, не уничтожив представления человека о самом себе как о самодовлеющей ценности. Признание Бога для меня равносильно ощущению в себе наличия совести.

– Значит какая-то религия нужна?

– Она возможна.

– А разве марксизм – не религия?

– Марксизм вытесняет религию, но не замещает ее. Марксизм не религия. Это антирелигия. Не просто в том смысле, что он враждебен религии как наука. Марксизм не наука. А наука в наше время не враждебна религии, – она не опровергает ее никак. Марксизм есть идеология, но – антирелигия. В том смысле, что порожден явлениями духовности, которые противоположны явлениям, породившим религиозность, и сам культивирует эти явления. Например с точки зрения религиозного сознания насилие над одним ни в чем неповинным человеком не оправдывается никакими будущими благами для миллионов людей и всего человечества. Марксизм, отвергая абсолютность морали, так или иначе культивирует в людях способность осуществлять такое насилие, прикрываясь разговорами о благе народа. Неизбежно с этим оказывается связанной ложь, которая тоже фактически оправдывается и лицемерно выдается за правду. И так во всем, что касается тончайших продуктов цивилизации в отношении человеческой личности.

– Но не зря же люди боролись против религии?! И хорошие люди! Честные и умные!

– Это другой вопрос. В обществе скромных и сдержанных в сексуальном отношении людей можно выглядеть передовым и прогрессивным, проповедуя свободную любовь. Хорошо проповедывать заботу о благе народа, сидя в богатой гостинной за сытным столом в обществе красивых и хорошо одетых женщин. В обществе, в котором сильно развито религиозно-нравственное сознание проповедник атеизма выступает как просветитель, борец за благо человечества, враг мракобесия и т.п. Это – одно. И иное дело – общество, в котором до основания разрушено религиозно-нравственное сознание и есть духовный голод именно в этом. Голодному нужен хлеб, а не болтовня о том, что насыщаясь, мы тем самым убиваем себя.

Такой разговор в нашем доме типичен. И часто после этого я остаюсь с Антоном наедине и настаиваю на том, чтобы это прекрати-

лось. Мы договариваемся, что Антон не будет к нам приходить. Но через два-три дня мы все замечаем, что давненько не приходил Зимин, ребята бегут к телефону, и вырывая друг у друга трубку, вопят, чтобы дядя Антон немедленно приходил. И с Наташей, конечно. Мы соскучились!

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

В связи с прошлым «круглым» юбилеем Победы ребята из редколлегии стенгазеты, забыв прошлые уроки (впрочем, это – совсем другие люди, так что помнить или забывать им вообще нечего), опять попросили Антона написать им что-нибудь. И Антон, тряхнув стариной, выдал им тут же с ходу стих. Никто не поверил, что это была импровизация. Но я знаю Антона, он никогда не врёт. Стихотворение, конечно, не напечатали. Вот оно:

Геройский подвиг совершить, –

Они болтали без умолку.

А я мечтал (чего грешить?)

Сорваться ночью в самоволку.

Бабенку какую ни есть поймать.

И время не тратя, на месте зажать.

Поллитра сивухи вдвоем раздавить,

Цыгарку свернуть. Рукавом закусить.

Они, когда настал наш час,

В тылах осели, или в штабе.

Отнюдь не в бой, «ура» крича,

А шли тайком под юбку к бабе.

А мне, чтобы им было весело жить,

Велели тот подвиг геройский

свершить.

Противника выбить. Ударить.

И смять.

Ни шагу обратно. До смерти стоять.

Как быстро годы пронеслись...

На славный юбилей победы,

Кто уцелели, собрались

Уже не мальчики, а деды.

Они все приперлись, конечно, в
чинах
В нашивках, медалях, значках,
орденах.
И вот вспоминают минувшие дни
И битвы, где храбро сражались они.

РУССКОЕ ГОСТЕВАНИЕ

Дима предложил ввести особый термин «гостевание» (в отличие от термина «гостепримство») для обозначения специфически российского способа времяпровождения – хождения по гостям. Гостевание (как разъяснял он) не имеет ничего общего с гостеприимством. Мы, например, совершенно негостеприимные люди, но регулярно шлеемся по гостям и сами частенько принимаем. Причем, ходим далеко не всегда к людям, которых любим или которых хотя бы хотим повидать. И часто принимаем людей, антипатичных нам. Это явление чисто социальное. В чем его природа? Вот лишь несколько аспектов, объясняющих его (хотя бы частично). Пойти в кино – пустое дело. Раз в год мелькнет мало-мальски терпимый фильм. А все остальное – дрянь. Раньше хотя бы много заграничных фильмов показывали. Теперь – нет. Театр? Бывают изредка хорошие спектакли, но попасть на них практически невозможно. Билеты идут иностранцам, начальству, своим людям. Театров полно, а смотреть нечего, как и в кино. Та же картина и с музыкой, и с живописью, и с литературой. Когда у нас случайно напечатают что-нибудь приличное, вся Москва гоняется за номерами журналов, которые уже нельзя купить и взять в библиотеке. Да и то это обычно разоблачительные произведения. Много на них не протянешь. Телевизор? Хоккей, футбол, ударники комтруда, передовики сельского хозяйства (а жрать нечего!), речи, заседания, проводы, встречи... Раньше хотя бы показывали детективы, зарубежные фильмы, выступления оригинальных артистов (наших и западных). Теперь – почти нет. Иностранцы, которых нам теперь показывают, мало чем отличаются от нас. Западная культура нам отбирается в таком виде и количестве, чтобы она не подрывала наши устои и не вызывала нежелательных сравнений. Рестораны и кафе? Во-первых, они, как правило, отвратны. К тому же очереди. И обслуживание занудное. А в самые приличные вообще не попадешь. И дорого. И закрывают рано. Одним словом, возьми любую сторону дела, выход напрашивается один: сходить в гости, пригласить к себе

гостей. Причем, гостевание не только вынуждено обстоятельствами. оно играет и позитивную роль: обмен информацией, которую из газет не узнаешь, поддержание нужных связей, обсуждение деловых вопросов, ощущение нужности (при общей тенденции к взаимной изоляции и обесцениванию личности это очень важно), реализация каких-то творческих потенций (стихи, анекдоты, рассказы, рисунки и т.п.). И, конечно, вкусная еда. Обычно гостям стремятся подать лучшее. Даже своеобразное соревнование получается. Женщины себя показывают, т.е. свои туалеты. Практически их больше показать негде. А средства на них уходят немалые. Жалко, пропадут, так никто и не увидит! И самоутверждение. Удалось, например, кому-то съездить за границу. Удовольствие, конечно. Но гораздо большее удовлетворение дает то, что об этом другие узнают, что ты будешь рассказывать о поездке и на какое-то время будешь в центре внимания. Одним словом, российское гостевание есть специфически социальное явление. Сразу оговорюсь: не могу судить о его распространении как в разных местах страны, так и в разных слоях общества. Знаю только, что это – характерное явление в московских интеллигентско-чиновничьих кругах. Имеются, по всей вероятности, вариации в зависимости от места, слоя, времени года, национальных особенностей и т.д.

– Смешно, – говорит Дима. – Люди двадцатого века и цивилизованной страны, а говорим о себе так, как будто занимаемся описанием образа жизни какого-нибудь недавно открытого дикого племени: огонь добывают трением, питаются червяками и кореньями, женщины готовят пищу, мужчины уходят с копьями на охоту...

– Ничего смешного, – говорит Антон. – Отрицание отрицания. Мы и есть дикари. Мы в некотором отношении снова оказались на дне человеческой истории. И нам снова надо проделать весь путь, который ведет к возникновению и развитию цивилизация. А мы сами этого еще не знаем. И на Западе не знают тем более. Так что правдивое описание нашего быта и производственной жизни до мельчайших деталей – великое дело самопознания и познания того, что такое коммунизм.

– Ну, это еще не коммунизм, – говорю я. – При коммунизме этого не будет. При коммунизме, как тебе известно...

– У нас давно настоящий коммунизм, – говорит Антон. – И от каждого по способности выполнено. И каждому по потребности тоже. Давно пора понять, что это все – пустые фразы, которые можно толковать вкривь и вкось. Наше общество само определяет, каковы

твои способности и потребности. Это – социальное явление, а не психологическое. Мы все распределены по рубрикам, рангам, ячейкам. И нашим социальным положением определяется все прочее, касающееся нашей жизни. Корытовы едут отдыхать в Италию. А ты разве не мог бы по твоим деньгам позволить себе это? Даже я мог бы, сжались бы и сэкономили. Вы собираетесь в Болгарию, на Золотые Пески. Это-то мы потянули бы завросто. Но... Канарейкин по сравнению с тобой – законченный кретин. Но он – академик. И везде, где приводятся имена выдающихся наших философов, он есть. А ты – не везде. И если вы встречаетесь вместе, он всегда идет впереди тебя. Извини меня, но Лебедев на несколько порядков выше нас всех. А его почти не упоминают. А если и упоминают, то ты в сравнении с ним выглядишь гением. Общество знает, у кого какие способности и потребности.

– Ты, Антон, умница, – говорит Дима. – Забавная ситуация получается. Вот официальная точка зрения: научный коммунизм (т.е. наука о коммунизме) создан сто лет назад, а самого коммунизма как реальности еще нет.

– Есть зримые черты, отдельные явления, – говорю я.

– Чушь, – говорит Антон. – Коммунистическое общество мыслится как эмпирическое явление, а не абстрактная система. Всякому ученому известна азбучная истина: если нет предмета, то не может быть и опытной (подчеркиваю) науки о нем. Проект дома, машины? Проект не есть наука, пойми это! Проект может строиться с использованием науки, но сам не есть наука. Это – проект, и ничего более. Опытные науки открывают универсальные законы самих изучаемых объектов. Можно построить проект некоего будущего общества, используя науки. Например – социологию, психологию, историю, естественные науки. Построить научно обоснованный проект. Но то, что вы называете научным коммунизмом, не есть даже научно обоснованный проект. Именно с точки зрения современной науки это дребедень, если понимать его буквально. И наш собственный опыт подтверждает, что это – чисто идеологический вымысел. Но с другой стороны, тот тип общества, который у нас фактически сложился (я его и называю реальным коммунизмом), совершенно не изучен научно. То, что мы с вами о нем иногда говорим (в частности – о гостевании), и есть начало научного его понимания. Но только лишь начало. Собираение фактов. Именно научное изучение этого общества обнаруживает тот факт, что в определенном (и к тому же – единственно реалистическом, здоровом) смысле все идеалы и прин-

ципы идеологического («научного») коммунизма тут реализованы. Государство и партии тут отмерли в том смысле, что утратили политический характер. Мораль и право отмерли как продукты цивилизации и защиты людей друг от друга и от власти и заменились некоторыми правилами «технического» поведения закрепощенных тварей. Все имеют возможность развивать свои способности и удовлетворять потребности, но – в рамках разумности, устанавливаемых обществом. У нас реально подавляющее большинство населения осуществляет насилие над меньшинством. Правда, при этом оно насилует само себя, позволяя порой очень немногим измываться над собою по своему произволу. Но это уже мелочи. У нас даже денег в марксовском смысле нет. Что это за деньги, если за одну и ту же сумму ты имеешь больше, чем я, если ты можешь иметь нечто за деньги, а я нет!

– Полностью с тобой согласен, – говорит Дима. – Мне как естественнику это все абсолютно ясно. Научность в понимании общества состоит не в том, чтобы положить в основу станки, машины, тракторы и тому подобное, а прежде всего в том, чтобы исходить из реальных опытных фактов. А в каком отношении они находятся между собою – это еще надо открыть, а не приписывать априори. Кто знает, может быть для данного общества именно идеология является определяющей? Идеология – тоже опытный факт. У Маркса было много интересных идей и догадок. Но они потонули в море идеологической дребедени. А последующие поколения марксистов раздули именно идеологический аспект. А у нас это сделали государственной идеологией.

– Но идеология тоже нужна, – говорю я.

– Она не то чтобы нужна, – говорит Антон. – Она тоже есть реальность, с которой надо считаться и которую надо изучать как опытный факт.

Тут я уже не мог более стерпеть. Я обвинил моих собеседников в незнании азов: материя, сознание, идеальное и т.п.

– Черт знает что, – сказал Дима. – Вроде нормальный человек. Неглухий. А стоит чуть-чуть зацепить – такую вонь поднимает, что даже Канарейкин кажется титаном мысли. Мы же не отнимаем у тебя твоих должностей и зарплаты. Пиши себе свои книжки. Будь кем хочешь. Тут же не об этом речь. Между собою-то мы можем говорить откровенно. Вот проблема: является или нет данное состояние общества нормальным, будет ли оно воспроизводиться впредь, являются ли здесь массовые репрессии нормой, является ли

отсутствие свободы слова нормой, является ли прикрепление людей нормой и т.д. Твой марксизм на это честного ответа дать не может. Тут наука нужна, настоящая наука. Зачем? Да хотя бы для того, чтобы как-то планировать свою жизнь. Хотя бы для малой части общества. Кому не нужно – пусть не изучает. Но в нашем обществе есть некоторая часть, которая испытывает в этом острую потребность. Мы же стобой не один год говорим об этом. Только об этом. Профессиональный интерес? Чушь! Даже у тебя это – человеческий интерес. А твой Сашка? А Ленка? А я? На кой..., спрашивается, мне это нужно? А ведь ночей не сплю, думаю. Не зря люди интересуются этим. Мир встревожен успехами коммунизма и хочет знать суть дела. Между прочим, не книги Солженицына возбудили интерес к нам, а наоборот, именно естественный интерес мира к растущей угрозе коммунизма обеспечил успех книг Солженицына и интерес к ним.

По телевизору стали показывать митинг на каком-то заводе по поводу вручения заводу ордена. На митинг прибыли почти все высшие руководители во главе с Самим.

– Зачем это они скопом приехали, – удивился я.

– Как, зачем, – удивился Дима моему удивлению. – Там же во время съезда заварушка была. Что-то похожее на забастовку. Вот их и задабривают.

Показали президиум митинга, – совершенно одинаковые дубовые обрюзгшие физиономии и ордена, ордена, ордена.

– Господи! – не выдержала Тамурка. – Ну и морды! Откуда они такие берутся?!

– Сами производим, – сказал Дима. – Типично советские морды. Вот вам оно, лицо коммунизма. Любуйтесь!

ТЕЩА

Моя теща – обычный советский пенсионер, надежнейший оплот советской власти. И о ней не стоило бы говорить, если бы она не входила в число существенных условий творческой деятельности советского ученого.

Итак, моя теща – бывшая заслуженная учительница литературы и русского языка, женщина в высшей степени интеллигентная. Пару лет тому назад ушла (а Ленка говорит, что ее выперли) на заслуженный покой, пополнив и без того переполненные ряды советских террористов-пенсионеров. О, советский пенсионер – неслыханное в

прошлой истории человечества явление, еще не описанное в художественной литературе и не изученное в науке. Некоторая категория советских людей (и очень значительная) живет необычайно долго, но еще задолго до выхода на пенсию утрачивает способность не то чтобы нормально, но хотя бы маломальски терпимо работать. У рабочих, говорят, на пенсию идут охотно, поскольку работать не так-то легко. Но рабочих не так уж много. А в служивых кругах, составляющих гигантскую часть населения, на пенсию обычно выгоняют с большим трудом. И вот изгнанный на пенсию совслужащий (в том числе – ученые, учителя, врачи, профессора, полковники и т.п.), полный сил и служебного рвения, стремится заняться общественно полезным трудом. Конечно, по возможности за приличную зарплату. Такой пенсионер входит во всякого рода комиссии, комитеты, советы. И играет при этом роль далеко не последнюю. Так, в свое время кампания по борьбе с «тунеядцами» велась в основном руками пенсионеров. А если вам нужно поехать в заграничную командировку, то тут вам пенсионеров не миновать. Вас непременно вызовут на комиссию в райком партии. А там – пенсионер. И начнет тебя (тут обращаются к вам только на «ты») гонять. А где находится Австралия? А какой строй в Бельгии? А что сказал товарищ такой-то на...? И попробуй не ответить! Или попробуй хотя бы непочтительно отнестись к такой маразматической крысе!... Но вернемся к Теще.

Выйдя на пенсию, Теща в полном соответствии с нашей пропагандой решила, что теперь ей все и всё обязаны, потому как она заслужила. И разумеется, ей должны уступать место в общественном транспорте. И хотя ей никуда ехать не надо было, она немедленно решила реализовать свое право. Прихватив с собою Ленку (она потом нам и рассказала об этом), Теща влезла в сравнительно свободный вагон метро и наметила жертву – сравнительно молодого мужчину с бородой. С бородой – значит интеллигент, из этих самых. Мерзавец, конечно. И наверняка хам. Учить таких надо! Распустились! Какая-то девочка предложила Теще место, но это ее не устраивало. Она должна взять место с боем! Теща протолкнулась к намеченной жертве и устала на нее взглядом королевской кобры. Некоторое время мужчина не замечал (делал вид, конечно!) нависшей над ним угрозы. Потом он заметил, что перед ним стоит еще не старая и довольно миловидная женщина и приготовился встать и галантно уступить ей место. Но не успел.

– Хам, – сказала Теща. – Ишь, развалился! И делает вид, негодяй,

что не замечает стоящих перед ним всеми уважаемых заслуженных старших по возрасту женщин! Ну и молодежь пошла! Распустились! На всем готовеньком!...

Услышав такое, мужчина растерялся и забыл о своем первоначальном намерении. С поразительной быстротой полемика охватила весь вагон. Поскольку большинство пассажиров стояло, а среди них преобладали лица среднего и пожилого возраста, то они и захватили инициативу. Кто-то потребовал установить личность сидящего и доставить его куда следует. Кто-то предложил сообщить по месту работы, в профсоюзную, комсомольскую и партийную организацию. Кто-то категорически заявил, что нужен фельетон в газету. Заговорили об оппозиционерах, критиканах, клеветниках, идеологических диверсантах. Стали поносить бороды, мини-юбки, макси-юбки, миди-юбки, узкие джинсы, широкие брюки, абстракционистов, арабов (после того, как они в чем-то нас не послушались, их разрешили ругать)... На конечной остановке мужчина с трудом встал и, опираясь на костыль поволок негнувшиеся конечности к выходу. Пассажиры разбрелись по своим делам. Теща поехала обратно. Дома она включила на полную мощность цветной телевизор и с нарастающим интересом стала следить за тем, как центральный нападающий хоккейной команды «Зори коммунизма» Роберт Рылов выламывал ребра полузащитнику команды «Бджавахарлалпахатакайраткор». Время от времени Теща издавала воинственные вопли: «Шайбу, лопух!», «Мазила, твою мать!», «Боб, дай ему по яйцам!» и т.п. Когда Рылов наконец-то впихнул шайбу в ворота противника вместе с вратарем, Теща подскочила чуть не до потолка и истошно завывала фальшивым сопрано:

В хоккей играют настоящие мужчины!

Трус не играет в хоккей!

Ленка покатывалась от хохота.

– Бабуля, – вопила она сквозь слезы. – Ты прелесть! Из тебя выйдет мировая чувиха!

Этого я вынести уже никак не мог. И схватившись за голову, битком набитую категориями, диалектического и исторического материализма, ринулся на кухню, к Тамурке.

– Умоляю, уйми ты эту... как ее... твою мамочку! Я же творческим трудом занят!!

– Ну и твори себе на здоровье, – сказала спокойно Тамурка. – Она тебе не мешает. Чем она тебе помешала?! Телевизор? Так ты сначала уйми свою дочь. Она с утра на весь квартал прокручивает идиотские негритянские мелодии. Из милиции уже приходили.

Выкрутилась только благодаря тому, что пообещала донести начальству: мол, они не одобряют нашу гениальную внешнюю политику по отношению к неграм. Не нравится – катись на все четыре стороны. Держать не будем. Катись к своей Штучке!

Штучка – это, надо полагать, Светка. Как она про нее пронюхала? Впрочем, ничего она не нюхала. Ей на это начхать. Просто она знает, что у меня есть такая секретарша. И если бы даже у меня со Светкой ничего не было, Тамурка все равно обвиняла бы меня в сожителстве с нею. Это – обычная форма семейных взаимоотношений. Poleмический прием, как сказал бы Димка. Спорить с Тамуркой бессмысленно, я в этом убедился в первую же ночь нашей совместной жизни. Уже в первую ночь она сказала мне, что я могу катиться на все четыре стороны. Я бегу в коридор, напяливаю свое заношенное пальто (надо купить новое, а то в этом неприлично ходить! И куда уплывают деньги?!) и направляюсь в Забегаловку – в кафе «Юность» неподалеку от нашего дома. Вслед мне из Ленкиной комнаты несутся вопли народов Африки, освободившихся от колониализма и вставших на путь строительства социализма. Вот уж кто действительно распустился! Выйдут нам эти черномазые боком, помяните мое слово!

СОБЫТИЯ

В Забегаловке у меня есть несколько знакомых, которые бывают здесь так же регулярно, как и я. Кто они – я не знаю. А они не знают, кто я. Мы молчаливо сговорились не говорить на эту тему вообще. Одного из них зовут Виктор Иванович. Ему слегка за тридцать, но он производит впечатление очень солидного и важного человека. Мой Сашка такой солидности не наберется до старости. Другого зовут Эдик. Ему, как и мне, далеко за пятьдесят. Он лыс. Половины видимых зубов нет. Но он выглядит как мальчишка, ценящий веселые хохмы и время от времени учиняющий их. Знает все анекдоты, гуляющие по Москве. Думаю, что и сам он выдумывает их. Немного реже бывает здесь некто Ребров. Просто Ребров. Он обычно пьян. Почти ничего не говорит. Но по глазам видно, что он, как умная собака, все понимает. Потом – Лев Борисович, человек очень информированный и занятой. Он вечно торопится. Но я подозреваю, что он даже не кандидат. И еще несколько человек без имени. Я среди них. Это даже забавно. Что они думают обо мне? Наверно, что-нибудь не очень лестное. Или скорее всего, что я – стукач.

На сей раз мы встретились с Ребровым. Он спросил, как дела. Я пожал плечами: как всегда, ничего стоящего внимания. В США безработица растет. Инфляция. В Южной Америке где-то землетрясение. Египтяне послали нас на... Мы втерлись в Анголу. Скоро и она пошлет нас туда же. Солженицын выступил с очередной антисоветской речью. Мировая прогрессивная общественность... А у нас, как всегда, перевыполнения, встречные планы, речи, почины, пуски и запуски. Тут к нам подсел один из Безымянных.

– Скука есть суть нашего бытия, – сказал он. – Наша нормальная советская жизнь принципиально бессобытийна. Ничего исключительного у нас не должно быть. Это – уклонение от нормы. Как талант. Оригинальность. Независимый образ мышления.

– Позвольте с Вами не согласиться, – сказал Ребров к великому нашему удивлению (оказывается, он может и говорить!). – Исключительные события у нас бывают. И не реже, чем на Западе. Только мы не ценим их исключительности. Вот, к примеру, послала меня жена на рынок картошки втридорога купить. А то гости вечером придут – а жрать нечего. Иду мимо магазина «Фрукты и овощи». А рот в усмешке кривлю. Овощи?! Ха-ха-ха-ха!... Овощи в магазине?! Ха-ха-ха-ха!... Твою мать!... А фрукты!! С чем их едят? Ха-ха-ха-ха... И вдруг, дай, думаю, загляну! И заглянул. И что вы на это скажете?! Картошка!! В пакетах!! И не вся гнилая!! Отдельные картофелины даже есть можно!! Во как! А вы говорите, приключений не бывает! А вот вам другой пример – случай с моим соседом. Хотите верьте, хотите – нет. Идет Сосед по Ленинскому проспекту. Видит – кофе растворимый продают. Конечно, в нагрузку кило гнилых яблок. Но это же пустяк. Главное – кофе! А то вот еще такой случай. Достал один знакомый шапку из натурального меха по блату. Надел, красуется. А в подъезде его кирпичом по голове – бах! И шапку, конечно, сперли. Он в милицию. А там на него акт: мол, шапку сам пропил, клеветой на советский народ занимается. Как раз в это время московская милиция взяла на себя сообразительство: обеспечить стопроцентную раскрываемость преступлений. А несовершенно преступление считается раскрытым. Целый месяц общественность Института вызволяла Знакомого. Еле спасли. На поруки взяли. Выпустили после того, как Знакомый подарил по шапке всем чинам милиции. Как потом доложили на собрании, к счастью, несчастье со Знакомым кончилось счастливо. Выговором отделался.

Безымянный с наслаждением слушал Реброва.

– Ого, – сказал он. – Да Вы, оказывается, мыслитель. Сдаюсь! Вы, безусловно правы. Мне это как-то в голову не приходило. Конечно! Для советского интеллигента, например, устроить сына сразу после десятилетки и без связей в Университет значит неизмеримо больше, чем для корсиканского поручика стать императором Франции.

– Для Вас, судя по всему, это – актуальный вопрос, – спросил я. – Ну что же, постараюсь Вам помочь. Конечно, не в императоры выйти, а поступить в МГУ. На какой факультет он хочет?

– О Господи, – сказал Безымянный. – Да не все ли равно?! Гуманитарный? Черт с ним! Пусть гуманитарный! Хотя он ненавидит философию и бредит физикой. Лишь бы поступить, а там видно будет.

– Вот видите, – сказал Ребров Безымянному, – у нас даже чудеса возможны.

После ухода Реброва я решил записать телефон Безымянного и дать ему свой телефон. Он назвал мне свою фамилию, и у меня глаза на лоб полезли.

– Неужели тот самый, – спросил я. – И даже у Вас проблема с Университетом? И даже с физикой? Ну и дела.

И я назвал свою фамилию.

– Надеюсь, – сказал Безымянный, – не тот самый.

– Увы, – сказал я, – тот самый.

И мы хорошо посмеялись.

ДЕЛО

– Как движется твое дело, – спрашиваю я.

– Будут печатать. Ищут корректора. Ужасно медленно все это тянется. Оказывается, Там тоже не так-то просто напечататься.

– Везде одно и то же. Даже Солженицына года два мариновали, пока выпустили. Наберись терпения.

– Я и так терплю. Но мне до сих пор не верится, что книга пошла в производство. Спасибо тебе.

– Не стоит. Мы же трусливые и корыстолюбивые либералы.

– Не паясничай. Я этого не говорил.

– Ты не говорил, другие вроде тебя говорили. Да я не обижаюсь. Что правда, то правда. Вот тебе телефончик. Это – издательство «Вперед». Спросишь Степана Ивановича Трусова. Скажешь, что от меня. У него, кажется, есть место старшего редактора. Зарплата в два раза больше, чем тут. Два библиотечных дня.

– И все-таки я не могу поверить в то, что величайшее явление в духовной жизни человечества есть просто чепуха, а грандиозное движение самой жизни к коммунизму – деградация. – говорю я. – Надо же все-таки знать меру. Надо же иметь какую-то ответственность перед людьми!

– Вот именно, – говорит Антон, – надо иметь ответственность. А разве я говорю, что марксизм есть чепуха? Марксизм действительно великое явление в жизни общества. Я лишь утверждаю, что это – не наука, а идеология. Не вижу в этом ничего ругательного. Идеология не хуже и не лучше науки. Это просто разные вещи. С разными целями, с разными законами функционирования и построения, с разными механизмами самосохранения. Идеология может возникать с претензией быть наукой, на основе науки, в связи с наукой, в тесном переплетении с наукой и т.п. Она может содержать в своей фразеологии много положений науки. И все-таки, раз она сложилась, она не наука. И реальное развитие мира в сторону коммунизма я не считаю деградацией. Я вообще не употребляю (по крайней мере стремлюсь к этому) оценочные понятия. Это – грандиозный процесс, слов нет. Меня лишь интересует, что он с собой несет фактически, а не на лозунгах и в демагогии, а не в самообольщении и циничном вранье.

– Ладно, – говорю я, – пусть так. Но скажи, разве утверждения о том, что материя первична, сознание вторично, мир познаваем, пространство и время объективны, мир изменяется постоянно, количественные изменения ведут к качественным и т.п., неверны? Разве нет в обществе базиса и надстройки, производительных сил, производственных отношений, классов, партий и т.п.?

– На первый взгляд, который достаточен для идеологии, но не достаточен для науки, тут все верно, – говорит Антон. – Но, во-первых, чтобы считать утверждение научным, еще мало того, что оно истинно. Чтобы считать термин научным, еще мало того, что он обозначает реальный факт. И во-вторых, если присмотреться внимательнее, то истинность утверждений марксизма и содержательность его терминологии окажутся иллюзорными. Я мог бы провести тебя через весь марксизм и показать это в деталях. Но сейчас я тебе приведу несколько курьезных примеров, которые полезны, чтобы расшевелить мозги. Мир познаваем, ты говоришь. А познаваемо ли непознаваемое? Где выход? Либо тавтология «Познаваемое позна-

ваемо», либо допущение «Всё познаваемо». А последнее весьма рискованно. Доказано существование неразрешимых проблем. Можно доказать, что нельзя познать последствий события, которое было возможно, но не произошло. Да я тебе десятки таких примеров могу привести. Можно, конечно, сказать что тут имеется в виду нечто иное. Что же именно? Объективное содержание в наших знаниях, не зависящее от человека и человечества вообще? Ладно. Я и тут тебе приведу сколько угодно примеров против. Как быть, например, с такими признаками вещей, которых в самих вещах нет, но которые представляют собою акт воздействия их на человека? Конечно, в вещах есть нечто такое, что... Но это уже другие признаки! А как быть с первыми? А покопайся в природе человеческого познания, и увидишь, что в основе всех продуктов познания лежит именно первое, «субъективное», а не «объективное». Чтобы научиться выделять «объективное», нужно именно «субъективное» как начало всего. Кант, милый мой, не кретин, как его изображаете вы. Он гений. Вот и начинаете вы жульническую свистопляску с обвинениями всех умных людей в ошибках, злых кознях, недомыслии. Или другой такой же курьезный пример. Все течет, все изменяется, утверждаете вы, украв эту банальность у греков. А все ли? Например, как изменяется квадрат, корень из минус единицы круглый квадрат и т.п.? А изменяется ли то, что неизменно? Ясно, надо выкручиваться. Мы, мол, имеем в виду эмпирические, материальные вещи. Хорошо. А идеальные не изменяются? А эмпирические неизменные предметы изменяются? Разве замена одних идей другими есть изменение этих идей? Один из законов существования идеологии: нельзя копаться в ее фразеологии дальше предела, угрожающего ее цельности и величю. Все вопросы, которые здравый человек может задать нашим философам, либо «решаются» софистически, либо отвергаются как недопустимые. Их, между прочим, стараются и не задавать: боятся отчасти, отчасти чуют, что не получают ответа, отчасти из безразличия. Помяни мое слово и тебя со временем сожрут за то, что ты нарушил этот закон. Чутьочку, но нарушил. В твоих работах об общественно-экономической формации такое копание ощущается. Знаешь, что о тебе говорили в этой связи на кафедре философии в Военной Академии (там у меня знакомый)? Что ты занимаешься схоластическим логизированием категорий исторического материализма.

Сообщение Антона меня встревожило. Надо будет выяснить подробнее, что там говорилось на самом деле. И дернула же меня нелегкая связаться с этим анализом понятий! На кой это мне было

нужно!? Мода! Кибернетика! Успехи логики! Системный подход! Структурный подход! Метанаука! Семантика!... твою мать!

– Я, конечно, кретин и невежда перед тобой, – говорю я. – Но людям нужно давать мировоззрение.

– Для чего, – говорит Антон, – для души или для ума? Для ума популяризация науки и обработка ее наиболее любопытных идей и результатов дает больше, чем марксизм. А это – тоже идеология. Марксизм примазывается к этой идеологии, лишь по видимости подчиняя ее себе. Для души марксизм кое-что дает лишь определенной части населения, а и то лишь постольку, поскольку ей выгодно в него верить. Вряд ли кто из советских граждан (нормальных, а не сумасшедших) пойдет на муки ради веры в марксизм. Ты веруешь в него не как потребитель идеологии, а как колесико в формальном аппарате идеологии. Посмотрим, что ты будешь петь, когда тебя выкинут за ненадобностью или даже за вредностью.

– Ты меня не пугай, – говорю я. – Такого, надеюсь, не случится. А вот тебе следовало бы задуматься о своем будущем. В институте затребовали подробную справку. Куда? Не знаю. Мне надо характеристику на тебя писать. Что писать?! Кстати, ты звонил?

– И звонил. И ходил. У меня такое впечатление, что теперь твои рекомендации вызывают подозрение и настороженность. Да ты не волнуйся. Как только запахнет книгой, я сразу уйду.

Но я разволновался. Не из-за книги (мне наплевать на это дело!), а из-за сообщения Антона о реакции на мои рекомендации. Пустили, сволочи, наверно какой-нибудь слушок. И теперь общими усилиями упрочивают его, принимая маленькие зависящие от них меры.

О СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

– Социальная психология советского человека (сочека, будем говорить для краткости) еще совершенно не изучена, – говорит Эдик. – Да и вряд ли ее будет кто-либо изучать всерьез: очень уж скучное это занятие. Переживания сочека, часами стоящего в очереди? Никаких. Тупое ожидание, и больше ничего. Переживания сочека, собирающегося сделать подлость по отношению к ближнему? Тупое ощущение исполняемого долга, и все. Переживания сочека, получившего повышение? Недовольство, что не повысили еще выше, и тупое ожидание следующего повышения. И так далее в таком же духе. Однако некоторые явления социальной психологии сочека заслуживают внимания, хотя бы потому, что люди должны знать, что ожидает

их потомков в ближайшем и неотвратимом светлом будущем здании частичного или полного (это – одно и то же) коммунизма. Вот одно из них. Если сочек сложился в значительную личность, противопоставившую себя прелестям нашей действительности, это не значит, что он прожил добродетельную жизнь, позволяющую приписать его к лику святых. Если сочек на деле пытается вести такую жизнь, его либо быстро вырастает и ликвидируют всеми доступными средствами, либо он выеастает в борца против мелких несправедливостей в своем ближайшем окружении, всемерно поощряемого советскими властями и пропагандой. Такой правдоборец воюет с домоправлением за починку водопроводных кранов, против курения в помещениях, против шума от транзисторов и т.д. Такой правдоборец – опора коммунизма. И никогда он не дорастет до противопоставления себя всему строю нашей жизни. А чтобы противопоставить себя таким образом, нало что-то сделать, достаточно долго пожить и многое обдумать, – надо, чтобы по тем или иным причинам общество само тебя вытолкнуло на такую роль. Конечно, черты характера, условия воспитания и события прошлой жизни играют при этом роль, и порой – решающую. Но не всегда. И не всегда заметно. А главное – такой сочек живет обычной нормальной советской жизнью, лишь постепенно накапливая свою исключительность. Видов, например, вырос в состоятельной вполне советской семье, был поклонником Сталина до самой смерти последнего и был вытолкнут в антисоветские личности своими коллегами художниками за его творчество. При этом он дружил с сотрудниками КГБ, встречался с крупными чинами советской власти, и стремился быть лойяльным с нею. Даже Рогозин вступил в члены партии после смерти Сталина, намереваясь активно бороться с его режимом внутри партии, и это был единственный путь, если человек хотел принять участие в этом деле. Правда, как оказалось потом, и этот путь был иллюзорным. Но это уже другой вопрос. Даже Солженицын, по слухам, был одно время стукачом. Причем, если бы он не дал согласия на это, его вскоре ликвидировали бы, и он не стал бы тем, чем он стал теперь. Так тем более нет ничего удивительного в том, что Петренко (я его хорошо знал) вступил как положено в комсомол, участвовал добровольцем в Малых войнах, рано вступил в партию, во время Великой Отечественной войны дослужился до больших чинов (кончил войну полковником с кучей орденов и попал затем в Академию Генерального штаба), был назначен на крупный пост как раз в тот момент, когда сработали скрытые в далекой юности обстоятельства и наступило

озарение, – когда он и себе и людям сказал: нет, больше я так не могу!

– А к чему Вы это говорите, – спросил я.

– А к тому, – сказал Эдик, – что мы вот сидим тут с Вами, едим какую-то дрянь, именуемую бифштексом, и знать того не знаем, какую хохму с нами выкинет судьба сию минуту. Вдруг я ни с того ни с сего заявлю протест. Или вдруг Вы выйдете в выдающиеся..., ну, чтобы такое Вам подсунуть..., допустим, в выдающиеся ревизионисты.

Мне стало немного не по себе. Хотя этот Эдик вполне мог пронюхать, кто я, и разыграть меня. Хотя вряд ли.

– Я прожил жизнь, сказал Эдик, отодвинув брезгливо тарелку с абсолютно непережевываемым мясом и поре из гнилой картошки, политым соусом из какой-то омерзительной дряни. – Смотрите, что мы едим! А ведь это – одно из лучших, кафе в Москве. Не всякому по карману такое! Так о чем мы? Да. Я прожил жизнь. И всю ее угробил на изучение подноготной советского образа жизни и его законов. Подноготную я постиг досконально, а вот в законах, признаюсь, я так и не смог разобраться. Кое-какие соображения у меня есть. Но – так, пустяки всякие. Стыдно говорить о них. Тридцать с лишним лет размышлений, а результат... Был я тут недавно в гостях у... Разговорился с его сыном. Любопытный парень. Мерзавец, конечно, отпетый. Но отнюдь не дурак. Так он мне такое выдал о нашем обществе! Мне буквально стало страшно. Правда, все его речи были загажены самым грязным цинизмом. А цинизм убивает ум. Но факт остается фактом, то, что я вынашивал годами, он знает уже по праву рождения. Даже в вопросе о женщинах я чувствовал себя неучем перед ним. Мне под шестьдесят. А много ли у меня было женщин? Раз-два, и обчелся. А ему всего двадцать. И он уже перевалил за третий десяток. Нет, не врет, стервец. Сильный, красивый, остроумный, начитанный парень. Уверенный в себе. Опыт большой чувствуется. Нет, не врет. Впрочем, черт с ним. Я не завидую. И не порицаю. Время! Ничего не попишешь. Я не об этом хочу сказать. И все же в одном я убедился окончательно и бесповоротно. Я Вам еще на надоел? Хотите послушать?

Эдик разлил остатки водки, поднял свою рюмку и предложил тост: за молодежь, пусть она будет умнее и опытнее нас! Он проглотил водку и нехорошо выругался.

– Ну и дрянь, – сказал он. – Во-первых, химия сплошная. Во-вторых, разбавляют, сволочи. В этом суть нашей жизни. Все дело в человеческом материале, который образует наше общество, произ-

водится им и сам производит его. Те качества людей и те их взаимоотношения, которые полностью замалчиваются в нашем искусстве и которые считаются второстепенными в западном искусстве, здесь у нас являются самыми главными. У нас нормой являются самые отвратительные качества человеческой природы, только обладание которыми обеспечивает выживаемость в советских социальных условиях. И прикрыта вся эта мерзость самой грандиозной и самой лживой идеологией. Рядовой советский человек на голову выше любого западного чинуши, интеллигента и т.п.! Ни больше, ни меньше! Подобно тому, как жизнь на пределе биологических возможностей (в пустыне, на севере) порождает определенные формы живого, так жизнь на пределе социальных возможностей – а именно таковы наши социальные условия – порождает определенный тип социальных индивидов: социальных клопов, социальных червяков, социальных крыс, социальных змей, ящериц, скорпионов... Именно эти социальные типы имеют больше шансов здесь выжить, чем те виды, которые появляются в благоприятных социальных условиях западной цивилизации. Социальные условия Советского Союза отличаются от таковых Запада подобно тому, как биологические условия в пустыне или за полярным кругом отличаются от условий Западной Европы и Америки. Вот первая истина, которая для меня бесспорна и которую я уже никогда не буду передумывать. А вот Вам вторая. Вы скажете, что сейчас люди живут и за полярным кругом, и в пустыне. И неплохо живут. Да. Но это люди живут, т.е. существа, которые развились в благоприятных условиях и имеют поддержку из мира, существующего в этих условиях. Что я хочу сказать? Если бы нас предоставили самим себе, мы быстро деградировали бы во всех отношениях даже сравнительно с теперешней нашей полунищенской (сравнительно с Западом) жизнью. Мы мало-мальски держим некоторый жизненный уровень лишь постольку, поскольку мы существуем за счет идей и результатов прошлой истории и западной культуры. В самом по себе в Советском Союзе социальный прогресс невозможен. Это – социальный паразит. Вы поняли меня?

Безымянный (он присоединился к нам) пожал плечами.

– Не знаю, сказал он, – насколько точно. Вы употребили слова «прогресс» и «деградация». А они весьма многосмысленны. Я бы предпочел пока обходиться без оценочных понятий. Хотя бы пока. Просто констатирующими выражениями. Деградация в одном отношении вполне уживается с прогрессом в другом. Например, мы с каждым годом выпускаем все более пошлые романы и фильмы, зато

с каждым годом лучше пляшем, катаемся на коньках, забиваем голы и выжимаем штанги.

– Это верно, – говорит Эдик. – Но ведь литература и пляски не равноценны с точки зрения судеб цивилизации.

– Не знаю, – сказал Безымянный. – Все зависит от числа и комбинаций таких явлений. Тут нет абстрактных априорных законов. Тут действуют законы эмпирические. Открыть их – нужны наблюдения и измерения. И учтите, история – индивидуальный процесс. Мир вообще еще индивидуальное явление. Живое сложилось однажды. Социальное сложилось однажды. Советский Союз сложился однажды. Повторяемость в отдельных местах и временах? Знаю. Но это совсем другое дело. Тут надо брать весь процесс в целом. Так что повторения в деталях суть лишь детали целого. Я не утверждаю непознаваемость нашего процесса жизни. Я тоже ломал голову над этим дерьмом. И тоже получил кое-какие выводы. Например, дело обстоит гораздо серьезнее, чем думаем мы с Вами, чем думают советская власть и ее идеологи, чем думают враги и критики советского образа жизни. Я не берусь сейчас категорически утверждать, является Советский Союз раковой опухолью на теле западной цивилизации или здоровой жизнеспособной тканью. Я признаю: Советский Союз означает перерождение всех основ культуры. Но является ли это вырождением? Для меня лично эти вопросы пока не ясны. На эту тему наговорено и написано необычайно много. Но все это – пустяки. Сейчас никто – ни апологеты марксизма, ни критики его – не понимают происходящего. Мир в растерянности. Нет ясности в главном. Отсюда – удручающая суетня всех и во всем. Мелкость какая-то.

– А Солженицын, – сказал Эдик.

– Солженицын обличает, констатирует, будоражит, – сказал Безымянный. – Но понимания нет и у него. То, что он предлагает, иррационально. А в наш век даже иррационализм должен быть продуктом научного исследования. Мистика нужна. Но мистика, рожденная пониманием, а не отсутствием такового.

Я слушал с большим интересом. Странно, почему наши профессиональные работы вызывают у всех скуку, а вот такой дилетантский разговор можно слушать часами.

– По-моему, – сказал Эдик, – Вы преувеличиваете важность науки. Нам чего-то другого не хватает, а не науки. Науки слишком много. Вон, и марксизм претендует на научность. Да еще на самую высшую. Лучше бы немножко добра. Немножко наивности. Детского, что ли. Хорошей сказки.

Написать книгу одному куда легче, чем авторским коллективом в несколько человек. А если авторский коллектив перевалил за сорок человек, то написание книги превращается в кошмар. Только полгода ушло на то, чтобы составить примерный план и проспект. А нас еще похвалили за то, что мы быстро сделали это. Причем, в Отделении намекнули на то, что спешка нужна только при ловле блох, что надо бы обдумать план более обстоятельно. В ЦК тоже поинтересовались, не очень ли легкомысленно выглядит такая поспешность. В АОН прямо обвинили нас в авантюризме. И мы, естественно, попросили у дирекции еще пару месяцев на доработку. За это время мы доведем свой план до такого идиотизма, что даже отделение научного коммунизма философского факультета нас похвалит. План будет утвержден и обретет силу закона. И потом за рамки его не вылезешь ни при каких обстоятельствах, – не позволят. Кто? Да мы сами: авторы, участники обсуждений, члены дирекции, рецензенты и т.п., – огромная армия лиц, кровно заинтересованных в том, чтобы ты не сказал что-нибудь умное, талантливое, оригинальное, правдивое.

Теперь – распределение обязанностей авторов. Началось кипение страстей по каждому пустяку. Даже абсолютно невозмутимый Антон и корректный Ступак слегка поругались. Оба они захотели написать раздел о развитии науки, но никак не хотели писать совместно. Пришлось разделить: одному пришлось дать развитие естественных наук и техники, другому – гуманитарных наук (исключая, конечно, философию и политэкономия). Среди авторов оказалось два члена коры, восемь докторов, три профессора без докторской степени (по старости и по глупости); около двадцати кандидатов, десятков аспирантов, которым участие в книге гарантировало успешную защиту, несколько младших научных сотрудников без степени (считывать цитаты и проверять сноски) и пара научно-технических сотрудников (перепечатывать рукопись, мотаться по авторам, по инстанциям и в издательство, готовить документацию и т.п.). Эти последние два работают в самом тяжком смысле слова, получая гроши. Что их удерживает на этом месте – трудно оказать. Иногда – перспектива перейти в младшие научные. Иногда – получить копеечную надбавку, премию. Иногда – ожидание пенсии. Я эту категорию сотрудников почти не знаю. Я даю им задание и требую исполнения. И к тому же обычно через заместителя. Работа младших научных

сотрудников без степеней легче, но это все же работа. Часть из них стремится опубликоваться и защитить диссертацию. Остальные остаются в этом состоянии навеки, приспособляясь как-то к своим условиям: надбавки, премии, льготы и т.п. Они врастают в бытовую жизнь института (жилищная комиссия, касса взаимопомощи, путевки, экскурсии со скидкой и т.п.) и играют временами заметную роль. Прочая орава творческих работников (исключая отсюда внешних авторов, не работающих в отделе) влечит довольно вольготное существование. Эта книга для них – возможность на вполне законных основаниях ничего не делать или обдѣлывать свои побочные делишки, которые для многих являются неизмеримо более существенными, чем участие в книге. И, наконец, остаюсь я – руководитель авторского коллектива. Но это – особая статья.

Затем начинается авторская работа или, точнее говоря, работа с авторами и работа за авторов. Работа за авторов – это еще полбеды. В книге с большим авторским коллективом обычно участвуют лица, которые сами по своему положению никогда не пишут своих кусков (за них пишут другие, которые, как правило, работают аккуратно), которые подсовывают какую-нибудь халтуру («рыбу») или которые не могут сочинить даже «рыбу». Участие последних заранее принимается в расчет. Они полезны с какой-то иной точки зрения. Материал за них пишет обычно одни из ведущих (и работающих) авторов или сам редактор. Так, Серикову его куски пишу я сам. Предпоследние же образуют довольно неопределенную категорию. Иногда в эту категорию попадают приличные авторы, по каким-то обстоятельствам схалтурившие на сей раз. Попадают и люди типа Серикова, относительно которых до этого было ложное представление, была надежда. Все материалы таких авторов приходится переписывать ведущим авторам книги заново. Работа с авторами – самая трудная часть работы над книгой. Среди самостоятельно работающих авторов выделяется ядро ведущих авторов, которые пишут прилично (одно и то же конечно, но это одно и то же делают профессионально) и аккуратно. Главное в отношениях с ними – добиться единодушия. И потому заранее сектора, отделы и авторские коллективы и подбираются с таким расчетом, чтобы это было. Но крайней мере чтобы была взаимная терпимость. Если возникнет в этом ядре расхождение, книги не будет. Остается самая большая часть авторского коллектива. Здесь царствуют все отрицательные качества советского научного работника в области гуманитарных наук, распределенные в тех или иных комбинациях по отдельным лицам: лень, халтура, разболтанность

ненадежность, склоность, самомнение, спесь, амбиция, беспринципность, зависть и т.п. И здесь же (и только здесь!) попадаются самые отвратительные качества упомянутых научных работников: эрудиция, оригинальность мышления, талантливость, смелость. Правда, к счастью, в очень малых количествах. И большой и дружный авторский коллектив старается их не замечать и активно игнорировать, а если это невозможно – поставить соответствующих выскочек на место. Талант, оригинальность и смелость допустимы только в отношении группы ведущих авторов, где они, к счастью, не встречаются.

Работа авторского коллектива над книгой, подобной нашей, это месяцы и годы напряженной жизни, о которой можно написать романы действительно страшнее романов Достоевского и Бальзака. Десятки и сотни заседаний секторов, отдела, дирекции, групп, группок, активов, партбюро секторов, отдела, института... Сколько собраний, выступлений, докладных записок, отчетов, планов, индивидуальных и общих обязательств, доносов, анонимок... Телефонных звонков, личных встреч, групповых встреч, консультаций, приемов, заявлений, просьб... Добавьте к этому перемены во внешней и внутренней политике, перемены в руководстве, заседания Секретариата и Политбюро, Пленумы ЦК, совещания в ЦК, в Горкоме, в Отделении, в Президиуме... Интриги. Склоки. Слухи. Внимание со стороны конкурирующих организаций... Боже мой, если бы только кто подсчитал, сколько моральных, духовных и физических сил уходит на то, чтобы через пару лет (слишком быстро! это не серьезно!) собрать пухлую и рыхлую холуйски-бессодержательную рукопись и выдать ее на обсуждение в целом! Это пока еще на уровне отдела. А до этого - обсуждение статей и разделов по отдельности в секторах, подколлективах, комиссиях... Но вот рукопись перепечатана в нескольких экземплярах и сдана для обсуждения в Дирекцию и на Ученый Совет (теперь объединили, а раньше дважды обсуждали – на Совете и на Дирекции). И все эти титанические усилия потрачены на то, чтобы выдать очередного пухлого кандидата в макулатуру. Да такую муть я один с парой помощников (один – научный, один – технический) мог бы накатать от силы за полгода. Но это невозможно, ибо это не соответствует советским принципам коллективного труда. К тому же если один, так и получше можно написать. Слава! Положение! Нет, это недопустимо. А что будут делать остальные?! Вот будешь академиком, займешь пост повыше, тогда и пиши сам. Тогда все равно будет ясно всем, что либо тебе написали другие, либо ты написал пустую болтовню (как академик Блудов,

печатающий одну и ту же трепотню о Менделееве по три раза в год под разными названиями), либо то и другое. Это нормально будет. А пока изволь руководить дружным творческим коллективом.

Вы думаете, это уже все? О нет! Еще предстоит издательство. Закрывтие рецензии. Новые установки. Возврат рукописи на доработку. Замена кусков и авторов. Доделки. Переделки. Претензии редакторов всех рангов. Сколки в издательстве, в которые рукопись вовлекается как повод. В конце концов книга, конечно, выходит. И надо организовать рецензии. И ждать, не придерется ли кто-нибудь в соответствии с новыми веяниями, которые в свое время не мог предвидеть никто.

За каким же чертом, спрашивается, я надел этот хомут на свою шею? Во-первых, все равно взвалили бы, и то, что я проявил инициативу, очко в мою пользу. Во-вторых, какой-то хомут надо все равно надевать по плану, а этот полегче и повыгоднее, чем тот, который нам собиралась надеть Дирекция. Опять-таки выигрыш. В-третьих, если я хочу иметь то, что имею, и если хочу большего, то я по своим качествам не располагаю иными средствами. Это – моя нормальная привычная жизнь. Наконец, я делаю доброе дело. Да, да! Представьте себе! Как-то пустили слух, будто я уйду на новую должность не то в ЦК, не то в Отделение, не то за границу. Так в наших кругах такое началось твориться, что мне даже немного стыдно стало. Целые делегации приходили и уговаривали не бросать «дело» и их всех. Некоторые даже обвиняли в предательстве: мол, они мне вверили свою судьбу, а я их бросаю на произвол Васькиных! Все-таки есть разница между такими, как я (а их не так уж много), и такими, как Васькин (а их подавляющее большинство), т.е. между нами – «либералами» и ими – «мракобесами» («консерваторами», «реакционерсами»). Все-таки идет в глубинах нашего общества какая-то серьезная борьба, отражающаяся в наших взаимоотношениях. Какая именно?

– Банальный вопрос, – сказал об этом как-то по другому поводу Антон. – Две традиционные тенденции – западническая и самобытная. Западническая немного мягче, ярче и веселее. Само бытная – жестче, серее, серьезнее (мрачнее). Обычно тут ссылаются на Китай, с одной стороны, и на Запад (с другой). Но эти две тенденции обе имманентны нашему строю жизни. Они в натуре людей. Я помню, когда я во время войны учился в авиационной школе, встал вопрос об собственной гауптвахте. О каком Западе и Китае могла тогда идти речь? Все, принимавшие участие в решении проблемы и ее обсуждении, без всяких внешних влияний разделились на две враж-

дебные группы – «курортников» и «каторжников». Заметь, никто не сомневался в том, что гауптвахта нужна. Спор шел лишь о том, какой вид она должна иметь.

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

В связи с тем, что проспект Строителей решили превратить в правительственную трассу (он вел прямо в загородные дворцы высшего начальства), весь грузовой и общественный транспорт пустили по проспекту Марксизма-Ленинизма. Поскольку Лозунг мешал движению, пришлось счотать несколько старинных зданий и одну церквушку пятнадцатого века. Церквушка, черт с ней, все равно она и так развалилась бы. А вот дома жалко. Один из них был великолепный особняк купца Бегемотова, который в свое время сочувствовал большевикам и покровительствовал художникам-модернистам. Сделали подземный переход для пешеходов. Во время этой реконструкции площади Лозунг завалили строительным хламом, и забыли о нем. Пенсионеры написали новое письмо во все газеты. Устроили субботник. Территорию лозунга очистили от хлама. Забор пока решили оставить на всякий случай, хотя добираться до Лозунга теперь стало трудно, и морально неустойчивые элементы общества перенесли свои главные сборища на пустырь ближе к проспекту Строителей, так что на территории лозунга стало свободнее. Жители города и приезжие гости получили возможность снова любоваться прекрасным зрелищем Лозунга. Как написали в газетах, трудящиеся получили новый подарок к празднику.

ДЕЛО

– Что слышно насчет книжки?

– Ищут типографию. Говорят, это дело сложное, поскольку везде сидят наши люди.

– Явное преувеличение. Мы привыкли видеть КГБ везде и во всем. Ходит слух, будто даже Никсон был наш агент.

– Не удивлюсь, если это действительно было так. Вел он себя действительно так, будто был подкуплен нами. Американцы правильно сделали, что поперли его. Что-то в этой истории с типографией мне не нравится. Мирович отослал свою работу намного позже меня, я это точно знаю, а уже напечатали.

– Ничего удивительного нет. Работа Мировича – обычная поверх-

ностная антисоветская мура. А твоя книга серьезная. К тому же ты в своих оценках расходишься со всеми нашими диссидентами. Ты считаешь, что революция была благом, что партия и народ едины и т.п. Попробуй-ка, перевари это, будучи западным интеллигентиком, покровительствующим нашим диссидентам! Там наверняка кое-кто думает, что ты – агент КГБ.

– Сомневаюсь. Содержание моей книги достаточно ясно. А там должны быть неглупые люди.

– Ну-ну! Поживем – увидим!

СПЕЦИФИКА РУССКОЙ ТРАГЕДИИ

– Особенность русской трагедии состоит в том, что она сначала вызывает смех, потом – ужас, и наконец – тупое равнодушие, – говорит Антон. – Пришлось мне однажды поделиться воспоминаниями в одной вполне приличной компании. Я им рассказал, как у нас в лагере после смерти Сталина решили проявить либерализм – устроили баню. И только мы начали было мыться, выяснилось, что вышла ошибка. Воду перекрыли, и нас голыми и мокрыми выгнали на улицу. А мороз за тридцать. Что меня поразило, так это ледяные корочки, образовавшиеся на теле. И представьте себе, слушатели дружно засмеялись. Потом, когда я им рассказал, как целый авиационный полк сносил с лица земли якобы взбунтовавшийся лагерь на несколько десятков тысяч человек, все замерли от ужаса. Подействовали масштабы. Но уже через несколько минут наступило обычное состояние. Стали вычислять примерное число заключенных в лагерях одновременно, за все годы советской власти. Сколько – за дело, сколько – ни за что. И любопытно, что цифры примерно совпадали с теми, которые потом назвал Солженицын.

– А в чем же дело, – спрашивают в один голос Ленка и Сашка.

– Имеются разные объяснения, – говорит Антон. – Я объясняю это тем, что как русская трагедия, так и ее восприятие происходят по ту сторону добра и зла, т.е. вне сферы нравственности. Это – чисто психологическая или даже физиологическая реакция на страшный факт. В начала войны мы с приятелем видели однажды, как у индентантского полковника снарядом буквально снесло голову, а он продолжал еще стоять. Было очень смешно, пока до нас не дошла ужасная суть события. Это – вневременная реакция. Тут отсутствует чисто человеческое начало – нравственный протест и нравственное негодование.

– Но разве те люди, которым Вы рассказывали о лагере, не понимали, что все это нехорошо, ужасно, бесчеловечно?

– Знали, но не чувствовали на некоторой нравственной основе. У них, как и у всех нас в подавляющем большинстве, такой основы вообще нет.

– Ну, это уж слишком, – говорю я. – Что же, мы все безнравственны?

– Погоди, папа, не мешай, – говорит Ленка. – Тут же о другом речь.

– Я имею в виду наличие в духовности человека такого механизма, который срабатывает даже тогда, когда нет свидетелей, нет угрозы разоблачения, имеется или отсутствует угроза наказания и т.д. Например, человек отказывается писать донос, если даже об этом никто не узнает, отказывается убивать жертву, если даже за это его самого убьют и т.п. Проследите беспристрастно за фактами своей жизни. Много ли вы найдете в ней таких, которые подтвердили бы наличие такого механизма в вас самих? А ты, много ли ты можешь назвать среди своих знакомых таких, на которых ты можешь рассчитывать полностью? Ну!... То-то.

– Почему же нас делают такими?

– Потому что условия нашей жизни не порождают необходимости нравственного поведения и не дают опыта для него.

– О чем ты говоришь, – возмущаюсь я. – Не убивай! Не укради! Этому-то нас и наших детей учат!

– Учат. Кроме того, нас учат, как держать ложку и вилку, вовремя платить за телефон и квартиру. То, что в свое время давало основу опыту нравственного поведения, теперь таковым не является. Времена изменились. Теперь, чтобы нравственной личностью, мало не убивать, не воровать, не обижать маленьких, уступать место старшим и т.п. Теперь состав поступков, характеризующих людей как нравственные личности, иной.

– А какие поступки Вы считаете нравственными?

– Это долго объяснять. В двух словах это – поступки одного человека по отношению к другим, свободные с юридической и иной нормативной точки зрения, не приносящие совершающему блага, более того, связанные для него с риском наказания, приносящие тем, на кого поступки направлены, добро или не приносящие им (в крайнем случае) зла... Ориентировочно, ясно, о чем речь?

– Тут противоречие, – говорю я. – Как поступок может быть свободен от норм вообще, если он совершается в соответствии с моральными нормами? Есть же такие?

– Никаких моральных норм нет. Если норма – значит не мораль. То, что у нас называют моральными нормами, не есть вообще мораль как таковая. В морали есть только одно: способность относить тот или иной поступок к числу нравственных или безнравственных. Тут есть одна «норма»: если хочешь быть нравственной личностью, будь ею, т.е. не совершай безнравственных поступков.

– Тавтология, – говорю я.

– Нет, – говорит Сашка. – Я кое – что тут начинаю улавливать. Нельзя составить классификацию нравственных и безнравственных поступков самих по себе. Нравственность – это определенное состояние личности, которое позволяет ей (часто – без размышлений) совершать поступки так, что они будут удовлетворять некоторому общему и единственному критерию нравственности. Так?

– Так, – говорит Антон.

– Например, нравственный человек не совершит доноса и не заложит товарища ни при каких обстоятельствах.

– И если от этого будет зло другим, как будет оцениваться его поведение по отношению к ним?

И у нас начался дикий, беспорядочный спор до полуночи. Почему на семинарах по философии на эту же тему никогда не возникают такие дискуссии?

УМНАЯ ИДЕЯ

– Я бы на твоём месте, – сказала Светка, – сняла бы комнатку для работы. Сколько проблем сразу решилось бы! Надобность в некоторых твоих «командировках» отпадет. И вообще...

Я сразу же позвонил Вадиму, моему заместителю. Парень он сообразительный, поймет все с полуслова. И устроит дело наилучшим образом. Хотя он холуй и наверняка стукач, но человек очень полезный и нужный. В отделе все крайне удивились, когда я заявил о намерении назначить его своим заместителем. Тогда я обрисовал функции заместителя и предложил назвать мне более подходящую кандидатуру. Желающих не нашлось. И так вот всегда. Пост Заместителя, конечно, выгодный. Но выгода тут покупается дорогой ценой. Надо бегать, сидеть, изворачиваться, потеть. В общем, тяжело трудиться в самой суматошной части нашего бытия. Неудивительно, что на эту работу соглашаются лишь прирожденные проходимцы. К тому же любой порядочный, попав на это место, быстро превращается в такое же ничтожество. Я это проверил на опыте. Когда я еще сектором

заведовал, выбрал я себе заместителем самого порядочного и толкового парня. И что же? Через полгода это была уже такая дрянь, что даже мне стыдно стало. Прирожденные прохиндеи на таких местах лучше, они даже немножко облагораживаются от близости к высотам культуры (прошу прощения за такое выражение).

Короче говоря, Вадим уже через несколько дней нашел мне отличную и сравнительно недорогую комнату примерно на одинаковом расстоянии от моего дома, от института и от Светинового дома. Полчаса пешком. Полезно для здоровья, а то я начал основательно толстеть. Вадим вместе со Светкой заехали ко мне на вадимовой машине, погрузили все необходимые для работы рукописи и книги, и через несколько минут мы уже отмечали мое «новоселье». Если бы вы знали, какое это блаженство занять наконец-то свою отдельную изолированную комнату в тихой, чистой и светлой квартире.

Тамара приняла мое решение как вполне логичный шаг в развитии наших семейных отношений (но мнению всех наших знакомых мы – одна из самых удачных и счастливых семей в Москве!).

– Но развод я тебе не дам, – сказала она решительно. Е...ь с кем угодно, а развода не дам! Развод – это безнравственно. Не забывай, у нас дети.

Сашка отнесся к событию с полным равнодушием. Ленка прыгала от радости. Ой, как интересно, вопила она. Я к тебе буду приходить в гости тайно от мамы и бабушки!

Потом Тамара произвела строгие расчеты и сообщила мне, сколько денег я должен оставлять в семье, и сколько могу проматывать на своих шлюх. Хорошо еще, что она не знает о моей полставки и о мелких гонорарах. Тут я должен отдать ей должное. У всех моих знакомых бывшие жены обирают бывших мужей до нитки с помощью специально нанятых адвокатов, писем в партбюро и заявлений в суд.

Светка сказала, что она после работы заглянет ко мне на часок. Странно, а мне, когда я остался один, больше всего захотелось, чтобы ко мне не приходил никто. Быть одному, никогда не думал, что это так здорово.

Моя хозяйка – аккуратная и очень приветливая женщина лет семидесяти. Она повесила мне занавесочки с голубыми цветочками. расстелила везде белые скатерти и салфеточки, напоила меня свежесваренным чаем. И я почувствовал себя маленьким, дома у мамы.

ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ

– Давай трезво обсудим положение, – говорит Антон. – Либеральная эпоха закончилась. Теперь напечатать даже такие книжки и статьи, какие печатали три года назад, уже практически невозможно. Ты это, очевидно, почувствовал сам. К тому же делать теперь нечто подобное бессмысленно. Никакого эффекта не будет. Время уже не то и с точки зрения восприятия нашей продукции. Что же делать? Задача на комбинаторику. И довольно тривиальная. Вот дилемма: либо остаемся в рамках марксизма, либо выходим за его рамки вообще. Рассмотрим первый вариант. Здесь опять-таки две возможности: либо послушно выполнять все указания свыше и становиться шакалом типа Васькина, либо новаторствовать. Первая возможность не для тебя. Если ты даже захочешь пойти этим путем, тебе не позволят. Поздно. По Их раскладке ты – новатор. Новаторствовать можно двояко: ревизовать марксизм, т.е. пересматривать его принципиальные формулы как не отвечающие современной реальности, или улучшать, т.е. «развивать» применительно к новым условиям, не отступая ни на шаг от всех (не только основных принципов марксизма. Ревизионизм у нас исключен априори. Остается улучшение. Но кто решает, улучшил ты или ухудшил? Васькины. Кто решает, отступил ты или нет? Они же. Так что останешься ты увлекающимся или слегка ошибающимся улучшенцем или ревизионистом, это зависит уже не от тебя, а от Васькиных. По моим наблюдениям сейчас ситуация такова, что Они скорее примирятся с ревизионистами, чем с улучшенцами, ибо улучшенец – реальный конкурент. Васькин теперь тоже будет претендовать на то, чтобы попасть в член-коры. И основания у него не меньше твоих. И если ему предоставится малейшая возможность подставить тебе ножку, он это сделает не колеблясь ни секунды. Вы, улучшенцы, и так почти двадцать лет держали Васькиных в тени. Теперь их время наступает. Так что чем лучше вы будете делать свой труд, тем хуже для вас. А если сделаете плохо, вас тем более сомнут, ибо плохо делать Они могут лучше вас.

– В общем верно, – говорю я. – Давай второй вариант.

– Рассмотрим второй вариант, – говорит Антон. – Выход за рамки марксизма открывает такие возможности: 1) уход из сферы идеологии вообще; 2) остаемся в области идеологии. Первая возможность не для нас. Мы слишком стары для этого. Остается вторая возможность. Здесь опять-таки есть варианты: 1) критиковать марксизм,

бороться против него; 2) быть безразличным к нему. Тут ситуация гораздо сложнее, чем в рассмотренных ранее случаях. Насчет критики марксизма скажу потом. Сначала о безразличии к нему. Можно заниматься идеологией безразлично к марксизму, например – в духе буддизма или православия. Сейчас это довольно модно. Я не хочу обсуждать этот путь, Я думаю, что ты согласишься со мной: все виды идеологической деятельности такого рода не адекватны современности. Они означают как раз уход от самых важных идеологических проблем нашего времени. Это не для нас. Это – для неудачников, более мелкого ранга. Возникает вопрос: можно ли быть безразличным к марксизму, занимаясь комплексом наиболее важных идеологических проблем нашего времени. Увы, я лично для себя убедился в том, что фактически это невозможно. Марксизм, брат, штука весьма серьезная, оказывается. Его не обойдешь. За какую проблему ни возьмешься, она обязательно так или иначе рассматривалась и по-своему решалась в марксизме. И что бы ты ни сказал при этом, ты так или иначе сталкиваешься с марксистской традицией, с марксистским протестом или одобрением. Марксизм – великая идеология. И работая в духе идеологических проблем времени, нельзя не сталкиваться с ней. Это – факт. Я думаю, тебя уговаривать на этот счет не требуется. Так что же остается? Борьба? Вот тут-то и есть главная загвоздка.

– Представим себе на минуту, – продолжал Антон, – что нам дали полную свободу действия: ребята, мол, поносите наш марксизм как вам заблагорассудится! И что? Разве мало было таких свободных критиков на Западе? Разве мало они написали? Много. И неглупые это были люди. И работы написали умные. А толку что? Никакого. Марксизм как был, так и остался неуязвимым. И вовсе не потому, что он прав, умен. Дело тут совсем не в этом. Дело в том, что марксизм, как и всякая идеология, не есть наука. Он наукообразен, – это дань времени. Но он не наука. Ему всячески стараются навязать вид и статус науки. Это выгодно власть имущим: все происходящее есть продукт объективных законов, а не их глупости, они лишь открывают законы, предвидят и способствуют. Помнишь, Сталин говорил: оседлать законы! Это не пустая фраза. Это очень серьезно. Они властвуют от имени мировых законов, а не в силу правил гангстеризма большого размаха. Это выгодно и гигантской армии идеологов: они – ученые, а не нечто вроде попов! Это выгодно прочим: лучше считать себя обиженными железными законами материи, чем ловкими проходимцами, хапугами, карьеристами. Есть

вполне определенные признаки науки и определенные признаки идеологии. Марксизм не удовлетворяет первым и удовлетворяет вторым, это тривиально. Его альянс с наукой есть историческая особенность его как идеологии. В наш век науки и техники и образованности всех без этого нельзя. Идеология, не претендующая на то, чтобы быть наукой, не принимающая вид науки, не имеющая средств выглядеть для широких масс наукой, не может быть в наше время идеологией. Марксизм, будучи идеологией, а не наукой, неуязвим для научной критики. А вся критика марксизма, играющая заметную роль, претендует на то, чтобы уличить его в научной несостоятельности. Критика иного рода, например – со стороны христианской идеологии, остается малоощутимой. И против нее марксизм имеет мощнейшую демагогию. Но пусть мы хорошо раскритикуем марксизм. Встанет проблема: предложите свое, получше! И когда мы начнем делать это свое, мы вынуждены будем это опять-таки делать по законам делания идеологии. И тогда мы воспроизведем все то же самое с незначительными модификациями. Марксизм все-таки вырос на столбовой дорожке мировой цивилизации. И строя идеологию на том же месте, мы построим нечто марксизмообразное. Так что же, выходит, куда ни кинь, всюду клин? Нет. Прошедший период был интересен еще в одном очень важном отношении: он указал выход. Идеологию бьют фактами той реальности, которую освящает идеология. В данном случае – фактами той социальной реальности, на обобщение, предвидение, познание и т.п. которой она претендует. Факты загоняют марксизм в ту самую ловушку, какую он сам навязывает себе. Потому-то доклад Никиты и книги Солженицына нанесли гораздо более сильный удар по марксизму, чем усилия всех критиков марксизма за всю историю вместе взятые. Есть путь реальной критики марксизма: это – бескомпромиссный анализ самого нашего общества, предание гласности фактов его бытия. И этот путь – единственный. И этот путь, между прочим, является единственным, на котором можно выработать идеологию, более адекватную положению человека в современном обществе, чем марксизм.

– Пусть так, – говорю я. – А зачем тебе делать эту идеологию? Плюнь! Изучай себе наше общество, и дело с концом.

– Тут дело в личной заинтересованности, – говорит Антон. – Есть люди, которые становятся врачами, чтобы лечить человеческое тело. А меня интересует душа человека. Не психика, а именно душа, – явление чисто социальное. Вот я и хочу сделать кое-что для этой души. Идеология и есть средство для души. А марксизм для души

уже ничего не дает. Он действует как сугубо формальный механизм идеологии. Кстати, очень интересная тема – характер идеологического механизма в советском обществе. Здесь он иной, чем в случае с христианством. И в христианстве был элемент насилия. И в марксизме есть элемент добровольности. И все же марксизм враждебен духовности. Он антидуховен. Я не могу тебе пояснить это в общем виде. Займись нашим обществом и нашим человеком в их реальности, а не в пропагандистской абстракции, и сам это скоро поймешь по каждому конкретному пункту.

В таком стиле мы разговаривали не раз и ранее. Но только теперь я стал прислушиваться к словам Антона и находить в них смысл, ранее начисто ускользавший от меня.

ДЕЛЕГАЦИЯ НА КОНГРЕСС

В отделе науки ЦК утвердили делегацию на международный конгресс. Это – последняя инстанция, если не считать КГБ, который в последний момент задержит несколько человек и подсунет вместо них своих людей (хотя почти все члены делегации и туристической группы фактически и без того их люди). Любопытно все-таки, какая эволюция произошла за это время. Причем, путь от составления списков в делегацию и туристическую группу на местах до утверждения окончательного списка в ЦК в сокращенной форме отражает или даже изображает эту эволюцию. На местах (в секторах, на кафедрах) в списки включили всех тех, кто наиболее плодотворно работал в прошлые годы и приобрел приличную репутацию, т.е. всех видных либералов нашей среды. Затем на уровне дирекций и деканатов часть приличных людей вычеркнули, а вместо них вставили подонков и серяков. Потом на уровне ректоров и отделений академий вычеркнули еще несколько из оставшихся приличных людей и вписали еще более серых и стервозных. В министерствах и президиумах академий вычеркнули почти всех приличных, т.е. людей шестидесятых годов (шестидесятников), и вписали такую мразь, которую раньше не пускали даже на тематические городские симпозиумы. Наконец, отдел науки ЦК довел этот процесс до логического конца. Меня в делегации оставили. Мне стало стыдно. Но ребята сказали, что меня оставили потому, что весь мир содрогнулся бы, если бы меня вычеркнули. Но я-то знаю, почему меня оставили. Академик Канарейкин (глава нашей делегации) настоял на этом. Почему? Очень просто: ему же доклад делать, а доклад надо написать, а кто лучше

меня напишет ему доклад, который и начальство похвалит, и там впечатление будет приличным! Серикова включили в туристическую группу. И тоже понятно почему.

Составление советской делегации на международный научный конгресс – вообще есть дело величайшей государственной важности. При этом должны быть учтены самые различные аспекты дела: интересы различных организаций, национальный состав, возрастной состав, половой состав, соотношение лиц различных рангов, родственные отношения и т.д. Эта проблема решается в многочисленных инстанциях по меньшей мере год. Вопрос об участии КГБ в таких делах обсуждался многократно и выяснен досконально. Однако тут есть один аспект очень интересный и менее известный. То, что любой (или почти любой) из нас готов выполнить (и выполняет время от времени прямо или косвенно) задания КГБ, это очевидно. Мы – патриоты. И к тому же за такую награду, как заграничная поездка за счет государства, мы готовы и на большее. Однако КГБ этим не удовольствуется. Он включает в каждую нашу делегацию еще специально своих людей. С какой целью? Говорят разное. Выполнять поручения, которые нельзя доверить обычным научным стукачам. Следить за поведением членов делегации. Предупреждать побег. Нет, конечно, дыма без огня. – Но я склоняюсь к тому, что тут дело обстоит проще. Члены делегаций за поведением друг друга следят не хуже профессионалов. И информацию дают более квалифицированную. Спецзадания – в большинстве липа. Реальная серьезная разведка делается не так. Побег все равно совершаются. Причем, удирают проверенные и надежные люди. Ненадежных просто не выпускают. Просто КГБ имеет свою законную долю во всех заграничных поездках и использует ее как благо в интересах своих сотрудников. Использует на тех же основаниях, как квартиры, санатории, дефицитные продукты, билеты в театры и на выставки и т.д. И делается это у них (мне приходилось разговаривать с их «мальчиками») по общим законам распределения благ советской системы. И сотрудники КГБ так же усердно бегают за тряпьем, как и доктора и профессора. Только у них есть одно преимущество: не надо представлять доклад, обсуждать его, проводить через Главлит (цензура), сидеть на заседаниях. По интеллектуальному уровню они мало чем отличаются от среднего члена делегации. В крайнем случае, когда кретинизм их нельзя скрыть, мы выдаем их за представителей национальных республик или за пережитки сталинизма. Очень помогает в таких случаях плохое знание или полное незнание иностранных языков.

СТАРЬЕВЩИЦА

После работы «на минутку» заскочила Светка. Жаловалась на сотрудников Института («Банда сволочей»). Жаловалась на мужа («Мой лопух») и на свекровь («Вот стерва!»). Плакала, что нечего надеть (хотя каждый день меняет туалеты, и институтские сплетницы до сих пор не могут подсчитать ее гардероб). С трудом выпроводил ее («Мне надо работать»). Разложил на столе книги и бумаги. И без единой мысли в голове уставился в окно. Во дворе я увидел крупную старую женщину в длинном черном балахоне. Женщина рылась в мусоре в районе помойки, отбирала что-то (кажется, тряпье, бумагу) и складывала в свою тележку. Меня поразило лицо женщины: огромное, сине-фиолетовое, с бесформенным пористым носом старого алкоголика. А выражение лица такое, как будто ей поручили написать в нашем эпохальном труде главу о росте материального благосостояния трудящихся. Описать это выражение невозможно. Его можно только показать и дать ему название. Но лучше не делать ни того, ни другого.

Старьевщица показалась мне сначала необычайно старой, так... лет на восемьдесят. Но по тому, как она ворошила помойку и укладывала барахло в тележку, ей можно было дать значительно меньше. Если бы мне вот так же сейчас пришлось заниматься подобным делом (избави боже!), я вряд ли за ней угнался бы. Я спросил у своей хозяйки, кто эта женщина. Она ответила, что никто этого не знает. Зовут ее просто Пьяная старуха, хотя никто ни разу не видел ее пьяной. Появляется во дворе раз в неделю. Никто не помнит, когда она появилась впервые. Не обратили внимания.

Я попытался представить себе жизнь старьевщицы. Ни друзей. Ни родных. Общение – только с таким же, как она, приемщиком старья. Копейки на жизнь. Копеечные обманы. Копеечные ссоры. А что она ест? На чем спит? Кошмар! Как же должно быть обрублено со всех сторон ее сознание, чтобы продолжать жить! А если у нее сохранился ум и представление о лучшей жизни?! Нет, это невысказано. Судя по физиономии, она все заработанные копейки пропивает. А что она пьет? Теперь это не так-то уж дешево. Наверно, достает что-нибудь вроде денатурата. От этого и синева на лице.

Я вернулся к своим бумажкам. Но старуха не выходила у меня из ума. Построили развитый социализм. Ускоренными темпами движемся к коммунизму. А ей на это на все наплевать. Для нее не существует никакой истории. Никаких проблем. Она скоро исчезнет.

И я исчезну. И мы сравниваемся в небытии. А посмотреть на меня с какой-то иной высоты, что делаю я? Где принципиальное отличие моего бытия от бытия этой старухи? Удовлетворение? А кто знает, может быть она довольна своей жизнью больше, чем я. Я страдаю – хочу в академики, хочу премию. А она может быть не завидует даже своему тирану-приемщику, обсчитывающему ее на гривенник. Польза человечеству? А кто измерит, какую пользу принес человечеству я? И принес ли вообще?

Старуха нагрозила тележку и неспеша потащила ее за цепь, перекинутую через плечо. Люди проходили мимо нее, совершенно не замечая ее. Она для них не существовала вообще. Также и они для нее. Вот вам сосуществование двух независимых миров, между которыми исключено всякое взаимопонимание. Зачем лететь на другие планеты, если по улицам бродит эта Пьяная старуха, с которой мы также не можем установить контакта. И не хотим это делать.

Я подумал, что мне ничего не стоит вот сейчас же вынуть из кармана сумму денег, которых этой старухе хватило бы по крайней мере на полгода. Но я это не сделал. Не знаю, почему. Но не потому, что пожалел денег. Денег я никогда ни на что не жалел.

ЗАБЕГАЛОВКА

– Позвольте задать Вам нескромный вопрос, – сказал Безымянный. – Судя по нашим беседам, Вы неглупый человек. Как же Вы ухитрились сочинить такие... как бы сказать... странные книжки?

Я растерялся от неожиданности и начал лепетать что-то вроде того, что книжки не хуже других. А то и лучше, как считают многие. Во всяком случае, они на голову выше сочинений Петина, Рименталя, Костюкова и им подобных.

– Может быть так, – примирительно согласился Безымянный. – У меня взгляд со стороны. Вам, конечно, виднее. Можете Вы отличить одного взрослого клопа от другого? Нет. Только по пространственно-временным координатам. А для себя они, надо думать, различаются. Есть, должно быть, клопы-talанты, клопы-бездары, клопы-гении.

Я сказал, что сейчас создаю мощный отдел, собрав в него самых талантливых ребят. Готовим огромную книгу, в которой намерены пересмотреть все фундаментальнейшие принципы.

– Ревизионисты? – спросил Безымянный.

– Что Вы, что Вы, – замахал я руками. – Ни в коем случае! Мы в русле, в духе и в полном соответствии. Наоборот, ревизионистов мы будем крепко бить. Мы развиваем дальше, углубляем...

– Все равно, – сказал Безымянный, – вас всех сожрут как ревизионистов. Развивать марксизм есть прерогатива наших вождей.

– А пусть сожрут, – сказал я. – Надо же в конце концов разобратся в том, что из себя представляет наше советское общество!

– Ого, куда Вы метите, – сказал Безымянный. – Только у Вас и всех Ваших талантливых ребят ничего из этого не выйдет, если даже вас не сожрут (а я уверен вас очень скоро сожрут, не могут не сожрать!), если даже вам дадут гарантии безопасности и разрешат писать абсолютно все, что вы захотите. Хотите знать, почему? Потому что вы все неспособны выйти за рамки марксизма, если бы даже вам разрешили стать его врагами. А вы даже на это (стать врагами) неспособны. Формации, базис, надстройки, производительные силы, производственные отношения, классы, государство и т.п., – это, уважаемый марксист (или антимарксист роли не играет!), лишь романтические образы идеологии, а не понятия науки. Понятия науки прозаичны. А вы не сможете из облаков романтики спуститься на грязную землю реальности и оценить ее по достоинству. Вы никогда не поймете наше общество, ибо у вас нет средств для его понимания. Точнее говоря, вы не поймете его до тех пор, пока не оцените принципиальную важность пустяков в нашей системе жизни. Повторяю, пустяков! Грандиозность нашего строя жизни есть пустяшная грандиозность или грандиозность пустяков, – вот суть дела. Ваши возвышенные категории в такой же мере уместны в отношении нашего общества, в какой слова «гениально», «мудро», «глубоко», «прозорливо», «всесторонне», «правдиво» и т.п. уместны в отношении идиотских и лживых речей наших вождей, написанных к тому же не ими самими.

Речь Безымянного сначала произвела на меня удручающее впечатление. Но я человек добрый. Долго не могу ни на кого злиться. Потом я почувствовал, что суждения Безымянного явно дилетантские. И мне стало даже весело.

– Вы о марксизме судите несколько поверхностно, – сказал я. – Чтобы по достоинству оценить его понятия и принципы, надо все-таки быть профессионалом...

– Понимаю, – сказал Безымянный. – Извините, если я Вас обидел. Я, конечно, дилетант. Но если Вы не возражаете, я поясню свою мысль. Может быть Вам как профессионалу сгодятся мои дилетантские соображения. Я утверждаю, что не поняв важности пустяков, нельзя понять реальную (а не идеологическую, не пропагандистскую) суть нашего общества. Возьмите любую жизненно важную ниточку

(и, естественно, пустяковую с точки зрения Вашей высокой теории), потяните за нее, и Вы вытянете одно и то же... Возьмите очереди, летний отдых, квартиры, билеты в театры и на концерты, книги, поездки за границу, продукты питания, доброкачественные вещи... Я уж не говорю о серьезной медицинской или уголовной ситуации, в которой может оказаться всякий. Или об издании книг, о степенях и званиях... О поступлении в институты... В общем, возьмите любую реальность, а не Ваши эти безличные производительные силы, надстройки и прочую галиматью (надо быть хорошо образованным идиотом в духе нашего века, чтобы принимать это всерьез!). В каком-то журнале (не помню) напечатали недавно очерк о парне, которого ни за что засудили на пятнадцать лет. Какова же реальность, если уж даже в официальном журнале на это пошли. А ведь в этом очерке все приглашено, самые главные ужасы опущены. Восемь лет парень отсидел. И Верховный Суд не помог. Только случай его спас. А сколько таких парней сидит, и случай им никак не улыбается! Пустяк? Такой ли уж это пустяк? А помните, разоблачили в свое время настоящую банду, в которой участвовали сынки министров? Чем кончилось? Отделались условным осуждением на год. Их даже в милицию не забирали. Пустяк? В чем дело? Дело в том, первый парень находился на низшей ступени социальной лестницы. И не имеет никакой юридической защиты. А сынки министров... Ясно? Конечно, ясно. Очевидно. До ужаса очевидно. Только почему же это не учитывается в Вашей науке? А ведь вывод напрашивается сам собой: только повышая свой социальный уровень, ты повышаешь степень уголовной защищенности себя и своих близких. И никак иначе. А это – неправоное общество. И реально живущие люди эту азбучную истину знают с пеленок (в отличие от теоретиков, которые много лет учатся для того, чтобы ничего этого не заметить). Возьмите очереди. Раз постоять – пустяк. Сто раз – пустяк. А если изо дня в день, из года в год? Везде и всюду? Есть от чего прийти в отчаяние. А выход? Выбираться в такую ситуацию, когда нет очередей. Закрытый распределитель, специальные магазины, доставка на дом. Знакомства. Связи. А для этого надо положение занять. А для этого... Вы вроде бы на юг собираетесь? Позвольте узнать, где путевочку достали? То-то! И билеты по брони этой почтенной организации? Ну, конечно. А я вот никак не могу, хотя хочу. И деньги вроде бы есть – подработал. Ан нет!... Да что об этом говорить. Вы же не маленький. Должны же хоть что-то понимать. Идет всеобщая ожесточенная борьба за привилегии. И побеждает в ней более гнусная

тварь. И воспитывается эта тварь с расчетом на эту борьбу. Общий итог – в массовых масштабах воспроизводится определенный тип социального индивида, определенный человеческий материал, служащий основой всего нашего образа жизни. Все остальное (и экономика, и политика, и мораль, и искусство и все прочее) производно от этого. Если уж Вам нравится словечко «базис», так вот это и есть базис всей нашей жизни. Даже грандиозные репрессии эпохи Сталина (кстати, они и сейчас не прекратились) выросли отсюда. Если Вы – ученый, вот это и обобщайте. И теорию придумайте. Только по правилам науки, а не идеологии.

Я начал что-то лепетать об исторических трудностях, о преходящем характере недостатков, о метро, о детских садах, о жертвах во имя грядущего и т.п.

– Стоп, – сказал Безымянный. – Вы затронули самый глубокий вопрос, не подозревая того, – вопрос нравственности, т.е. основы основ цивилизации. Если вы даже на самом деле построите Светлое Здание Коммунистического Общества наподобие земного рая, я его не приемлю, поскольку оно строится на крови жертв, на лжи и насилии. Я в такое здание не войду из элементарной порядочности. Предпочту остаться с жертвами. Жертве прощаются все грехи. Быть жертвой – значит начать становиться человеком.

– Это религия, а не мораль, – говорю я.

– Это не религия, – говорит Безымянный, – а религиозное, т.е. нравственное сознание. Это нечто иное. А если уж Вам так хочется наклеить этикетку, валяйте. Мне все равно. Пусть религия. Я знаю твердо одно: все звериное – от природы, от естественности; все человеческое – от Бога, т.е. придумано и изобретено.

ТОСТ

– Дядя Антон, – спросил Сашка, – а за что Вас посадили? Ни за что, как всех?

– За дело, как всех или почти всех. За стихотворение по поводу сталинского тоста.

– Вы помните его?

– Конечно. Такое не забывается.

Вот поднялся Вождь

в свой ничтожный рост.

И в усмешке

скривил рот.

Что мы нагло
 врали
 ему?
 И какой болван
 на Земле другой
 На спине б своей
 нас
 ютил?!
 Назовите мне,
 кто своей рукой
 Палачей б
 своих
 защитил.
 Вождь поднял бокал.
 Отхлебнул вина.
 Просветлели
 глаза
 Отца.
 Он усы утер.
 Никакая вина
 Не мрачила
 его
 лица.
 Ликованием вмиг
 переполнился зал...
 А истерзанный
 русский
 народ
 Умиления слезы
 с восторгом лизал,
 Все грехи Ему
 отпустив
 вперед.

– Ого, – сказала Ленка. – По Солженицину Вас должны были убить.

– Мне зачли военные заслуги. Да и время начало поворачиваться в сторону хрущевизма.

– Не зря, значит, Вас посадили.

– Не зря. Тогда зря редко сажали. Всегда находилось дело.

– Вы, конечно, читали Солженицына?

- Читал.
 - И что Вы о нем скажете?
 - Я перед ним преклоняюсь.
 - Значит, то, что он пишет, правда?
 - Правда, но не вся. А частичная правда искажает картину в целом. Я ценю его не за правду, а за бунт против лжи и насилия.
 - Если он прав, почему же его не печатают у нас?
 - Не задавай глупых вопросов, - сказал Сашка.
 - Вопрос не глупый. Тут глупы те, кто не напечатали Солженицына здесь. Если бы его здесь напечатали, не было бы такого грандиозного мирового эффекта и неослабевающего интереса к его работам. В преступлениях, которые нельзя скрыть, лучше сознаваться открыто.
 - Тем более в чужих преступлениях.
 - А если они не кончились...
- И в таком духе у меня дома постоянно ведутся антисоветские разговорчики. И я не в силах их остановить. И, что самое ужасное, не хочу их останавливать, и сам участвую в них.

ТУАЛЕТНАЯ БУМАГА

Прибежала Тамурка, выпучив глаза и истекая потом.

- Живо! В канцелярском дают туалетную бумагу! Я заняла очередь.

Мы (теща, Ленка и я) оставили только что начатый обед и ринулись вслед за Тамуркой. Через пару часов мы возвращались домой, счастливые, увешанные связками туалетной бумаги. Я побаивался, что над нами будут подтрунивать прохожие. Но они отнеслись к нам с полным пониманием. Многие спрашивали, где мы достали бумагу, и сами бежали туда же. Лишь один полупьяный обормот прицепился к нам с воплями, что советская интеллигенция обо...сь. Но так как он повторил это несколько раз, первоначальное впечатление стерлось, и некоторые прохожие стали его одергивать. Наконец, два здоровых парня (по виду - студенты или аспиранты) взяли крикуна под руки, велели ему закрыть пасть и утолкали куда-то в обратную сторону. Как бы то ни было, нам теперь на полгода обеспечена чистая задница. Должен признать, что по этой линии (по линии запасаания дефицитных вещей) Тамурка молодец. Когда вся Москва носится в поисках питьевой соды или стирального порошка, у нас наверняка это добро есть в достатке. Она ухитрилась даже луку запасти на пару месяцев.

Удача с туалетной бумагой внесла в нашу разваливающуюся, но пока еще здоровую советскую семью некоторое праздничное единение и миролюбие. И мы с увлечением начали перемывать косточки всем нашим знакомым. Тамурка сказала, что от Кобытовой всегда плохо пахнет. Наверно, белье не меняет месяцами. А сам Кобытов носит дорогой (правда, безвкусный) костюм и дешевые рубашки и ботинки. Типичный ванька. Вот Наташка молодец. Правда, она держит Антона под каблуком. Но ему это на пользу. Теща сказала, что Наташка слишком чопорна и себе на уме. Она слишком высоко себя ставит, а нас презирает. Я спросил, откуда это видно. Теща сказала, что это видно из ее обращения ко всем на «вы» из подчеркнутой вежливости. У нас так не принято. Ленка сказала, что она не позволит обижать Наташку. А вот жена Новикова – настоящая стерва. Глупая. Жадная. И мнит себя гением, хотя говорит элементарно безграмотно. Тоже мне, кандидат!

Раньше я не любил такие беседы. Потом привык к ним. А теперь я понял, что ничего плохого в них нет. Это – реализация естественной потребности ориентироваться в своем социальном окружении. Правда, при этом мы имеем дело не с реальными людьми, а с вымышленными нами персонажами (как говорит Никифоров; с моделями людей). Однако, и в этом есть свой резон, ибо поступки людей имеют смысл не только как поступки для них, но и как поступки для нас, т.е. имеют двойную интерпретацию. Например, состоится заседание редколлегии журнала, на которой обсуждается статья некоего А. Я обещал в свое время его поддержать. Но тут я слегка заболел. И на редколлегию не пошел. Для меня это означало: зачем мне рисковать осложнениями после гриппа из-за какой-то вшивой статьи А. Для него и для многих других это означало, что я струсил, не захотел ссориться с «зубрами» из-за смелой статьи А. Это в наших-то кругах смелая статья! И я прав. И они правы, ибо для них важны последствия моего поступка для них, и они дают ему, естественно, отрицательную интерпретацию.

Это все норма. Но вот что меня действительно до сих пор выводит из себя, так это почти полное отсутствие доброжелательства в интерпретации поведения наших отсутствующих знакомых и даже друзей. Преобладает какая-то крысиная злоба. В чем дело? Не может быть, чтобы это вытекало из биологической природы русского человека. Русский человек раньше славился добротой. Но теперь ее и в помине не осталось. Доминирующее состояние русского человека по отношению к прочим людям теперь – злоба, нетерпимость, зависть,

злорадство, ненависть и т.п. Я имею в виду не исключительные ситуации, когда люди оказываются на время вырванными из ткани их социального бытия, а повседневные ситуации обычной жизни (транспорт, очереди, конторы и т.п.). А ведь в нашей книге будет специальная глава, посвященная характеристике советского человека. Что мы в ней напишем? Обычную демагогию о высочайших моральных и прочих качествах советского человека, о его превосходстве над характерами буржуазного общества. Если мы попытаемся хотя бы самым незаметным образом намекнуть на явления, вытекающие даже не из специфики социализма, а из общего факта скопления большого числа людей и дефицита, нам оторвут голову. Ибо теоретически у нас самый лучший в мире общественный транспорт, продуктов хватает, цены стабильны и т.д. Бывают, конечно, отдельные редкие исключения... В общем, как старом анекдоте: наш советский карлик самый большой карлик в мире, а советский паралич – самый прогрессивный.

ИДЕЯ РАВЕНСТВА

Нашу забегаловку закрыли на учет, – проворовались, очевидно. Мы с Ребровым и Безымянным решили поискать другое место. И дошли до самого проспекта Марксизма-Ленинизма: в одних местах – очередь, в других – грязь, в третьих – закрыто и т.д. В кафе «Молодость» мы тоже не попали – очередь. Тогда Ребров предложил скинуться по трешке, купить пару бутылок, сырку, колбаски. А он знает тут неподалеку отличное местечко. Мы так и сделали, – решили потряхнуть стариной, как выразился Безымянный («Давненько не пил из горла!»). Потом Ребров подвел нас к забору, окружающему наш Лозунг, отодвинул доску, и мы залезли внутрь. Все места между буквами были забиты. Но между буквами «у» и «ц» в слове «будущее» потеснились, и мы пристроились на ящиках.

– Вот вам и реальность идеи всеобщего равенства, – сказал Ребров после того, как мы раздавили первую бутылку.

– А чем Вам не нравится эта идея, – спросил я. – Идея сама по себе хорошая. Идея не несет ответственности за ту или иную реальность.

– Не могу согласиться, – сказал Ребров. – Несет, да еще какую. У нас, кстати сказать, она вполне реализована. Как Вам известно, идея, овладев массами, и т.д.

– Ну, это Вы загнули, – сказал Безымянный.

– Почему же, загнул, – сказал Ребров. – Позвольте, я поясню Вам, в чем дело. Вот мы сидим тут втроем. И вполне можем реализовать идею равенства: скинулись поровну, пьем поровну, едим поровну, на одинаковых ящиках сидим. А теперь возьмите народ. Допустим, миллионов двести, как у нас. Ведь чтобы реализовать идею всеобщего равенства хотя бы в одном аспекте, нужно эти двести миллионов организовать в определенную систему. Нужно создать специальный аппарат, который проводит в жизнь идею и следит, чтобы все делалось правильно. Допустим даже, что люди все в социальном отношении равны (отвлечемся от различий возрастов, полов, семейных условий, физических способностей, желаний и т.п.). Так или иначе встает проблема распределения их по ячейкам общества как в горизонтальном, так и в вертикальном плане. Встает проблема распределения жизненных благ. А они не могут быть равны в принципе. К тому же это – опытный факт для каждого индивида. Вспомните армию. Вот уж где равенство-то! А ведь даже сапоги не одинаковы, хотя и стандартны. Положение койки в казарме. Помните, как мы дрались за то, в какой наряд идти (на кухню или в караул), на какой пост попасть. Даже резание хлеба нами же и на наших глазах дает неравноценные доли хотя бы по видимости. А тут, в нашем дифференцированном обществе, полном всяческих соблазнов! В общем, к чему об этом говорить. Это банальности. И вот вам результат: система реального социального неравенства, какой еще никогда не было во всей прошлой истории человечества.

– Разумно, – сказал Безымянный. – Но насчет того, что не было, вряд ли это верно.

– Было, – сказал я. – И еще хуже.

– Смотря с какой точки зрения, – сказал Ребров. – Помяните мое слово, пройдет не очень много времени, и население будет четко разделено на расу господ и расу рабов. Причем, будет это сделано даже на уровне физиологии. Необратимый процесс. Наука и социальная селекция позволяют это сделать уже сейчас.

– Помнится, Адольф Гитлер что-то говорил на эту тему, – сказал я.

– Гитлер был за, – сказал Ребров. – А я – против. Это раз. Кроме того, Гитлер решал эту проблему как международную, а проблема-то внутренняя, чисто социальная. У нас ее решают внутри. И потому добьются успеха.

– И кого же Вы предназначаете в расу рабов, – спросил Безымянный.

– Я не предназначаю, я боюсь этого, – сказал Ребров. – Но думаю,

что тут двух мнений быть не может: конечно, русский народ является первым поставщиком. Он и по натуре удобен для этого: холуй, склонен к взаимной вражде, к разобщенности. Проследите нашу историю начиная с революции...

– Солженицын, – сказал я.

– И что же Вы предлагаете, – спросил Безымянный.

– Драку, – сказал Ребров. – Все зависит от способности к сопротивлению. Мы ждем, когда дело сделается само. А между тем надо драться. Будем мы драться или нет, от этого зависит ход истории. Выпьем за тех, кто дерется!

– Пустое дело, – сказал я. – Выпить я выпью. Но с кем драться? За что? Как? К тому же те проблемы распределения функций и обязанностей членов общества и материальных благ могут быть решены разумно.

– А тут я Вас ловлю, – говорит Безымянный. – Что значит: разумно? С помощью разума? С этой точки зрения любая организация людей разумна, ибо она создается при непременном участии такой человеческой способности, как разум. Без этой способности нет человеческой общности, есть стадо, стая, просто скопление типа скопления тараканов и клопов. В соответствии с некоей общественной целесообразностью? А кто судьи? Сталин и его банда действовали в соответствии со своими представлениями о такой целесообразности. В соответствии с некоей справедливостью? Что это такое? Где критерии? Кто ее будет реализовать? Прошу прощения, Вы вот сейчас получили ящичек по справедливости, но на нем гвоздик, и Вы брючки разорвали. Все слова, слова, слова. Есть неумолимая реальность.

– И что же Вы предлагаете, – спросил я.

– То, что и делается постоянно и повсеместно на самом деле: драку.

По дороге в свой «кабинет» я увидел Пьяную старуху в одном из дворов около проспекта Строителей. Согнувшись в три погибели, она пыталась сдвинуть с места свою перегруженную тележку. И никто не пытался ей помочь. И у меня на это не хватило духу.

ЛЕНКА

– Папа, – в сотый раз спрашивает Ленка, – неужели Солженицын говорит правду?

– Конечно, – говорю я, – в его книгах есть доля правды.

– Какая доля, – не отстает Ленка, – половина, десятая часть? Какая?

– Я не измерял, – говорю я. – Теперь это установить невозможно. А тебе-то что от этого?

– Понимаешь, – говорит она, – если даже одна тысячная доля того, что он написал, верна, это кошмар. Мы должны об этом знать. Иначе потом будет хуже. Рано или поздно мы все равно узнаем. Вот, например, твой Канарейкин. Это о нем говорили, что не один десяток деятелей культуры расстрелян по его открытым и закрытым доносам и по свидетельским показаниям? А этот... Помнишь, приходил к нам на той неделе... Тощий, волосатый... Дядя Антон говорил, что из-за него многие получили срок. Он однажды сидел в одной камере с человеком, который был осужден на десять лет по доносу этого человека... А ты с ним встречаешься. Руку жмешь... Как же так?!

– Ты еще маленькая, – говорю я, – многого не понимаешь. Вырастешь – сама поймешь, что это все не так-то просто. Ты не знаешь, что дядя Антон чуть ли не половину срока проработал там в конторе...

– Ты говоришь пошлости, – говорит Ленка. – Если не хуже. Не волнуйся, я не такая глупая, как ты думаешь. Не подведу. Я примерная комсомолка. И отличница. Надо для аттестата и для характеристики. Но я кое-что хочу точно знать для себя. Пока для себя.

Знала бы Ленка, что тот тощий тип (это – Ильин, один из самых популярных наших философов) не так давно выступал экспертом по делу группы преподавателей и аспирантов, сочинивших курс «подлинной» истории КПСС и получивших приличные сроки за создание антисоветской подпольной организации!

Однажды я читал лекцию о роли партии на известном московском заводе. Клуб огромный, а народу пришло мало. Причем, слушали невнимательно, переговаривались, демонстративно уходили во время лекции. Настроение у меня испортилось. Домой приехал злой. Рассказал о лекции за ужином. Ленка сказала, что я сам виноват. Надо уметь преподнести материал. А слушать у нас будут что угодно.

– В одном клубе объявили лекцию, – сказала она, – на тему «Партия и народ» Никто не пришел. Как быть? Спросили у Абрамовича. А, сказал Абрамович. Это – пустяк. Вешайте объявление: состоится лекция на тему «Три вида любви». Так и сделали. Народу пришло полный зал. Существует три вида любви, начал лекцию Абрамович. Первый вид – однополая любовь. Это нехорошо. И на эту тему говорить не стоит. Второй вид – любовь между представителями разных полов. Это вам хорошо известно. Так что об этом тоже не стоит говорить. Остается третий вид любви: это – любовь народа к родной партии. Вот об этой любви мы и поговорим подробнее.

Все захохотали, даже моя сверхртодоксальная теща. Но мне было нехорошо. Могу себе представить, сколько гадости было сказано читателями моих книжек по моему адресу! А что делать? Не могу же я им петь лекции под гитару, как Окуджава, Галич или Высоцкий!

О СОВЕСТИ

– Ты напрасно в Институте высказываешься о Солженицыне и Сахарове. Там и так ходит слух, что ты – их сторонник.

– Пусть ходит.

– Но ты же подводишь Отдел. Я тебя взял как друга...

– А я тебя как друга предупреждаю: не намерен скрывать свое отношение к упомянутым личностям. Так что принимай меры. Я ищу место, но это не так-то просто. Делай, что тебе велит твоя совесть.

– Ты же не маленький, должен же понять...

– И ты пойми. Мы – пожилые люди. Еще немного – и нас нет. Не успеешь оглянуться. Что мы скажем себе в последний час? А ведь с этой последней мыслью мы и уйдем в вечность.

– Меня это не пугает. Надеюсь, меня свалит insult или инфаркт. Или впаду в старческий маразм. Так что мне будет не до этого.

– Расчет верный. А я так не могу. Я живу с мыслью, что вот-вот наступит мой последний час. С фронта отвыкнуть не могу. Есть, должно быть, в человеке такая штуковина – совесть.

– Пошел ты со своей совестью в ж...у! Меня вызывают в ЦК. Знаешь, сколько «телег» на нас настрочили? Вам-то что! У вас совесть, видите ли! А у меня нет. Мне нужно бегать в дирекцию, из дирекции в ЦК, из ЦК в МК, из МК в МГК в Отделение.

– А ты плюнь, не бегай.

– Кто-то должен же бегать.

– Свято место не бывает пусто.

– Не бывает. Брошу я, придет подонок Васькин, и разгонит вас всех.

– Бог даст день, Бог даст пищу. Докторская нам не светит, а в Академию и подавно мы никогда не попадем.

Странно люди устроены! Что плохого в том, что я доктор? Что плохого, если меня выберут в член-коры? Я же больше добра людям сделаю!.. Так я думал, а где-то в самых глубоких закоулочках души шевелились другие мыслишки. Мол, вранье все это! Хочешь ты в член-коры попасть, и все тут! Да и как не хотеть! Положение. Почет. Квартира. Денежки. Распределитель закрытый. И все такое

прочее. Ладно, не так уж я плох. Другие и в этом себе боятся признаться. И все-таки для науки лучше, если выберут меня, а не какого-нибудь Васькина. А чем ты отличаешься от Васькина в качестве теоретика марксизма? Не больше, чем рязанский клоп от тульского. Не строй иллюзий. Относись к своей работе как ко всякой работе, дающей средства существования, но не вкладывай в нее душу. Овчинка выделки не стоит.

С некоторых пор существование Антона меня начинает раздражать. Чем-то мешает мне жить. Совесть? Что это такое? Совесть для человека не есть нечто безусловное, говорил Антон (опять он!). Это – всегда какой-то другой человек, а не он сам. Может быть поэтому у нас так панически боятся людей вроде Солженицына и Сахарова. Боятся обрести совесть, а не разоблачения. Разоблачение не мешает обычной жизни. Совесть мешает. Но с ней нельзя расстаться, если она в тебе когда-то зародилась. И я не могу расстаться с Антоном. Меня неудержимо тянет к нему. Я не могу прожить дня, не думая о нем. И вместе с тем, у меня нет более острого желания, чем желание расстаться с ним. Поносят диалектику, а без нее ни на шаг. Вот вам пример: либерализм немислим без своей противоположности – диссидентства, и наоборот. Противоположность либерализма у нас – не жесткий сталинизм, а именно диссидентство и оппозиция. Либерализм есть лишь смягченный сталинизм. Как видите, мы (либералы) и такое признать можем.

НАШИ ПАРАДОКСЫ

– Фамилия Щедров вам что-нибудь говорит, – спросил Виктор Иванович.

– Конечно, – ответили мы все.

– Так вот, – продолжал Виктор Иванович, – он начинал свою научную карьеру как марксист. Сначала он занимался изучением некоторых физических теорий. Сделал любопытные обобщения, обнаружившие сходство этих теорий с «Капиталом» К. Маркса. Ему сказали об этом и предложили проанализировать с этой точки зрения «Капитал». Он увлекся и сделал в высшей степени интересную диссертацию. Вполне марксистскую. Во всяком случае, в пользу марксизма. И что же? На защите провалили. Беспрецедентный случай: лучшую диссертацию за многие-многие годы (это признавали почти все) провалили. А сотни халтурных работ пропускали без звука. Что сделал Щедров? Плонул на марксизм, и те же самые проблемы

разработал затем без единой ссылки на классиков и марксистов вообще. Новая диссертация его явилась по-существу резкой критикой марксистской методологии. И что же? Диссертация проходит с блеском. Сейчас он в своей области фигура мирового класса. Он мог придать марксистской философии действительно научный вид. А его вытолкнули оттуда сразу же, как только почуяли его способности. В чем тут дело?

– Это тривиально, – сказал я. – Я давно знаю Щедрова. Лично он слишком резок и прямолинеен. Это вызвало раздражение. На защите он обхамил членов Ученого Совета, назвал их невеждами.

– А разве это не так, – сказал Виктор Иванович.

– Так, но есть же нормы этики. Потом сработала обычная зависть серости к таланту, страх (как бы чего не вышло!). А Щедрову это пошло на пользу. Он писал, что хотел, и печатал свободно.

– Тут не так-то просто, как Вы утверждаете, – сказал Эдик. – Зависть, раздражение и прочее, – все это разговоры для бедных. Щедрова вытолкнули из марксизма вполне законно, ибо марксизм не наука, а Щедров хотел в марксистской оболочке решать научные проблемы и научными методами. Интересно здесь, по-моему, другое. Христианство, как признавал сам Маркс, стремилось поставить себе на службу лучшие головы из народа. Марксизм в этом отношении прямо противоположен христианству. Именно лучшие головы он старается изгнать, а на службу себе поставить самые бездарные черепушки. Это – не гипотеза. Это – эмпирический факт, требующий теоретического объяснения. А вот вам и гипотеза: марксизм есть идеология самой посредственной части общества, для нее созданная и ею же созданная. Это – квинтэссенция серости. Скудная идеология. Не эстетичная. Идеология насильников и для насильников. И для насилуемых.

– Не могу с Вами согласиться, – говорю я. – Вы читали «Капитал»? А «Восемнадцатое брюмера»? А... (я перечислил целую серию прекрасных работ классиков). Разве они бездарны?

– Я не отвергаю того, что марксизм создали гении, – сказал Эдик. – Я лишь утверждаю то, что продукт их творчества, став великой идеологией, оказался при этом воплощением бездарности для бездарности, т.е. для подавляющего большинства населения Земли. Он так был задуман. И таким он удался.

– Так вот, – сказал Виктор Иванович. – Щедров добивается разрешения уехать на Запад с творческими целями. А это значит насовсем.

– Это нечто новое, – сказал Безымянный. – Мне казалось, что Растропович исключение. История с Щедровым, если ее раздуют, снимет до некоторой степени национально-еврейский налет с нашей эмиграции. А как он мотивизирует?

– Полная творческая изоляция.

– Если мне не изменяет память, так же мотивировал свой отъезд Неизвестный. Но поскольку он уехал как еврей, эта мотивировка осталась в тени.

– А Щедров разве не еврей?

– Черт знает что! Стоит русскому человеку добиться в чем-то индивидуального успеха, как его начинают подозревать в том, что он еврей. Вы слышали, конечно, о С...ом? Перед прошлыми выборами в Академию решили сократить число евреев. Кандидатура С...го всех устраивала (а кандидатуры, как известно, заранее намечаются в соответствующих отделах ЦК КГБ), но ходили слухи, что он еврей или по крайней мере полуеврей. В бумагах просмотрели – все в порядке: из крестьян Вологодской области. Но евреи они же хитрые! Вызвали С...го в соответствующее место выяснить, еврей он или нет. Он пришел. И когда его спросили об этом, он вынул член и положил на стол. А в комиссии, говорят, были женщины. Представляю, что там творилось. Все-таки выбрали. Но самое смешное во всей этой истории то, что он на самом деле оказался евреем: просто его прадед был крещен и стал крестьянином.

НИЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Как и Марксу, ничто человеческое мне не чуждо. И я размечтался. Вот изберут меня в член – коры. Потом – в академики, это уже не проблема. Потом – или в ЦК, на отдел, или в вице-президенты. Лучше в ЦК, оттуда больше шансов попасть в секретари по идеологии. А там – и на место этого чахоточного старпера рукой подать. Конечно, с этого места в генсеки еще никто не выходил, но можно создать прецедент. И это было бы верно. Должны же в конце-концов во главе страны стать настоящие ученые!

И меня понесло. Нужны радикальные реформы! Прежде всего, надо сделать более свободными поездки за границу. Любого выпустать, конечно, нельзя. Нужен отбор. Проверка. Надо надежных выпустать. Но с умом. А то вон сколько невозвращенцев! Репрессии надо, разумеется, отменить. Сказать, разумеется, надо. Но не кого попало. На законных основаниях. С открытым судом. С доказательст-

вами. С журналами надо порядок навести. Нельзя, конечно, разрешать печатать, что попало. Тут только волю дай. Таких журналов делают, что наш философский журнал и даже «Коммунист» никто читать не будет.

В самый разгар моей мысленной государственной деятельности зашла Ленка.

– Вот, послушай, – сказала она, – что сочинил тот самый наш мальчик... Называется «Мечта карьериста».

Не по микрофону ваши песни петь
И не императором на троне,
А хотел бы я в середке Там сидеть
На виду, на кумачово-алом фоне.
Чтобы за моей спиной Он
В белом мраморе стоял родимый.
Чтобы за столом с обех сторон
Соратники – кретины, подхалимы.
Чтобы впереди огромный зал
Ликовал в переизбытке счастья.
Чтобы пялил на меня глаза.
И вопил Ура и чтоб да здраст я.
Чтобы в гении из гениев меня
Возвели хапуги и подлизы.
И чтоб ни едина божья дня
Без меня не засветился телевизор.
Поголовно чтобы с раннего утра
Меня слушали с разинутыми ртами
И трудящиеся самых разных стран
Мой проезд усыпали цветами.
Чтобы в черном «ЗИЛе» за броней
Проносился с мощной телохраной.
И с Самим бы, с Ним ровня-ровней
Стал бы я. И лучше б, если рано.
Только в этом деле есть изъян:
Вдруг столкнутся и потихоньку скинут?!
Вдруг отыщется какой-нибудь смутьян
И испортит идеальную картину?!
Негодяй, кто на посту б меня сместил,
Обвинил б меня во всем, конечно.
И среди бесчисленных могил
Затерялся б я бесследно и навечно.
Так уж лучше...

– Хватит, – оборвал ее я. – Выпороть твоего мальчика надо и отправить на БАМ, чтобы жизни понюхал.

– А это разве не о жизни? Жизнь-то всякая бывает. Не обязательно на БАМе. Ну, уж если ты хочешь о БАМе, так ты получишь!

– Избави боже! Оставь меня в покое. Мне работать надо.

КОНЕЦ ЭПОХИ

Теперь я сам почувствовал, что эпоха либерализма окончилась. Скоро, надо думать, она закончится и для меня. Когда? В какой форме? Надо во что бы то ни стало пробиться в член-коры. Иначе потом только вниз. И все то, что мы сделали, пойдет прахом. И ребят разгонят. Надо сопротивляться. И как Антон не может понять, что это нужно не столько лично для меня, сколько для дела. Ведь и он эти годы мог мало-мальски терпимо существовать только благодаря нам, либералам. Раздавят нас, и им (таким, как Антон) будет хуже. Их тогда совсем испепелят. Обвинять нас в корыстолюбии и тщеславии – пустяк. Но ведь у нас иначе нельзя!!! Если хочешь сделать доброе дело, и при этом остаешься без чинов, званий, известности, материальных благ, то ничего не сделаешь. Хочешь добра обществу, добивайся благ лично для себя. Но определенным способом добивайся. И мы, либералы, инстинктивно поступали правильно, – не было другого способа поведения вообще. И чем шире и выше пробились бы мы к власти, чем больше захапали бы мы материальных и духовных ценностей, тем сильнее было бы наше влияние на общество. И тем больше мы принесли бы добра. Я не отвергаю таких бессеребренников, как Антон. Я готов молиться на них. Но они возможны лишь постольку, поскольку есть мы. И их влияние на общество возможно лишь постольку, поскольку есть наше влияние. По многим линиям так: и с точки зрения их выживания, и с точки зрения восприятия их идей. Они объективно суть лишь отростки (пусть – вершины) либерализма, и ничуть не больше. А изображают из себя существа особой высшей породы. Положить бы на чашу весов содеянное ими и содеянное нами... Впрочем, зачем такое противопоставление? И в этом не мы виноваты. Это мы, говоря «мы», включали сюда и таких, как Антон. А они всегда и всячески отделяли себя от нас.

Сегодня на дирекции обсуждали план нашей работы. В общем одобрили и похвалили. А потом по деталям разгромили до основания. В общем, предложили готовить комментарии и иллюстрации к гениаль-

ному докладу нашего сворхгениального маразматика. То же мне гений нашелся! Я же помню, какие он песенки пел вначале: ты, мол, мне напиши что-нибудь попроще и покороче, я же не теоретик и не вождь, а простой партийный чиновник... А теперь... Антон как-то подсчитал число ссылок на Сталина в самом подхалимском номере философского журнала при Сталине и число ссылок на теперешнего вождя в одном из среднеподхалимских номеров того же журнала. Сталин при таком сравнении выглядит скромником. В разделе о критике и самокритике мы собирались разобрать вопрос о наших диссидентах. Нам приказали превратить это от разбор в критику идеологических диверсий. Обещали организовать помощь материалами со стороны КГБ. Еврейский вопрос предложили изложить в форме критики международного сионизма. И в таком духе прошлись буквально по всем пунктам плана. И в заключение изменили состав редколлегии. Поскольку Васькина назначили проректором ВПШ, он, сославшись на занятость, попросил вывести его из состава редколлегии. Это, конечно, ход с определенными замыслами: освободить руки на потом. Все мы числимся в бесчисленных советах, комиссиях, редколлегиях, но на нашу занятость это никак не влияет.

Потом позвонил Корытов из ЦК и попросил зайти к нему завтра для очень серьезного разговора. Догадываюсь, о чем пойдет речь. Опять корыстолюбивому стяжателю либералу придется изворачиваться. А ради чего? Что мне стоит заложить и Антона, и прочих ему подобных бескорыстных, мужественных и т.п. борцов (за что?)?! И жить спокойно. Совесть не позволяет? Да мало ли что не позволяет! Совесть. Глупость. Страх. Желание иметь прикрытие (чтобы самому не выглядеть опасным, – есть и такая точка зрения!). Не все ли равно. Важен результат. А много ли достиг бы радикал из радикалов Солженицын, если бы не те же либеральные «мы». Теперь-то пост-фактум нас можно поносить. А что не поносил раньше? О, Господи, как все это надоело!

ДЕЛО

– Что нового?

– Опять затяжка. Нашли типографию. Но она, кажется, ненадежна. Договариваются с другой. У меня такое ощущение, будто меня кто-то водит умело за нос.

– Ерунда. Мы все стали немножко сумасшедшими. Это же хорошо, что они нашли более надежную типографию.

– Время упустили. Представляешь, как книга пошла бы перед съездом! Они же, идиоты, на ней здорово заработали бы. И, понимаешь, я определенно чувствую, что за мной смотрят в оба. Неужели Они пронюхали? Как? Я же никого не посвятил в свою писанину, кроме Наташи. Даже ты не знал.

– Возьми себя в руки. Так можно совсем свихнуться. Потерпи немного. Кстати, вот телефончик. Позвони. Скажешь, от меня. Отличное место. Спокойное. Не бей лежачего. И главное – вдали от идеологии.

ПРОБЛЕМА ДОНОСА

Мы смотрим передачу «Клуб кинопутешествий», – небольшое из того, что можно смотреть по нашему телевидению. Сашка с Антоном ведут между прочим довольно странный разговор.

– А как Вы попались? Донос?

– Тут не так-то просто, Саша. Это теперь мы оцениваем такого рода вещи как донос. А тогда это не был донос. Это было проявление честности, как мы ее тогда понимали.

– Хорошенькая честность!

– Не судите, да не судимы будете.

– Странно, очень странно!

– Ничего странного. Мы – я и мой самый близкий друг – тогда оба были членами партии (я ведь тоже был в партии с двадцати двух лет!). И хотя многое знали о реальности сталинизма и многое порицали, но в целом-то мы были самыми настоящими сталинцами. Если бы кто в нашей части пикнул о Сталине плохое слово, мы без Особого отдела сами разорвали бы его в клочья.

– А что же произошло?

– Я съездил в отпуск к родителям, посмотрелся, взбесился, вспомнил знаменитый сталинский тост за русский народ и написал то злополучное стихотворение. Прочитал его своему другу. И вместо Военной Академии я очутился в лагере.

– Это же подость! Я вы Вашему «другу» морду набил.

– Был у меня такой период, когда я мечтал об этом. Но когда меня выпустили, я ему спасибо сказал. Кто бы я был, если бы не та история? Отставной полковник. В лучшем случае – генералишко. А так я научился понимать и ценить жизнь. Это больше, чем быть маршалом.

– Вы могли измениться и без лагеря.

– Когда? До смерти Сталина – не мог. После – очень многие изменились. И мой друг изменился. Но это уже не то. Это перемены не принципиальные.

– А Григоренко?

– Этот вариант не для меня. Я не правдоборец по частным делам. К тому же теперь это нельзя доказать и нельзя опровергнуть. В лагере, во всяком случае, я очень мало видел людей, мировоззрение которых изменилось бы существенным образом. С чем приходили, с тем и уходили. Правда, я сидел в сравнительно благоприятных условиях. Лет пять в конторе работал. В тепле и сухости по крайней мере. Подружился я там с одним заядлым антисталинистом. Вот в ожесточенных спорах с ним я и начал кое-что соображать. Человеку самому по себе трудно постичь истину. Нужен собеседник, друг или враг – не имеет значения, лишь бы не равнодушный.

– А где тот антисталинист?

– Его угнали в другой лагерь. А там после смерти Сталина была заварушка, что-то вроде восстания. Хотя я сомневаюсь в этом, думаю, что была провокация. Слух такой ходил. Так этот лагерь снесли с лица земли (с людьми, конечно) с помощью авиации. Мои коллеги-штурмовики постарались. Не попал бы я в лагерь, может быть стал бы командиром этого самого полка, который уничтожил лагерь.

– Какой кошмар, – сказала Ленка, молчавшая в уголке дивана в течение всей этой беседы. – Какое ужасное время! Какие чудовищные люди! Невозможно поверить! И все равно, дядя Антон, Ваш друг – типичный подлец. Предатель и доносчик. Именно такие мерзавцы были и теперь являются оплотом сталинизма.

– А что такое донос, – спросил Сашка.

– Вопрос простой, – сказал Антон, – а ответить на него трудно. Меня вот больше десяти раз вызывали в соответствующие органы и заставляли писать разного рода объяснительные записки. Заставляли подписывать бумажки о неразглашении. И я писал. И подписывал. Никого я не заложил, совесть моя была чиста. Но только недавно я понял, что эти записки и подписи суть форма сотрудничества с КГБ. А я не встречал ни одного человека, который бы оценивал это именно так. Теперь, на старости лет, когда меня уже никуда вызывать не будут (если что – будут просто судить, арестуют), я допер до этой тривиальной истины. Дело в том, что система доноса была нормальной формой организации жизни. Как и теперь, между прочим. И такой пустяк, как подписка о неразглашении, даже не воспринимается как нечто безнравственное. Тем более в нашем обществе

нравственное сознание отмерло в полном соответствии с предсказаниями классиков.

ПОДАРОК

У Димы день рождения. Что подарить? Эта проблема не давала нам с Тамуркой покоя целую неделю. И сблизила нас. Общие трудности... Наконец, мы решили купить в букинистическом итальянский альбом какого-нибудь официально порицаемого художника вроде Шагала, Кандинского, Пикассо, Магрита и т.п. Кстати, Анюта не так давно (в либеральные времена!) выпустила книжонку, в которой она понесла их всех. Книжка имела бешеный успех. Во-первых, это была книжка о запрещенных модернистах. Во-вторых, в ней поместили много иллюстраций с картин модернистов. А ругала она их для отвода глаз. Иначе не напечатали бы. Антон говорил, что книжка – типичная мразь.

– Шаг вперед? В чем? В том, что раньше их просто замалчивали или почитали наряду с врагами народа, а теперь решили ругать?

– Но ведь разрешили же и кое-что положительное сказать, – возражал Дима.

– Именно разрешили, а не сами завоевали, – говорил Антон.

– Но позвольте, – вмешался я в спор. – Что значит: разрешили, завоевали? Взять, хотя бы Анютину книжку. В «разрешении» ее принимало участие большое число лиц различного ранга и положения, с различными убеждениями и вкусами. Ты же сам говорил, что разоблачение Сталина не есть просто дело одного человека или группы лиц. Что это – социальное явление. А тут? Разве не то же самое?

– Я понимаю, – говорил Антон, – что ты хочешь сказать. А я о другом, я о самой сути нашего прогресса и о нас самих как его носителях. Раз это – общественное явление, то мы сами Им подыгрываем. В этом есть доля и нашей доброй воли. Анюта могла написать книжечку и посмелее. И драться за нее. Написал же Лебедев. И пробил. А Анюта пошла на компромисс: марка издательства, тираж, гонорар, гарантия положительной рецензии. А книгу Лебедева замолчали. И гонорара он не получил, – попросили отказаться.

Вот так мы тогда ругались. Впрочем, без всякой злобы. Много ли лет прошло, а книжечку Анюты начинают поругивать. Представляю, как ее разнесут, если Дима подаст документы на отъезд. А о Лебедеве опять ни слова. Тоже весьма интересное явление. Книга Анюты

вполне марксистская. Лебедевская же к марксизму никакого отношения не имеет. Без единой ссылки на классиков. Книга действительно прекрасная. Удивительно, как ее пропустили. Ее сразу издали на Западе на нескольких языках. Рецензий было там на нее полно. Ссылки до сих пор идут. А у нас – ни звука. Как будто ее и не было. А заимствования из Лебедева можно обнаружить даже у наших общих друзей. То, что она проскочила в свое время, – характерный признак эпохи. Это «мы» сделали, либералы. Я же знаю всю подноготную, сам писал закрытую рецензию, в которой признал, что идеологических ошибок, враждебных нам, в ней нет. И то, что ее замалчивали, тоже характерный признак эпохи. О книге Анюты много говорили. Рецензировали. Ссылались на нее. О книге Лебедева помалкивали. Причем – те же самые «мы». Знали, что книга Лебедева неизмеримо выше книги Анюты. Знали, что она – серьезное явление в международном масштабе. И именно поэтому помалкивали. И теперь будут замалчивать. Раскритиковать Лебедева трудно. Любая критика в его пользу: привлекается внимание. Ликвидировать его не так-то просто: мировая известность. Антон писал рецензии на Лебедева – не пропускали. Каюсь, я и сам как член редколлегии философского журнала зарубил одну такую рецензию на Лебедева и советовал вычеркнуть ссылки на него в какой-то статье. Сейчас уж не помню, как я обосновал это для себя и других. Может быть Антон действительно прав: мы, либералы, сделали миллионы маленьких дел и делишек, определивших общий примитивно низкий уровень прошедшей либеральной эпохи и ускоривших ее конец. Мы сами поставили непреодолимые препятствия своим претензиям.

Мы зашли в букинистический на улице Горького, составили список имеющихся там западных книг о крамольных художниках (а торгуют ими вовсю – выгодно!), перечислили их Диме и спросили, что он хотел бы иметь (ничего себе, сюрприз!). Дима не колеблясь заказал Сальватора Дали, – самую дорогую книжку.

– А ты знаешь, сколько она стоит, – спросила Тамара.

– Ничего, – сказал Дима, – не обедняете. У меня день рождения только раз в году.

Недалеко от нашего дома мы увидели Пьяную старуху.

– Гляди, – толкнула меня Тамурка. – Какой кошмар. Пропивает, небось, все до копейки. Представляю, иметь такую мамочку или свекровь!

– Несчастное существо.

– Не будь наивным. Знаешь, сколько она заколачивает на этом тряпье?!

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

– Так тебя утвердили, – сказал Дима. – Прекрасно! Повезешь мое письмо. Обыскивать вас не будут. Опустить там в почтовый ящик, и все.

– Подведешь ты меня под монастырь, – говорю я.

Письмо мне везти не хочется почему-то, но чувствую, что придется. Просто неудобно перед Димой, Антоном. И даже перед Тамарой, которая считает меня трусом.

– Ладно, – говорю я. – А что за письмо?

– Видишь ли, какое дело, – говорит Дима. – Сейчас по официальной почте получить приглашение из Израиля не так-то просто. Не пропускают письма. А в ОВИРе принимают только приглашения, полученные по почте. Вот я и задумал такую комбинацию. Пусть мне из Израиля пришлют несколько писем с подходящим конвертом (хотя бы одно дойдет). Любого содержания. Пусть пишут, что в Израиле плохо, пусть не советуют уезжать отсюда. А приглашение привезешь ты.

У меня; очевидно, стало такое выражение лица, что все захохотали.

– Да ты не бойся, – сказал Дима. – Пока ты будешь отстаивать чистоту марксизма и цитировать нашего вождя, все будет сделано наилучшим образом. Главное – опусти письмо. А приглашение тебе передадут так, что комар носа не подточит. Какой-нибудь просоветски настроенный западный марксист подарит тебе отписки своих статей. Или что-нибудь другое.

– Ну и дела, – сказал я. – А ты, Антон, какое мне поручение даешь? Провезти твою статью, разоблачающую пороки советского общества? Или целую книгу?

– К сожалению, – сказал Антон, – я пока не сделал ничего стоящего. Но к следующей поездке...

– Следующей поездки не будет, – сказал я. – Эта последняя. Так что уж давай, что есть.

– Не торопись, – сказал Антон. – Еще не все потеряно. Некоторые шансы проскочить в член-коры у тебя есть. Придраться к тебе пока не к чему. Канарейкину ты нужен дозарезу, а он пока в силе. У него у самого скоро дела пойдут на спад, и он будет всячески тебя проталкивать как своего человека. Васькина не любят. Слишком уж он гнусен. Время его приближается, но еще не наступило в полную силу. Остальные конкуренты не в счет.

– Как сказать, – тихо заметила Наташа. – В таких ситуациях обычно вылезает самая незаметная серенькая безобидная личность.

– Наташка права, – сказал Дима. – Но шансы у тебя пока еще есть. Очень здорово, что у тебя в «Коммунисте» статья выходит.

– Ерунда, – говорю я. – Самая пустяковая холуйская и прохиндейская заметка.

– Не имеет значения содержание, – говорит Антон. – Важен сам факт публикации.

– А тебе-то от этого что, – говорит Тамара.

– Хочу, чтобы твой супруг стал академиком, – говорит Антон. – Во-первых; это мне выгодно. Защита. Потом – повезет мою крамольную книжку на Запад. А во-вторых, я же его все равно люблю. Ему приятно стать академиком. И мне это приятно.

Потом мы говорим о дефиците продуктов питания, о повышении цен, о глупостях нашей политики в Африке, о готовящемся процессе над Караваевым, о последних выступлениях Солженицына и т.п.

– Скажи, – спрашиваю я Диму, – ты окончательно решил? Но почему? Ты же тут отлично устроен. Квартира. Дача. Машина. Работа – не бей лежачего. Чего тебе еще нужно? Ты же не так уж молод, чтобы рассчитывать на что-то...

– Ты знаешь, что такое чудо-юдо, – спросил Дима. – Это – еврейский мальчик, принятый на мехмат МГУ в этом году. У меня ребята подрастают. Я не хочу потом думать, что если они не добьются успеха, то это из-за пятого пункта в анкете. Но между нами говоря, главное не в этом. Это – пустяк. Просто для меня дальнейшая жизнь здесь стала лично оскорбительной. И вовсе не потому, что я еврей, а потому, что я так и не смог стать до конца советским человеком. А раз возможность есть, почему бы не рискнуть? И кстати, еврейский вопрос в Советском Союзе основательно искажен. Никто не заинтересован, чтобы суть его стала ясной. Евреи заинтересованы в том, чтобы выглядеть просто гонимыми за то, что они евреи, т.е. быть просто жертвами антисемитизма. Выгоды от этого для них и на Западе и тут очевидны. Провалился парень на экзаменах из-за отсутствия способностей и знаний – еврей! Назначили на пост Иванова, а не Абрамовича – еврей! Знаете анекдот о том, как заика объяснял свой провал на конкурсе дикторов телевидения тем, что он – еврей? В этом большая доля истины. И власти наши заинтересованы в том, чтобы обсуждение еврейской проблемы не шло глубже вопроса о наличии или отсутствии антисемитизма. Они имеют в своем распоряжении мощные средства борьбы с обвинениями

в антисемитизме. О каком антисемитизме может идти речь у нас? Возьмите Академию Наук. Что ни физик или математик, то еврей. Возьмите кино, музыку, медицину, литературу... А между тем тут имеются две очень важные и глубокие проблемы, о которых все дружно помалкивают. Первая проблема – естественный процесс жизни, в котором малочисленный народ теряет былые преимущества и все более подпадает под действие общих законов советской жизни. Что я имею в виду? Сколько раньше было ученых, кафедр, профессоров, секторов, институтов, ансамблей, музыкантов, юристов и т.п.? А теперь? Милые мои, евреев просто численно уже не хватает, чтобы сохранить прежнее влияние и реализовать традиционно еврейскую солидарность. К тому же гигантская армия народов России поставляет уже достаточно большое число способных и образованных людей, успешно конкурирующих с евреями. Пусть процент таких людей не велик. Но абсолютная масса их огромна. И даже если еврейское население не ассимилируется прочей массой населения России за счет смешанных браков (между прочим, их очень мало; и вообще смешанные браки редкость; народы перемешиваются, но главным образом – путем перемешивания в пространстве и разрыва многих старых национальных связей), еврейское население ожидает весьма печальная перспектива: завести со временем такой же образ жизни, какой ведет в среднем русское население. А на этот естественный процесс накладывается другой – чисто социальный. Это – вторая проблема. Дело в том, что благодаря своей национальной солидарности евреи образовали в советском обществе множество неофициальных организаций, фактически противостоявших государственно-партийным организациям. И эта солидарность охватила значительную часть русского населения, в особенности – интеллигенцию. Вы же знаете, русский народ как великий народ не склонен к национальной солидарности такого рода, как еврейская. Скорее, наоборот, он склонен к национальной разобщенности, к взаимной неприязни, к взаимоотталкиванию. Качество, очень удобное для советского строя жизни. Стремление русской интеллигенции к объединению, зародившееся в прошедшую либеральную эпоху, реализовалось, что вполне естественно, через сложившуюся уже еврейскую общность. Любопытно, что именно космополитичные по идее евреи стали играть активную роль патриотов русской культуры, а русские интеллигенты в значительной части проявили космополитические тенденции, – факт в пользу того тезиса, что тут сложилась проблема чисто социальная. Лишь в силу исторических условий эта проблема приобрела характер

еврейской. Иначе говоря, тенденция либеральной советской интеллигенции к консолидации приняла форму еврейской проблемы. Ничего нет удивительного в том, что и крайнее проявление либеральных тенденций этой эпохи – диссидентство – приняло те же очертания. В результате никогда не прекращавшаяся борьба властей просто против диссидентов, оппозиционеров, недовольных и т.п., естественно, против питающей и охраняющей их либеральной среды превратилась в борьбу против евреев. Советский антисемитизм, дорогие мои, есть прежде всего борьба советских властей против социальной оппозиции, бьющая как следствие по еврейскому населению более явным образом, чем по русской интеллигенции. Это в перспективе более опасный враг коммунизма, чем евреи. Евреи в общем-то народ глубоко коммунистический.

Потом мы начали спорить об антисемитизме в населении. Некоторая ясность, наступившая после речи Димы, была утрачена. Мы переругались. Потом помирились. Потом выпили за то, чтобы Они все сдохли. Потом за то, чтобы ИМ БЫЛО ХУЖЕ.

По дороге домой Антон сказал, что у нас много важных проблем, которые мы неспособны решить из-за нежелания добиваться крайней откровенности. Вот, например, в еврейской проблеме у нас есть такие аспекты, о которых все стыдливо умалчивают по тем или иным соображениям. Между прочим и в идеологии бывает так. Попробуй, скажи в среде наших оппозиционеров, что марксизм – серьезная штука. Засмеют! Попробуй, скажи там, что тебе не нравится Солженицын как писатель. Заклеймят!

– Неужели Димка уедет, – сказал я. – Жаль. Очень жаль. Круг близких людей катастрофически сокращается.

Дома Ленка, зайдя поцеловать меня на сон грядущий, спросила между прочим, что такое интернационализм. Я начал было объяснять. Но она махнула рукой.

– Ерунда это все. Устарело. Интернационализм – это когда русский, грузин, украинец, чуваш, узбек и прочие собираются вместе и идут бить евреев.

ОПЯТЬ ЛЕНКА

Ленка прибежала из школы, закинула портфель в свою комнату и; не поздоровавшись, выпалила стихотворение.

Когда коварный враг напал,
Он стал без войска генерал.

Когда врага с трудом разбили,
Его не то, чтобы забыли,
А возвеличили, но так,
Что он в глуши развел бардак.
Но вот однажды невзначай
Счастливый пал ему случай:
Рука родного палача
Коснулась и его плеча.
Потом он был и так, и сяк.
По мнению всех – ничто, серяк.
Потом, минуточку улуча,
Спихнул другого трепача.
Взмахнув руками после драки,
О подвигах придумав враки,
Потом, раздув их вдвое, втрое,
Стал десятирежды Героем.
Подвыпив, сытно отобедав,
Побил голодного соседа.
Другого в преизбытке сил,
Трясаясь от страха, раздавил.
Потом арабов замутил.
Потом на Запад укатил,
Потом... Короче говоря,
Не тратил времени зазря.
За длинной речью речь читал.
И ни хера не понимал.
И вопреки постановлению
Прославлен величайшим гением.

– Отгадайте, кто это такой?

Тамурка закатила истерику. Теща пожалала плечами и, увеличив громкость телевизора, продолжала смотреть хоккей. Я кричал о том, что с этим пора кончать что она нас подведет под монастырь. Но с Ленки, как с гуся вода.

– О, оказывается, вы у меня кое-что соображаете. Молодцы! Догадались-таки. А наша завуч не догадалась. Требуется от нас, чтобы мы выдали автора и сказали кого он имел в виду. Редкостная дура!

– Узнают автора и выгонят из школы.

– Не узнают! Никто же не знает, кто автор.

Ленка ушла к себе. Мы еще некоторое время поругали нынешнюю молодежь. Потом Тамурка (надо отдать ей должное, она быстро

отходит) сказала, что это пройдет скоро. Сейчас все школьники такие зубастые. А как поступят в институт сразу за ум берутся.

АГАФОНОВ

Вопрос о законах делания карьеры в нашем обществе еще совершенно не изучен. Я давно присматриваюсь к этому. Сам считаюсь карьеристом. Но до сих пор не могу разобраться в тонкостях дела. По всей вероятности я не обладаю способностями настоящего карьериста.

Вот Еропкин, Владилен Макарович. Его отец – мелкий купчишка где-то в Сибири. Быстро приспособился к советской власти. Сыну дал самое революционное имя: «Владилен» – сокращение от Владимир Ленин. Стал видным чекистом. И даже не был расстрелян. Еропкин приехал к нам в институт в аспирантуру, оставив дома жену и двоих детей. Здесь он познакомился с дочкой Митрофана Лукича, на редкость некрасивой и глупой аспиранткой нашего сектора (по имени Эльвира). Митрофан Лукич начал тогда свой взлет на вершины власти. Еропкин охмурил завидную девицу, бросил старую жену с детьми (цинично сказав потом на свадьбе, что наука требует жертв) и женился на Эльвире. Через два года он стал доктором, через год – членом редколлегии и заведующим отделом в партийном журнале, еще через год – член-кором и еще через год – директором партийного института. Теперь ему прямая дорога в академики. Это – карьера по всем законам советского образа жизни. Я такую карьеру сделать не смог бы: я недостаточно сер и безобразен, чтобы на меня клюнула Эльвира, и Митрофан Лукич не почувствовал бы во мне родственную душу и не возлюбил бы меня, как это он сделал в отношении Европкина. Тут все ясно. И у меня никаких претензий к Еропкину нет.

Но вот Агафонов спутал все мои представления о советском карьеристе. Парень не красавец, но довольно приятный на вид. Нельзя сказать, что талантлив, но и не глуп. Не прочь выпить. Не злой. Добродушный. Ленивый. Сонный какой-то. И никаких родственных связей. Никто ему не покровительствовал в том духе, как мне Канарейкин. Напечатал пару популярнейших книжонок по философии (учебники философии для домохозяек и умственно неполноценных, как о них говорили даже такие выдающиеся дегенераты, как Канарейкин и Петин). И однако попер в гору. Ни с того, ни с сего. Вдруг включили в редколлегию одного видного журнала, дали

кафедру, сделали редактором, избрали в член-коры. И все это на моих глазах. Я уже был одним из известнейших теоретиков марксизма, а он – никому не известное ничтожество. И без всякого усилия обошел меня. И наверняка еще не достиг предела. В чем же дело? Антон говорит, что Агафонов признанно бездарный человек, потому не опасен, а я в представлении наших верхов считаюсь талантом, и потому – опасным человеком. Но это не объяснение.

Хотя я помогал Агафонову проталкивать его первые паршивые статейки и редактировал их, у нас сохранились прекрасные личные отношения. Мысль о том, чтобы сделать хорошую рецензию на мою книгу в его газете, мне пришла в голову давно. Но я не торопился с ее реализацией, так как особой надобности не было. В сложившейся ситуации упускать такую возможность было просто глупо. И я позвонил Агафонову. Вечером мы с Тамуркой поехали к ним на новую квартиру в одном из роскошных цековских домов в центре (в Царское Село Агафоновы ехать не захотели). Я знал, что от вида гигантской квартиры Агафоновых (холл больше двадцати метров, кухня тоже за двадцать, кабинет тридцать метров!!) у Тамурки настроение будет испорчено на неделю, но интересы дела требовали жертв. Вечер прошел как обычно у Агафоновых: много ели и пили, лениво сплетничали, тупо смотрели цветной телевизор, молчали. Агафонов к идее рецензии отнесся совершенно спокойно. Рецензию я пишу сам, а Агафонов подумает, кому дать подписать. Самому ему нельзя. Теперь без санкции ЦК он выступать публично не имеет права. Я предложил поговорить с Еропкиным. Агафонов сказал, что это хорошая идея. А если Еропкин не согласится, то подпишет... В общем, это не проблема.

ПРОГРЕСС

После реконструкции площадь Космонавтов стала очень красивой. У подножия букв разбили клумбы с цветами. В самом центре построили огромный мозаичный портрет Ильича с поднятой рукой, прищуренным глазом и в кепочке. По вечерам портрет то загорался, то потухал. Причем, очень эффектно. В последнюю очередь загорался глаз. Некоторое время глаз подмигивал заговорщицки и потухал. Вслед за ним последовательно (от центра к периферии) потухал весь портрет. Под портретом Ильича установили (тоже на бетонном основании) стационарные металлические матрицы, в которые в праздничные дни вставляются портреты членов и кандидатов в члены

Политбюро. Буквы лозунга заменили титановыми, поскольку нержавеющей сталь почему-то сначала почернела, а потом покрылась бурыми пятнами. Говорят, что на этом кто-то поднажился, подсунув вместо нержавеющей стали обычную жель. Но от этого лозунг только выиграл. Его стали показывать иностранцам наряду с образцово-показательными колхозом «Борец», совхозом «Вперед», заводом «Луч» и зверофермой норковых шуб «Зима».

МЕЧТА КАРЬЕРИСТА ПОМЕНЬШЕ

Ленка опять притащила стихотворение своего приятеля. Я решил, что оно – про меня, и обиделся. Но Ленка поклялась, что оно не про меня, а про Васькина, что ко мне как раз все относится хорошо, потому что я добрый, а Васькин злой, и что это чувствуется в наших книжках. Я сказал, что я действительно слишком добрый, а вот ее приятель – злой и даже ядовитый щенок. Какой же хороший человек напишет такое:

Мне душонку лишь одна сжигает страсть
Не припомню даже, с коих давних пор:
Жажду-стражду в академики попасть:
И согласен для начала на «член-кор».
Не скрываю, академиком зазря
Привилегий всяких кучу отхвачу.
Но не ради них, по чести говоря,
В академики я сызмальства хочу.
Я мечтаю хоть бы в жизни раз один
Ощутить в чужих глазах немой вопрос:
Как же этакий подонок и кретин
До высот таких немислимых дорос?

Теща сказала, что у Ленкиного приятеля по литературе наверняка не больше тройки. Во всяком случае она ему больше тройки не поставила бы. Ленка сказала, что участь всех великих поэтов трагична: при жизни им ставят тройки и даже двойки, а после смерти заставляют долбить как образцы для отличников. Тамурка сказала, что стихи ей нравятся, что про нашу дерьмовую жизнь и стихи надо такие же дерьмушные. Сашка сказал, что в стихах Ленкиного приятеля есть изюминка, так что со временем из него выйдет поэт не хуже Галича. А что касается меня, то академиком мне не быть (сказал Сашка), так как я отношусь ко всей своей деятельности без внутренней серьезности, без партийно-казенного трепета. И это чувст-

вуется во всем. И не нравится, конечно. В заключение своей речи он загнул такое, что мне стало даже страшновато. Он сказал, что мое положение в советской марксистской элите подобно положению адмирала Канариса в бандитской шайке Гитлера. Тамурка сказала, что Сашка хватил слишком высоко, что тут напрашивается скорее сравнение с домом терпимости, в котором одна проститутка отличается от прочих тем, что собирается завести честную здоровую семью. Я сказал, что это не остроумно. Тамурка сказала, что в новом издании собрания сочинений нашего вождя собирались слово «проститутка», которое наш вождь любил употреблять, записать так: п.....а», и сделать примечание: «блядь». Но потом решили держаться ближе к оригиналу. Ленка спросила, когда же в конце концов напечатают его сочинения полностью. Тамурка сказала, что тогда на титуле надо будет написать: «Детям до шестнадцати лет читать запрещается».

РОГОЗИН

«Голоса» (так называют западные радиостанции, ведущие передачи на русском языке для Советского Союза) передали, что Рогозин уезжает по приглашению из Израиля. Хотя случаи отъезда русских деятелей культуры по таким приглашениям уже имели место, но они так или иначе были оправданы: то русский интеллигент оказывался по крайней мере наполовину евреем, то жена оказывалась еврейкой. Тут же случай чистый. Рогозин не скрывал, что его еврейское родство – липа. В какой-то инстанции на вопрос о том, какова фамилия пригласившего его родственника, вытащил из кармана мятую бумажку и по складам прочитал незнакомое слово. Когда его спросили, кто же – мужчина или женщина, он ответил, что не знает, а из написания фамилии установить нельзя.

Я хорошо помню Рогозина. Он начинал учиться на нашем факультете. Выгнали его за знаменитое (в то время и в наших кругах) выступление на защите докторской диссертации Кадилова. Кадилов тогда возглавлял кампанию по борьбе с космополитизмом на факультете. А диссертацию он накатал о вкладе Ленина в марксистскую теорию познания. Целую главу он посвятил логическим воззрениям Ленина. Защита шла как положено идти защите такого ранга. Официальные оппоненты превознесли Кадилова до небес. Неофициальные оппоненты (особенно те, кого Кадилов травил как космополитов) ползали перед ним на пузе. И вдруг неожиданно вылез

Рогозин. И выпалил нечто такое, что Кадилов потом на некоторое время лишился дара речи. Рогозин сказал примерно следующее. Классики марксизма, а Ленин в особенности, были полными невеждами в области логики. Они не были знакомы даже в минимальной степени с современным им состоянием логики. Их логические суждения – лишь факт из их биографии. Для логики они никакого позитивного значения не имеют. Если не хотите делать их посмешищем, лучше помалкивайте о их высказываниях на темы логики. Вот, например,... И Рогозин спокойно (почему-то его не согнали с трибуны) разобрал все логические высказывания Ленина (а их немного). Да так, что нелепость их выявилась с полной очевидностью.

С факультета Рогозина убрали, но не посадили. Ему даже разрешили сдавать на мехмат (фронтовик, способный парень, русский, из крестьян). Судьба Рогозина в данном случае – одна из первых ласточек наступавшей либеральной эпохи. Его последующий взлет – характерное проявление этой либеральной эпохи. А его отъезд – тоже характерное явление, связанное с ее окончанием.

Где теперь диссертация Кадилова? Где результаты «гениальных» ленинских идей в логике? Сотни людей до и после говорили о величайшем значении этих идей для мировой логики. В чем оно сказалось? А Рогозин (это признают даже у нас) сделал действительно серьезный вклад в науку. И вот он уезжает. И отныне имя его никогда нигде не будет упомянуто на его родине. Его открытия разворуют по мелочам, испохабят. И признают их здесь лет через двадцать, когда они придут к нам с Запада, как открытия Джона, Ганса, Жоржа и т.п. Если, конечно, Запад уцелеет к тому времени.

Я смотрю, как Пьяная старуха во дворе грузит свою тележку, и слушаю «Голоса». Рассказали о последнем выступлении Солженицына. Потом передали комментарии по этому поводу одного из «братьев-марксистов» (как у нас называют Медведевых). Он, конечно, не согласен. И было бы странно, если бы был согласен. Впрочем сам Солженицын мало с кем согласен. Наша русская нетерпимость друг к другу – вот главное зло всего нашего либерального движения, всей нашей оппозиции. Пьяная старуха перевязала веревкой коробки, чтобы они не разваливались, подняла цепь и на некоторое время замерла. Потом она медленно оглядела окна нашего дома и потащила тележку. На мгновение у меня мелькнула мысль выбежать и дать ей десятку. Но пока я колебался, старуха исчезла.

Потом я встречался с Рогозиным в редколлегии нашего журнала. Мы устроили «круглый стол» на тему «психическое, физиологическое,

логическое». Пригласили видных специалистов. Рогозин тогда был в почете. Мы пригласили и его как уникального специалиста, разрабатывающего математические методы для исследования поведения социальных индивидов. Все говорили очень умные и передовые фразы, но очень обычные и ни к чему не обязывающие. Рогозин выступил блистательно (он вообще был известен как замечательный оратор). Но то, что он говорил, печатать в нашем журнале было невозможно даже в то сверхлиберальное время. И мы опубликовали материалы «крулого стола», даже не упомянув имя Рогозина. Когда на редколлегии принимали решение исключить выступление Рогозина и возникшую в связи с ним дискуссию (т.е. самую интересную часть), я голосовал как все: исключить. Что посеешь, то и пожнешь. Теперь я на своей шкуре ощущаю последствия миллионов такого рода поступков, совершенных «нами». Но могли ли мы их не совершать тогда?

А Рогозин говорил тогда вещи любопытные. У Агаты Кристи, говорил он, есть замечательный персонаж: мисс Мапл. Она в своих рассуждениях исходит из того, что законы человеческой природы везде и всегда одинаковы. Именно эти абсолютные и неизменные законы (Законы по определению неизменны!) человеческой природы и образуют предмет психологии. Не мозг и его функционирование. Не логические правила оперирования языком. А всеобщие правила поведения людей. Мы все интуитивно исходим из этой предпосылки, говоря о человеческой психологии. Когда практически мы выступаем в роли людей, претендующих на изучение, понимание и использование законов человеческой души, т.е. законов психологии? Вот я вам приведу сейчас пример, а вы через некоторое время сами сможете проверить, насколько точен был мой психологический анализ в этом примере. И Рогозин подробнейшим образом проанализировал ситуацию, которая сложится в связи с проблемой публикации материалов данного обсуждения. И предсказал результат.

Накоплен, говорил Рогозин, огромный материал наблюдений за поведением людей, нуждающийся в современных формах обобщения, в том числе – в построении математизированной теории. Но этого, конечно, мало. Нужны эксперименты, причем – массовые эксперименты. И мы такую возможность получили. Чтобы выделить психологические законы в чистом виде, нужно суметь абстрагироваться от влияния различного рода продуктов цивилизации, в том числе – от влияния религии, нравственности, правовых ограничений. Поскольку в нашем обществе эти факторы цивилизации элиминированы,

сама история дала нам в распоряжение в качестве лаборатории целое многомиллионное общество. И Rogozin привел многочисленные поразительные примеры, полученные его группой из наблюдений за большими человеческими коллективами и из обработки богатейшей информации, невольно собранной нашими официальными учреждениями (жалобы, заявления, свидетельские показания, выступления на собраниях, доносы и т.п.).

Потом началась кампания по дискредитации Rogozina. Началась одновременно как снизу (со стороны коллег), так и сверху (исключение куска, связанного с Rogozinym, санкционировал ЦК). Всего два-три года, и от Rogozinской группы не осталось ничего. Почти двадцать лет каторжного труда на создание маленькой группки. И всего два года на то, чтобы вытравить всякие следы его пребывания в нашей науке. Факт поразительный. Сейчас создали целый институт в духе идей Rogozina. Несколько сот сотрудников. Богатейшая техника. А результатов нет (если не считать тех, что уже были получены rogozinцами). А ведь Rogozin мог стать гордостью русской науки. Мог стать фигурой масштаба Мечникова, Менделеева, Павлова. Мог. Но не стал. Наша система предпочитает ничтожества раздувать в крупные фигуры (Канарейкин, Петин, Блудов), но она не терпит по-настоящему крупные личности.

ЕЩЕ ОДИН «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ»

С полгода назад Сашка был на дне рождения у своего сокурсника. Сашка вернулся домой уже утром. Ужасно довольный. Праздник у них удался отличный. Была хорошая компания. Двенадцать человек – шесть мальчиков и шесть девочек. Сначала пили, ели, танцевали. Потом спорили до хрипоты. Решили в заключение создать шуточный Союз Борьбы За (за что – каждый пусть понимает по-своему). Цель Союза – отмечать дни рождения всех собравшихся в том же составе. Поскольку на некоторые месяцы выпало несколько дней рождения, а на некоторые ни одного, решили распределить месяцы по лицам произвольно и отмечать условные «дни рождения». Теперь подошла Сашкина очередь. От нас, стариков, потребовалось одно: очистить квартиру от нашего присутствия и финансировать мероприятие. После длительных дискуссий со взаимными оскорблениями порешили: Теща с Ленкой уезжает на неделю к сестре в Тамбов (у Ленки – каникулы); Тамара решила переночевать у своей близкой подруги. В отношении меня проблемы не было: у меня крыша есть.

– Смотрите, – сказал я Сашке перед уходом, – пришьют вам дельце.
– Не бойся, – сказал Сашка. Мы политикой не занимаемся. Ребята все надежные.

Но Сашкины «дни рождения» меня беспокоили. Я не раз видел у него книги Солженицына, «Континент» и прочие эмигрантские издания. Представляю, о чем они там говорят на своих сборищах. И откуда они берут эти книжки? Впрочем, вопрос праздный. Картошкин, например, ездит за границу три-четыре раза в год. И не было случая, чтобы он не привез кучу журналов всякого рода и книжечки такого рода. Антисоветские книги на иностранных языках тут не в счет. У него их целая библиотека. Ему такие книги и журналы положено иметь по роду работы. Но ведь его Андрей почитывает их запросто. И друзей снабжает (под большим секретом, конечно). Картошкин хотя и свой человек в КГБ, в ЦК (как хохмит моя Ленка – в ЦК КГБ), но он, между прочим, тоже либерал. Он один из нас. А кто и когда посчитает ту массу добра, которую принес нашему обществу этот «трусливый» либерал! Вы думаете, ему ничего не стоит ввозить эту массу подрывной литературы и сквозь пальцы смотреть на то, как она расплзается из его дома по Москве? До поры – до времени.

Любопытно, что все запрещенные книги, которые Сашка приносит в дом, перечитали вдоль и поперек все члены нашего семейства. И где мне только не приходится бывать, везде на темы этих книжек разговоры ведутся так, что совершенно очевидно: широкие круги либеральной интеллигенции и чиновничества знают эту литературу лучше, чем хрестоматийную русскую классику. Долго ли еще это протянется? Известны многочисленные факты, свидетельствующие о том, что «маразм крепчает». Понемногу то тут, то там сажают. Главным образом – никому не известных молодых ребят. А взрослых более или менее известных людей пока зажимают «домашними» средствами. К. до сих пор ходит без работы. Скоро будет публичный процесс над Хлебниковым. Но тот – фигура с мировой известностью. Не замолчишь. Слухи ходят, что всю сажают в сумасшедшие дома. Говорят, только в Москве их открыли несколько штук. Говорят, что изобрели мощные средства. Три укола – и ты как личность сведен к нулю. И не подкопаешься. Антон считает, что тут больше слухов, которые КГБ распускает специально с целью запугивания. Но я думаю, что в слухах есть большая доля истины. Картошкин сказал мне по секрету, что слухи не отражают даже половины реальности.

Утром Сашка опять меня спросил, неужели все то, что Солженицын написал о жертвах сталинского периода, правда. Что я ему мог ответить? Я сказал, что это вопрос сложный. Но он не отставал.

– Ты дай мне принципиальный ответ – да или нет?

– Если я тебе скажу «нет», это будет неправда, скажу «да», это будет нарушение исторической точки зрения.

– Оставь в покое свои исторические принципы. Говори прямо. Боишься?

– Нет, Саша, я не боюсь. Я могу ответить тебе: «да». Но это будет совсем не то. Это не будет ложь. Но это не будет и правда. Я никого не хочу оправдывать. Просто, тут дело сложнее.

– Солженицын утверждает, что сталинизм никогда не кончался. Только формы его менялись. Сталинизм, считает он, и есть сущность коммунизма. Как ты на это смотришь?

– Это безответственные фразы.

Ни до чего определенного мы не договорились. Но разговор этот имел последствия. Я записался на прием к Митрофану Лукичу.

ИСТОРИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ

В книге Антона есть место, специально посвященное взаимоотношению исторического и социального аспекта в понимании коммунистического общества. Вот основные идеи этого раздела. Исторический аспект. В стране – развал экономики, и главное, системы власти. Сложилась ранее или создается в это время, возникает спонтанно или навязывается извне (или комбинация этих возможностей в тех или иных пропорциях) особая организация, ставящая целью захват власти, – «партия особого типа» («организация революционеров»). Состав партии – обиженные, неудачники, авантюристы, фанатики, карьеристы, честолюбцы, «идеалисты» и т.п., т.е. лица, по тем или иным причинам реализующие так свои цели и интересы и вытаскиваемые обществом на этот путь. Тут есть общие черты, представляющие интерес для социальной психологии. Партия организуется по принципам гангстеризма. Захватив (или получив) власть с помощью тех или иных слоев общества, партия вовлекает в систему власти (это возможно в процессе захвата власти и даже немного ранее, с намерением взять власть) низшие слои населения, обещая им всяческие блага и в той или иной мере исполняя свои обещания. Если в этих слоях заметен слой заводских рабочих, то складывающаяся система власти получает наименование, «диктатуры проле-

тариата». Но слово «пролетариат» может трактоваться более расширительно, так что лозунг «диктатуры пролетариата» всегда имеет определенный смысл. Отказ французских коммунистов от него нельзя считать серьезной акцией. Это, скорее, временный демагогический прием. Рассматриваемый «исторический» процесс накладывается на такие процессы, которые совершаются по социальным законам. Это – социальный аспект. Этот аспект в собственном смысле слова касается достаточно больших (многомиллионных) человеческих образований. Маленькие страны он затрагивает обычно как нечто навязываемое извне, сильным соседом, или организовываемое по его образцу, а не спонтанно, не как «творчество масс». В этом аспекте складывается социально-бюрократическая система организации больших масс населения по ранее открытым образцам такого рода и в формах, непосредственно очевидных широким слоям народа.

Упомянутые два процесса происходят одновременно, причем постепенно социальный процесс приобретает доминирующее значение. «Революционеры» уничтожают друг друга, вымирают, растворяются в гигантском аппарате «мирной» власти. Происходит смена поколений. Расширяется и углубляется социальная иерархия общества. Разумеется, это далеко не безболезненный процесс. На место Лениных приходят Сталины. Советский сталинизм и был таким периодом формирования и утверждения коммунизма как социального строя, но в исторически данных формах революционного периода и с его возможностями.

Историческое в данном случае не есть нечто случайное и преходящее. Оно дано тоже на века. Абстрактно рассуждая можно игнорировать границы государств. А поди, уничтожь их на деле! В мечтах можно перенести Москву на новое, более подходящее место. А поди, попробуй! Она стоит и растет на исторически избранном месте. Еще труднее изменить исторические формы социальных процессов. Они даются также на века, как и их социальная суть. Возьмем, например, однопартийную систему власти. Социально она означает ликвидацию всяких партий вообще, принципа партийности как такового. Историческая форма партии (и вся соответствующая фразеология, демагогия и организация партийной жизни) сохраняется на века как жизненно важная система организации по существу беспартийного общества. Аналогично в исторически данных правовых формах реализуется система полного бесправия, в формах нравственности – система безнравственности, в формах идеологии – система идеологического цинизма и т.д. Трудность понимания коммунистического общества и состоит в том, что оно складывается

как исторически индивидуальный процесс, но в формах, столь же всеобщих и устойчивых, как и его сущностные связи и отношения. Подобно тому, как представление о существе с высокоразвитым интеллектом у нас неразрывно связано с представлением о биологическом существе «гомо сапиенс», так конституирующие коммунизм глубинные явления немислимы без их зримого воплощения в организации конкретных коммунистических государств. Для выделения их в чистом виде нужна та самая сила абстракции, о которой говорил Марке и которую утратили все теоретики марксизма без исключения.

И, честно говоря, у меня нет достаточно сильных аргументов против этого. У меня есть лишь иное эмоциональное отношение к этому. Я лишь иначе расставляю ударения.

ЗАБЕГАЛОВКА

Когда я вошел в Забегаловку, почти все были в сборе. Мне обрадовались, и это было очень приятно.

– Можно подумать, что вы сговорились, – сказал я.

– Случай, – сказал Безымянный. – Хотите знать, какова его вероятность? Не больше, чем вероятность для нас с вами стать членами Политбюро. А между тем этот случай, как видите, произошел. А раз он произошел, его уже не отменишь. Он есть реальный факт истории.

Этот пустяк, как всегда, послужил зацепкой для любопытного разговора. Раньше я не придавал никакого значения таким разговорам, смотрел на них как профессионал с полумировым именем на трепотню дилетантов и кустарей-одиночек. Теперь я все чаще начинаю замечать, что в них реальная жизнь отражается не в меньшей мере, чем в наших высоких теориях. И всякого рода «идеалисты» и «метафизики» начинают мне казаться порой не такими уж кретинами, как мы привыкли их изображать.

– Вы, – говорит Эдик, – сейчас весьма основательно раскритиковали то, что Безымянный говорил об истории как индивидуальном процессе, имеющем исчезающе малую степень вероятности. Пусть Вы правы. Но вот позвольте я подкину для обсуждения одну любопытную проблему, – проблему прикрепления людей к местам жительства и работы. Я не буду рассматривать ее во всем объеме. Это очень длинно. Выберу лишь одну самую простую линию, хорошо иллюстрирующую мою мысль. Страна наша большая. Всякого рода предприятия разбросаны по ней. И люди там нужны. Как их там удержать? Для теоретиков – марксистов никакой тут проблемы нет:

высокое сознание трудящихся, жаждущих перевыполнять досрочно планы; хорошее снабжение; телевидение; кино; театры; библиотеки; средства транспорта и т.п. К коммунизму же идем!! А при коммунизме – сами понимаете... Но есть реальность данного индивидуального состояния. Снабжение? В Москве жрать нечего, а на периферии, знаете, что там творится?! Кто подсчитывал, сколько людей ежедневно наводняет Москву за продуктами питания и товарами ширпотреба? Много ли у нас выпускают автомобилей? А сколько они стоят? А кто способен купить? А дороги? А обслуживание? А что показывают по телевидению? Попробуйте, достаньте билеты на хороший спектакль в Москве! Так чего говорить о периферии. Кружки рисования, пения, пляски? А вы поездите по стране, посмотрите. Пьянство. Скука. Дрязги. Уголовщина. Думаете, случайно молодые люди предпочитают маленькую зарплату и плохие жилищные условия здесь, поближе к реальной культуре?.. Короче говоря, абстрактно все возможно. И каждому по потребности абстрактно возможно. А реально – дайте людям свободу передвижения и возможность устраиваться на новых местах (отмените, например, прописку), и начнется великое переселение народов. Разбегутся люди из определенных мест. Их надо удерживать сейчас, прикреплять всеми доступными средствами. Мы не обращаем внимания на такие «мелочи». А между тем на наших глазах идет грандиозный процесс структурирования нашего общества, как географически, так и «вертикально». Вроде бы пустяк: мальчик, окончивший десятилетку в Чухломе, имеет меньше шансов попасть в Университет. А это – реальный факт прикрепления: не лезь со своим свиным рылом в столичную утонченную науку! Попробуйте, устройте своих детей в институт международных отношений! Абстрактно все возможно. А реально – пойдут ли дети министров, академиков, партийных боссов, народных артистов и т.п. в рабочие и крестьяне? Только в порядке исключения. Или для пропаганды. Это – сегодняшняя реальность. Но пусть, как Вы утверждаете, разовьются средства транспорта, построят дороги, самолет станет обычным, как велосипед, за границу разрешат ехать... Когда это будет? К тому времени, когда это будет, в нашем обществе сложится стабильная, традиционная и преемственная социальная структура. Сложится устойчивый строй жизни. И обернуть эволюцию уже не удастся. Если такая махина укрепитя как социальное существо определенного типа, оно и будет стремиться сохраниться в таком виде. Оно будет приспосабливать прогресс к своим интересам, а не само будет меняться в соответствии с Вашими

абстрактным рекомендациями. Господствующие силы и тенденции не позволят нарушить устойчивый порядок, устраивающий их. Машины и самолеты? Да. Но какие и для кого? Медицина и курорты? Да. Но какие и для кого? Заграница? Да. И тот же вопрос. Много ли Мы имеем возможностей использовать наши советские курорты даже при наличии денег? А ведь это – не заграница. Вот Вам только одна ниточка того, что такое история как индивидуальный процесс. мы формируемся в какого-то зверя. И формируемся только один раз. В какого? В змею? В шакала? В тигра? В крысу? Оставьте эти марксистские романтические иллюзии! Они давно уже не иллюзии, а ложь. Просто средство оболванивания современных образованных кретинов. И сам марксизм уже прочно сложился в целостное существо, которое уже не превратишь ни во что другое. Эволюция индивидуальных сложных систем необратима. Это я могу доказать Вам как теорему.

– Bravo, – сказал Безымянный. – Вы высказали мои сокровенные мысли.

– В России, – сказал Ребров, – несмотря ни на что сохраняется традиционный строй жизни. Как и в Китае. В прошлом веке начался процесс приобщения России к западному образу жизни. Но ничего не вышло. Революция снова отбросила нас в крепостническое состояние. И снова для нас началась кровавая и грязная имперская история. Сколько потребуется жертв и в какое болото мы должны будем залезть, чтобы снова актуально встал вопрос об отмене крепостничества?!

Виктор Иванович как-то странно посмотрел на Реброва, распрощался и ушел. Незаметно исчез Лев Борисович. Остались только я, Безымянный и Ребров.

– Не кажется ли вам, – сказал Безымянный, – что Виктор Иванович несколько странен?

– В думаете, он – стукач? – спросил Эдик. – Ну и черт с ним! Мы для Них интереса не представляем. Мы же не действуем. Мы же просто болтуны, и все.

– Они там не совсем идиоты, к сожалению, – сказал Безымянный. – Они хорошо знают, теперь, что за словом рано или поздно идет дело.

Безымянный проводил меня до дома.

– Наша социалистическая система, – сказал он по дороге, – сочетает в себе очень высокий коэффициент паразитарности с крайне низким коэффициентом использования творческих потенциалов населения.

Страшно подумать, сколько народного ума и таланта пропадает впустую. Вот, к примеру, Эдик. Какой мог бы быть социолог. А так прозябает, наверно, на должности какого-нибудь редактора, от силы – старшего научного.

– Или академика, – сказал я.

И мы рассмеялись.

– Знаете, – сказал я, – а почему бы Вам с сыном не заглянуть к нам вечером? У меня дочь кончает десятилетку. Им будет интересно познакомиться. А у меня есть несколько бутылочек вина из валютного.

– Охотно, – сказал Безымянный. – И прошу Вас, на нас не сердитесь. Мы же не профессионалы. А молчать уже нет мочи. Я-то хорошо понимаю, как обычно теория бывает непохожа на эмпирические факты. И мне бывает не по себе, когда несведущие люди пускаются в рассуждения на мои темы. Ваши философы такую чушь порют, что нарочно не выдумашь.

– Меня беспокоит не это, – сказал я. – Я боюсь, как бы моя профессиональность не оказалась такой же философской чушью по отношению к настоящей науке об обществе, которую в данном случае представляете фактически Вы и Эдик.

СКУКА

Иногда меня тянет писать. Но с самого начала я прекрасно понимаю, что вся моя писанина может вызвать лишь скуку. Я не способен развлекать массового читателя. Я не способен на то, чтобы давать пищу для размышления интеллектуальной элите. Да и о чем таком можно писать, чтобы было интересно? Анекдоты? Я их не запоминаю и не очень-то люблю. Факты беззакония? Я с ними не имею дела. А после книг Солженицына тут нужно работать профессионально. Нужны масштабы. Мелкие житейские трагедии? Но они не имеют ничего общего с их литературными описаниями. Наша жизнь во всех звеньях поразительно сера и однообразна. Для любого из нас она раскладывается на сравнительно небольшое число стандартных элементов с незначительными вариациями их комбинаций. Мы примерно одинаково едим, одеваемся, говорим, обставляем квартиры, переживаем. Мы различаемся по слоям, но лишь количественно, а не качественно. Моя жена носит ондатровую шубу, Наташа – цигейковую, жена Грбового – норковую. Но в жизни каждой из них принципиальная роль шубы та же. Социальная роль – престиж,

эстетика и т.п. Я бывал в самых различных семьях, квартирах, городах, Везде одно и то же. Уровень культуры не растет с ростом социального ранга слоя. Жрут лучше. Пьют лучше. Одеваются. Сплетни рангом выше. Информации больше. Но скука удручающая. Разговоры омерзительны. И дети их, имея все блага культуры, пользуются ими так, что смотреть тошно. Кто-то мне недавно говорил, что существенно не наличие привилегированных слоев общества, а их тип – что они из себя представляют и какой стиль жизни навязывают обществу. Наши привилегированные сло исеют скуку, серость, бездарность, корыстолюбие, разврат, ложь, паразитизм, тщеславие и т.п. Они навязывают всем нам такой способ жизни, который убивает все то, что когда-то было предметом великой русской литературы. У нас литературой может стать только беспощадное описание наших условий, исключаяющих настоящую литературу, да к тому же в таких масштабах, как это сделал Солженицын.

О чем я думаю?! Кто поверит, что один из ведущих советских теоретиков марксизма (а значит по идее – невежда, начетчик, мракобес, бездарь) может размышлять подобным образом. Надо с этим кончать. На этой неделе надо закончить доклад Канарейкина для конгресса. Свой доклад надо написать, обсудить на заседании отдела и «залитовать»: с выпиской из протокола заседания отдела сдать пять экземпляров в дирекцию, получить подпись директора или заместителя, курирующего наш отдел, сдать все это в иностранный отдел института, а те направят в Главлит (т.е. в нашу официально несуществующую цензуру). Волокита довольно долгая. Потом надо будет через президиум Академии организовать перевод доклада на английский язык. Надо также продиктовать Серикову его выступление. Страниц на пять хотя бы. Но это не легче, чем мой доклад. Мой доклад должен быть официальным. Серикову же разрешено немножко оригинальности. Что-нибудь о массовой культуре. Это модно. А мне предудказано свыше выступить на тему о понятии общественно-экономической формации, – одном из центральных понятий традиционного (но вечно передового) марксизма. Тема доклада Канарейкина – исторический материализм как самое глубокое, и всестороннее социологическое учение современности. Ни много, ни мало! Самое! И странно, эту нашу галиматью они там будут слушать с интересом. С Канарейкиным будут беседовать как с крупным ученым. Сериков сойдет за молодого талантливового и образованного ученого, работающего вполне на уровне мировых стандартов. Впрочем, чему удивляться! У них то же самое, что у нас. Упаковка только чуть лучше.

А мне предоставляется роль консерватора, ортодокса. Я обязан отстоять! Ну ладно же, я вам покажу! Я засел за доклад, и меня понесло. Через несколько часов доклад был готов. Он даже мне самому понравился. Я позвонил Антону и попросил его зайти.

– Неплохо, – сказал Антон, – прочитав мое сочинение. – Очень неплохо. Если с тебя снять марксистскую скованность, ты будешь прекрасным писателем на социальные темы. Только вот тебе мой совет: на облуждение и в Главлит дай липу, а не подлинник. Или замаскируй, так чтобы не сразу доперли, о чем речь. Иначе не пропустят. И на конгресс не поедешь.

– Само собой разумеется, – сказал я, возбужденный удачей. – Не учи ученого! А что ты скажешь по существу?

Антон начал разбирать доклад по существу, и мне стало опять грустно.

– Понятие формации, – говорил Антон, сложилось отчасти из сравнения различных видов социальных образований, это очевидно. Но само слово «формация», а признаки, по которым формации различаются. Это понятие сравнительное, подчеркиваю. Это очень важно помнить, ибо сравнение имеет свои логические законы, неустрашимые ни при каких обстоятельствах. Представь себе, мы будем строить понятие животного, сравнивая кроликов, волков, клопов, крыс, слонов и т.д. Что дает сравнение? Благодаря сравнению мы обнаруживаем, что одни из сравниваемых предметов имеют данный признак, а другие – нет, что некоторые признаки есть у всех сравниваемых предметов, что данный признак имеет различную величину или интенсивность и т.п. Если частные виды формаций даны, то общее понятие формации, очевидно, должно учесть признаки, свойственные всем формациям (т.е. от различий формаций надо отвлечься), но отличающие общественно-экономические формации от всего другого. Запомним это. Отчасти же понятие формации сложилось из наблюдения одного типа общества в его внутренней расчлененности, а именно – развитого буржуазного общества. Отсюда выделение таких сторон этого общества, как производительные силы, производственные отношения, базис, надстройки и т.д. При этом в данном обществе выделялась определенная система отношений людей, определяющая собою всю физиономию общества, т.е. оказывающая влияние на все прочие стороны жизни. В буржуазном обществе это суть товарно-денежные отношения, купля-продажа рабочей силы и т.д. Из совмещения этих двух (по крайней мере этих двух, я опускаю здесь многое другое) аспектов произошла такая невероятная путаница в

понимании очень простых вещей, что распутать ее теперь нет никакой возможности. Есть только один путь: разрубить этот гордиев узел мечом, т.е. просто наплевать на это барахло и заняться делом. Возьмем, например, такой признак, как собственность. В буржуазном обществе имеет место частная собственность на средства производства, а у нас нет. В буржуазном обществе это – существенный признак формации как таковой. И хотя он мог быть выделен путем сравнения (что не обязательно) с другими формациями, он важен для общества независимо от сравнения. Но является ли существенным для нашего общества то, что у нас нет частной собственности на средства производства? При описании истории становления его, возможно и нужно учитывать экспроприацию средств производства. Но раз общество сложилось и устойчиво существует много лет, это уже не есть его характеристика самого по себе, независимо от сравнения. Признаком змеи является не то, что она не имеет ног, а то, что она ползает. Дело не в том, что неверно, будто у нас нет частной собственности на средства производства. Это как раз верно. Но это абсолютно ничего не дает для понимания нашего общества как общества определенного типа самого по себе. Нам для этого нужно прежде всего отказаться от сравнения с буржуазным, феодальным, рабовладельческим и т.п. обществами и выделить в самом нашем обществе то, что определяет собою все прочие стороны и проявления нашей жизни. Что это такое? Начни исследовать наше общество не как лгун-идеолог, а как настоящий ученый, и ты убедишься в том, что вся твоя высочайшая марксистская теория есть идеология чистой воды; что научного в ней нет ничего, кроме украденных у других банальностей. И от твоего понятия формации ничего не остается, кроме общего значения слова. Есть виды животных, можно употреблять общий термин «животные». Можно найти признаки, свойственные всякому животному. С этой точки зрения клопне отличается от человека. Есть виды общества. Можно ввести общий термин «тип общества» («формация»). Можно указать признаки, общие всем обществам. С этой точки зрения общество папуасов не отличается даже от грядущего коммунистического общества. Человеческое общество – локализованное в пространстве связанное устойчивое скопление людей, осуществляющее свой жизненный процесс как целое. Это – не определение, конечно, а так, для ориентации. Что же касается типов обществ («формаций»), то тут такой дурацкой классификацией, какую дает марксизм, не отделаешься. Их сотни и тысячи. Тут нужно опытное исследование (если оно нужно), а не пережевыва-

ние примитивных представлений ваших классиков. А что касается нашего общества, то тут с марксистским аппаратом понятий и принципов абсолютного ничего не поймешь. В устоявшейся системе общества (вроде нашего) начиная с некоторого момента все эти «первично», «вторично», «базис», «определяющее», «производное» и т.п. теряют всякий смысл. Поскольку речь заходит о понимании этого общества и о построении научной теории, способной давать подтверждаемые прогнозы, то нужен совсем иной поворот мозгов. Какой? Начни хотя бы с фактов. Например, массовые репрессии, прикрепление к месту жительства, отсутствие свободы слова и печати, дефицит необходимых продуктов, разбазаривание средств, коррупция в массовых масштабах, карьеризм... Что тебе еще нужно? Разве этого мало? Есть законы социальной жизни, вытекающие из самого того факта, что миллионы людей обречены жить совместно. Начни хотя бы с этого...

Мы проговорили чуть не до утра. Я проводил Антона домой и передал его с рук на руки Наташе.

– Ради бога, Наташенька, не сердись на меня, – сказал я. – Это было очень важно. Я в долгу не останусь: обязательно помогу твоему Антону стать известным диссидентом. На свою шею, конечно, но помогу.

БЕСЕДА С М.Л.

Кто не бывал в коридорах ЦК, тот не может до конца понять советское общество. И не потому, что здесь можно увидеть что-то особенное. Абсолютно ничего особенного тут нет. Обычная (правда, очень большая) контора, оформленная с очень дурным вкусом. А потому, что здесь не увидишь, не услышишь и не почувствуешь ничего особенного. Жуткая обыденность всего происходящего. И в этом суть дела.

Я предъявил партийный билет, получил пропуск, поднялся на третий этаж и пошел по красному ковру в самый конец длинного коридора, не встретив ни одной живой души. Тишина. Мягкий ковер глушил шаги. Но в ковре, пожалуй, не было надобности: человек, вошедший в коридоры ЦК, не идет в обычном смысле слова, а крадется на цыпочках (на задних лапках). Я постучал в нужный кабинет, и услышав знакомое «Войдите», вошел. Навстречу мне поднялся Фрол Иванов – помощник Митрофана Лукича.

– Привет, – сказал я.

– Привет, – сказал Фрол. – Проходи, Митрофан Лукич тебя ждет.

И я вошел в кабинет одного из могущественнейших руководителей нашей партии, а значит – всего советского народа, а значит – всего прогрессивного человечества.

Я знаком с М.Л. почти двадцать лет. И виделся с ним за это время не меньше двадцати раз. Так что никаких зрительных впечатлений от встречи у меня не осталось.

– Как он выглядит на самом деле? – спросил меня потом Сашка.

– Как на портретах, – сказал я. – Только постарше лет на сорок. Ростом пониже. Злее и желчнее. Глазки бегают. Руки трясутся и все время перекаладывают всякие предметы на столе. Выражение брезгливости на лице. И какое-то несоответствие роли, какую он играет в партии. Мне кажется, что он выглядел бы более естественно в здании на Лубянке, с которым здание ЦК соединено подземным ходом. В свое время ходил слух, будто, М.Л. просил дать ему пост министра Государственной Безопасности, но ему отказали под тем предлогом, что страна нуждается в передышке. И нынешний пост ему отдали потому, что по наивности посчитали в свое время идеологию трепотней, не играющей существенной роли. А когда хватились, было уже поздно.

Я сказал М.Л., что дело чрезвычайной важности заставило меня обратиться к нему и просить о помощи. Нашей книге определена исключительная роль: дать суммарную и обобщенную характеристику того, что произошло между двадцатым и двадцать пятым съездами. Книга будет переведена на все западные языки и будет распространяться на Западе. А между тем в этот период помимо тех замечательных событий, о которых много говорилось на прошлом совещании, произошли печальные события, о которых промолчали. Я уж не говорю о событиях в Венгрии, Польше, Чехословакии. Тут более или менее ясно. Я имею в виду наши внутренние события. Самоожоженцы. Известное Вам покушение. Побег и невозвращения. Многочисленные процессы. Самиздат. Солженицын. Сахаров. Еврейская эмиграция. Отъезды видных деятелей культуры, – Ростроповича, Неизвестного. Обойти молчанием эти факты невозможно, – книгу просто осмеют на Западе, да и у нас на особый успех рассчитывать нельзя. Еще хуже того – объяснять это так, как мы делаем в наших пропагандистских лекциях и статьях. Тут надо проявить большую гибкость и, может быть, даже смелость. Вот, например, на Западе в эмигрантском журнале «Новая волна» опубликована

огромная статья. Тут факты, цифры, имена. Я консультировался в КГБ и МВД. Все точно. Мы, конечно, можем раскритиковать выводы, интерпретацию и т.п. Но факты остаются, им надо дать наше освещение. Тут своими силами мы не справимся. Нам нужна Ваша помощь. Установки. Ориентировочные инструкции. Например, в какой мере мы можем представить это как продукт внутренних процессов и противоречий. Ведь социализм – живое общество, а не абстрактная схема. Тут тоже возможны свои трудности и болезни. Зато мы можем достаточно убедительно и без натяжки показать, что такого рода явления, возникая (хотя бы отчасти!) как продукт нашей внутренней жизни (под влиянием Запада, конечно), не перерастают рамок частных явлений и не влияют на общую картину нашего общества, на его суть.

Я довольно долго излагал свою концепцию книги в этой части. М.Л. терпеливо слушал, перекладывая бумажки, карандаши, брошюры. Я намекнул на то, что было бы неплохо выпустить такую книгу под редакцией самого М.Л. Однако М.Л. на такую удочку не клюнул. Он не дурак все-таки. Старого воробья на мякине не проведешь. Я по глазам увидел, что он сразу понял суть дела. Такая книга для него – ловушка, и он в нее ни за что на свете не полезет. Представляю, какой вой во всем мире поднялся бы, если бы книга вышла под его редакцией! Книга и для меня ловушка (теперь-то я сообразил это!). Но кто такой я? Мелочь. Один из, пусть видный, но один из теоретиков, способный (и склонный к тому же!) ошибаться. Меня потом поправить можно будет. Это даже очень хорошо: бдим, работаем, мол. Одним словом, М.Л. сказал, что все необходимые для книги оценки и установки имеются в соответствующих документах партии. Изучите как следует отчетный доклад Генерального Секретаря и т.д.

– Ну как, – спросил Фрол, когда я вышел от М.Л.

– Порядок, – сказал я. – С чем пришел, с тем и ушел. У меня к тебе просьба: не держи в секрете то, что я был здесь и целый час беседовал с М.Л. о книге. Для меня это очень важно.

– А как сам М.Л., – спросил Фрол.

– Он мне разрешил сослаться на нашу беседу в том смысле, что все принципиальные вопросы оценки событий прошедшего периода с кристальной ясностью даны в известных документах партии, – сказал я.

– Ясно, – сказал Фрол. – Ловкий ты мужик! Ставлю пару бутылок коньяку, если тебя не выберут в член-коры. Ты в Канаду едешь? Отлично. У меня к тебе просьба...

В коридоре меня перехватил Корятов и затащил к себе. Корятов – мой бывший студент, к тому же очень посредственный для марксиста даже. Ко мне он обращается на «ты», а я к нему на «Вы»: со своими бывшими студентами я на «ты» никак переходить не могу. А поскольку я сам к своим бывшим учителям, кто бы они ни были, обращаюсь только на «Вы», меня корятовское «ты» раздражает. Подумаешь, какой-то инструктор Цк, а тычет так, как будто он старшина роты. Корятов воспринимает мое «Вы» по-своему, т.е. как почтение к его положению. Он и директору нашему иногда «тыкает», а тот перед ним лебезит (хотя он академик).

– Ты ведешь себя неправильно, – сказал Корятов. – Якшаешься со всякой швалью. Кто такой этот Зимин? А Гуревич? Смотри, это боком выйти может. Заходил бы с супругой к нам. Мы недавно из Италии. Отдыхали. Есть что порассказать. Заходи, буду ждать. Пока. Извини, я больше не могу тебе уделить времени. Дела!

Корятов, конечно, прав. Он – прирожденный карьерист. Он без всякого опыта и познания чует одно из фундаментальнейших правил делания карьеры в нашем обществе: сделав шаг в своем возвышении, первым делом порви порочащие или принижающие тебя связи и знакомства, заведи связи, соответствующие твоему новому положению, и старайся завести полезные знакомства на более высоком уровне. Я это правило не соблюдаю, компенсируя его книгами и статьями. Но это не очень-то надежное средство. Надо как-нибудь выбраться к Корятову. Может быть Фрол там будет. И вообще, грешно не использовать возможности, которыми реально располагаешь без особых усилий. Стоп, последнее – ложь. Это кажется, что без усилий. А более двадцати лет преданного служения марксизму, – это разве пустяк? Но бескорыстно, ли? Если честно подсчитать, урвал я за это свое преданное служение не так уж мало. И я все же не стяжатель. И даже не карьерист. Я это делаю постольку, поскольку. Представляете себе, каким же должен быть человек, который по советским критериям является стяжателем, хапугой, карьеристом! И странное дело: все личности такого рода, за редким исключением, преуспели менее, чем я. Говорят, я способный человек, выбился за счет способностей. Так ли это? Намного ли мои работы отличаются от аналогичных работ других?! Нет, тут дело не в этом. Дело в эпохе. Я тоже стяжатель и карьерист, только типичный для этого либерализма, когда это считалось естественной платой за личные достоинства. А так как сама либеральная эпоха для нас не типична, то и карьеристы такого рода карьеристами не кажутся. Просто, я не

вполне адекватен нашему обществу. И благодаря этому я всплыл в прошлые годы. Что будет дальше? Поживем – увидим.

ДЕЛО

– Как книга?

– Опять застопорилась. Денег нет. Ищут типографию подешевле. А время идет. Им там что! Они же понятия не имеют об условиях, в которых мы живем. А мы с Наташей издергались. Это же переворот всей жизни. А когда переворот затягивается...

Мне искренне жаль их, Антона и Наташу.

– Послушай, мне эта история не нравится, – говорю я. – А что если тебе плюнуть на это издательство?

– Я подумываю об этом.

Если даже сейчас Антон сразу согласится издать книгу в другом издательстве, она выйдет не раньше, чем через полгода. Выборы пройдут. А потом – хоть трава не расти.

ТИПИЧНЫЙ РАЗГОВОР

Не знаю, как у представителей других профессий, но у нас дома типичная тема разговоров, когда у нас бывают гости, это – издательство над марксизмом. Врема от времени я пытаюсь дать отпор, но меня обрывают безжалостно в таком стиле: заткнись, ты не на трибуне; заткнись, мы не на семинаре по философии и т.п. Поток анекдотов на темы марксизма вот уже несколько лет не прекращается. А на тему о Ленине создана гигантская серия анекдотов, за каждый из которых в свое время расстреляли бы не только рассказчиков, но и всех слушателей. Анекдоты идут из школы (через Ленку), из Университета (через Сашку), из Академии (через всех моих сослуживцев), из ЦК (через Корятова, Иванова), из КГБ (через Картошкина). Я уж не говорю о Диме и моих соотрапезниках по забегаловке. То Ленка вылезает из своей комнаты в самый неожиданный момент и ляпает что-нибудь вроде такого: перед входом в пещеру первобытного человека висит лозунг «Да здравствует рабовладельческое общество – светлое будущее человечества». То Дима вдруг ни с того, ни с чего заводит что-нибудь из Ленинианы. Надежда Константиновна рассказывает детям о том, какой был добрый Ильич. Однажды, говорит она, Владимир Ильич брился. Мимо проходили дети и поздоровались: здравствуйте, Владимир Ильич! А

пошли-ка вы на..., ответил Владимир Ильич. А ведь мог бы и зарезать! И шпарит в таком духе без перерыва целый час. И ни разу не повторяется. То вдруг Сашка задает идиотский вопрос: что такое революционная ситуация? Это, отвечает он, такая ситуация, когда внизу больше не хотят, а сверху уже не могут. Но самые ядовитые анекдотики приносят Иванов и Картошкин. Я их не решаюсь повторять даже про себя, так как не могу никак поверить в безнаказанность произнесения такой пакости. Я не Иванов, и не Картошкин, а пока еще всего лишь кандидат в члены-корреспонденты Академии Наук. Но и после избрания для меня такие штучки не станут безопасными. Так что с некоторых пор такое направление разговоров в моем доме меня тревожит. Я стараюсь переключить внимание собравшихся на тряпки, машины, дачи, заграничные поездки. Все охотно клюют на это. Но тут же спотыкаются о реальности нашей системы, и понос ее возобновляется с удвоенной силой.

СВЕТКА

Накануне отъезда на конгресс пришла Светка. Сказала, что останется на ночь. Для своего «лопуха» она – в туристической поездке на три дня (в Институте часто организуют такие поездки в Ростов, Суздаль, Новгород, Псков и т.п.). А где (вернее, с кем) она будет ночевать следующую ночь? Впрочем, мне на это наплевать.

– Ты знаешь, – сказала она, – я сейчас встретила кошмарную старуху. Жуть! Никогда не видала ничего подобного. И зачем только такие чудища живут?! Вот, держи. Здесь сто долларов. Идут один к шести. С тебя по дружбе возьму лишь пятьсот. Отдашь потом. Купишь мне вот что...

И она протянула мне список. Я пришел в ужас от этих долларов и наотрез отказался брать. Сказал, что кое-что привезу ей из тех денег, что нам дадут. А доллары – это ж подсудное дело. Ты с ума сошла.

– Дадут вам гроши, на них ни... не купишь. Обыскивать вас не будут, не бойся. Все так делают. Возьмешь как миленький, без разговоров. Я сама не раз ездила за границу. Знаю. Это они только дураков запугивают, а сами не теряются.

Я все-таки настоял на своем. От долларов я категорически отказался. Признаюсь, меня испугала не столько перспектива незаконного провоза валюты, сколько перспектива отдавать ей потом пятьсот рублей. За что? Ничего себе, подарочки! Да я даже Тамурке таких

подарков никогда не делал. Светка надулась, обозвала меня трусом и растяпой. Но потом смилостивилась, сказала, что доллары всучит Серикову, но подарок будет считать моим. Так что отвертеться от пятисотрублевого подарка мне не удалось. Впрочем, мы еще посмотрим. Этой акуле только протяни кончик пальца, и она проглотит тебя с потрохами.

Настроение было испорчено. Мне страстно захотелось, чтобы Светка вместе со своими долларами отправилась спать к Серикову. Но, к сожалению, у Серикова молодая ревнивая жена. К тому же он в житейских делах парень умный, и цену таким тварям, как Светка, знает. Неужели он возьмет доллары?

Светка завалилась спать и скоро захрепела. Я начал было просматривать материалы конгресса, но мыслями моими завладела Пьяная старуха. И мне показалось, что она меня более близкий человек, чем эта храпящая здоровая сука, на которую все мужики облизываются на улице, чем Сериков, с которым мы вместе делаем книгу, чем Тамурка, с которой мы прожили более двадцати лет здоровой советской семьей, чем Канарейкин, Агафонов, Корытов, Иванов... Боже мой, да кто же действительно в этом мире близок мне по-человечески? Ленка? Сашка? Антон? Это – самые близкие мне люди, если смотреть с их стороны. А с моей? Я задремал, сидя в кресле. И приснился мне страшный сон, который я часто стал видеть в последнее время (с некоторыми вариациями): я грузу и грузу тележку каким-то хламом, должно быть своими книгами; книги разваливаются; я тяну цепь, и не могу сдвинуть тележку с места; потом цепь обрывается.

КОНГРЕСС

Я уже совсем было забыл о Димином письме, как он привез его вечером накануне отлета нашей делегации на конгресс. И я провел после этого бессонную ночь. Все-таки это нечестно со стороны Димы заставлять меня заниматься таким делом. Кроме того, если станет известно, что он подал документы на отъезд, кто-нибудь обязательно настучит об этом в партбюро и повыше. Наши отношения с Димой ни для кого не секрет. Нет, везти письмо слишком рискованно. В делегации наверняка будет несколько профессиональных кагебешников, не говоря уж о том, что по меньшей мере половина делегации – внештатные сотрудники того же КГБ. Я-то это знаю определенно, потому что сам всегда выполнял различные поручения КГБ

и по возвращении писал отчеты для ЦК, которые очевидным образом были предназначены для КГБ. Конечно, это делалось в довольно завуалированной форме так что формально ко мне не придерешься. Но если положить руку на сердце, то все мы всегда отдавали себе отчет о характере своих взаимоотношений с КГБ. Так что везти письмо – значит наверняка обрекать себя на тяжелые последствия. Инкриминировать мне ничего не будут, время не то, но на заметку возьмут, и за границу больше не выпустят. И я в конце-концов решил письмо уничтожить. Дима хитрый парень, наверняка продублирует. А если пошлет письмо через какое-то время потом, не получив ответа, я уже успею проскочить в член-коры, А как я объясню, что нет приглашения? Очень просто: ждал, но никто ничего не передал, может быть, перехватили стукачи. А Антон молодчина, ничего не дал для пересылки и вообще ни о чем не просил.

Паспорта и валюту, как это у нас принято, нам выдали буквально за несколько часов до отлета. Так что мы сразу из иностранного отдела Президиума Академии наук, где нас пару часов поучали, как мы должны себя вести в сложной обстановке конгресса, ринулись домой за чемоданчиками и сразу же на аэродром. Нескольким членам группы паспорта заготовили, но не выдали. Это то же в порядке вещей. Или что-то сработало в последний момент, или (скорее всего так) заранее было задумано поступить с ними так. Такие шуточки входят в наши спектакли. Они действуют устрашающе и деморализующе. В результате до последней минуты никто не уверен в том, что получит разрешение. Бывает, что снимают даже с самолета.

Конгресс прошел так, как и следовало ожидать, т.е. на редкость скучно. Нас конечно, спрашивали, почему не приехал такой-то, такой-то и т.д. (и называли фамилии тех, кто играл активную роль в нашей философии в прошлый период, а теперь оказался в опале). В газетах напечатали статью о том, что состав советской делегации показателен, что он свидетельствует о повороте советской идеологии обратно к сталинизму и т.д. Были попытки провокаций со стороны сионистов. Но все это очень вяло, без особого энтузиазма. Мы, как всегда, дали отпор, отстаивали чистоту и т.п. Большую часть времени члены делегации и туристической группы мотались по магазинам и, экономя на желудке, купали тряпье. Некоторые члены нашей делегации ухитрились в течение всего конгресса питаться запасами, захваченными из дома. Я купил пустышки, но зато много – чтобы всем досталось.

Были два смешных инцидента. Перед поездкой нас здорово нака-

чали насчет взаимоотношений с нашими эмигрантами. Инструктирующий красочно описывал нам их коварство и опасные последствия общения с ним. Одна дура из ВПШ принимала все это всерьез, и ее уже во время инструктажа начало слегка трясти от ужаса возможных провокаций. Потом ее всю дорогу разыгрывали Корытов и Сериков. В результате она слегка тронулась умом и отказалась выходить из номера в гостинице. Кто-то сказал, ей, что провокаторы, узнав, что она осталась одна тут, обязательно заявятся к ней и учинят тут такое, что ни приведи Господь! Это, однако, возымело обратное действие: дура из ВПШ полезла под кровать. Пришлось ее в сопровождении одного из «мальчиков» срочно отправлять обратно.

Другой инцидент более существенный. Когда мы ездили смотреть Ниагару, пропал Шляпкин (бесцветная персона из Министерства). Кто-то пустил слух, что он упал в водопад. Но это еще пустяки. Потом пополз слух, будто он ушел в США. Наши «мальчики» сделали квадратные челюсти. Канарейкин наделал в штаны. Тваржинская схватилась за то место, где у нее во время ее службы у Берии висел наган. Началась всеобщая паника. Панику усугубил один член чешской делегации: он сказал, что видел, как Шляпкин в сопровождении полисмена шел куда-то. Решили определенно: Шляпкин пошел просить политическое убежище. И никому в голову при этом не пришло, что у Шляпкина в Москве теплое место в Министерстве, полставки в Университете, шикарная квартира, дача, машина и т.п., что сам по себе Шляпкин полнейшее ничтожество, что тут на Западе никому он не нужен. А на самом деле Шляпкин пошел искать туалет и слегка заблудился. Позабыв с перепугу свои жалкие познания в английском языке, он стал изъясняться жестами, и его направили совсем не туда. По русской привычке он завернул в какой-то подъезд (терпеть уже не было мочи!). Тут его застучала консержка, вызвала полицейского, и плачущего Шляпкина повели не в участок (как он думал), а прямо к месту стоянки автобуса советской делегации. И когда мы, решив, что все пропало, пришли к своему автобусу, нас встретил сияющий Шляпкин, нотацией: где вы шлетесь, нам пора ехать.

После возвращения были многочисленные заседания, на которых участники конгресса делились впечатлениями. И по их рассказам наша делегация выглядела уже совсем не так жалко, как она выглядела на конгрессе на самом деле. А стерва Тваржинская договорилась до того, что наша делегация, якобы, была на голову выше всего

того, что было представлено на конгрессе от Запада. Меня она вежливо упрекнула в излишней мягкости (когда я отвечал на вопросы, на которые, по ее мнению, следовало закатыть партийно-принципиальную воинственную истерику). Один болван из чешских эмигрантов спросил меня, что нового внесли советские философы в учение об общественно-экономической формации сравнительно с Марксом и Лениным. Я спокойно пояснил ему некоторые пункты доклада. Выступлению Тваржинской я не придал значения. Но оно не выходило у меня из головы. И вечером я позвонил Антону узнать, что бы это могло значить. Он сказал, что судя по всему, они меня начнут подкапывать в этом пункте.

– Я же тебя предупреждал, – сказал он. – Зачем ты заговорил об этом идиотском «азиатском» способе производства? Теоретически это ничего не дает, кроме повода для склоки. А как повод – лучше не придумашь. Тут можно раздуть ревизию марксизма в самом центральном пункте учения об обществе. Впрочем, будем надеяться, что обойдется.

Дима, к моему удивлению, прореагировал совершенно спокойно на то, что я ему не привез приглашение. Он сказал, что это не беда, что ему не к спеху. Обругал «их» халтурщиками. Сказал что мы разлагающе действуем на весь мир, приучая всех к плохой работе. И обещал приехать вечером слушать мои увлекательные рассказы.

ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ

– Я прочитал в Ваших книгах все, что касается насилия, – говорит Безымянный. – Все правильно. Ни к чему не придерешься. Но в этой проблеме есть некоторые аспекты, которые вы обошли молчанием. Если Вы не возражаете, я кратко изложу их.

Разговор происходил в квартире Безымянного после стандартного по нынешним временам ужина, детерминированного возможностями наших продуктовых магазинов. Ленка играла с сыном Безымянного в шахматы и, кажется, обыгрывала его к величайшему его изумлению: первый раз его обыгрывал сверстник, да еще девчонка.

– Надо различать, – продолжал Безымянный, – две формы насилия: на благо индивидов и во вред им. Во втором случае я предпочитаю употреблять термин «насилование». В практике эти формы смешиваются. Власти предпочитают второй вид насилия изображать как первый. Но не всегда это удается. Оправдывается насилование тем,

что оно приносит благо другим. В дальнейшем, говоря о насилии, я буду иметь в виду исключительно насилие. Вы, марксисты, утверждаете, что в нашем обществе большинство населения осуществляет насилие (т.е. насилует) над меньшинством. Прекрасно. Пусть это справедливо. Но тут вот какой вопрос возникает. Допустим, имеется страна с населением в двести миллионов человек. Сто один миллион насилует девяносто девять. Это как по-вашему? Преувеличиваю? Ладно. Пусть сто семьдесят миллионов насилуют тридцать. Было же так. Было и похуже. Не возражаете? Вспомните наши беседы об индивидуальности исторического процесса. Тридцать миллионов это не шутка. Даже для борьбы с единицами бандитов и диссидентов держится огромный аппарат. А тут – миллионы. Нужен гигантский аппарат насилия. Мало того, нужно все общество организовать в систему, осуществляющую насилие. Так ведь оно и произошло. А что дальше? Непредвиденное теоретиками и исполнителями следствие: аппарат и система насилия большинства над меньшинством оборачивается против самого большинства, становится самодовлеющей силой, которой пользуются отнюдь не те слои общества, ради которых задумано Светлое Будущее. Так ведь оно и произошло. А истины-то эти азбучные. Не надо было быть сверхгением, чтобы такие пустяки предусмотреть в вашем проекте Светлого Будущего. Но дело сделано, не воротись. Аппарат есть. Система есть. Она требует пищи. Сожрали все, для чего были хоть какие-то основания. А дальше? Нужен насилуемый, понимаете?! Нужен дозарезу. И все прошедшие годы шли мучительные поиски насилуемого. И провал за провалом. Немного повезло с Венгрией, Польшей, Чехословакией. Потом – с самосожженцами, террористами, диссидентами, художниками, новочеркасцами, грузинами, украинскими националистами и т.д. Но это – капля в море. Нет общегосударственного масштаба и размаха. Нет объединяющего принципа. А насилуемый нужен – нужен как внутренний грозный враг. Зачем? Тоже тривиально: направить на него злобу населения, накопившуюся в огромных количествах (Вы побродите по Москве, увидите, какой злобой заряжен народ), оправдать свое положение и свои действия, свалить на него следствия своей глупости, угроза всем прочим, упоение властью для массы людей (реализуется инстинкт власти) и т.д. Выводы? Выводы тоже очевидны: есть единственное средство от насилия – сопротивление, решимость людей сопротивляться. А это – тоже индивидуальное явление. От чего зависит будущая история России? От пустяка: решится Иванов, Петров, Сидоров (т.е. Вы, я, Ваша дочь, мой сын и т.д.) оказать сопротивление

(хотя бы просто протестовать) или нет. А что Вы предлагаете с высот гениальнейшей теории? Производительные силы, производственные отношения... Например – переход от рабовладельческого общества к феодальному... Сколь же нам лет жить-то Вы даете? Тысячу? К тому же в отношении нашего общества Вы классовую борьбу исключаете, организацию недовольных (насилуемых!) в партию исключаете. Подумать только, есть теоретические основания для того, чтобы была лишь одна партия!! Неужели Вы практически не знаете, что это означает на деле: задушим!! И душим. Насилие во имя большинства? Начинать опять сначала. Грустно. Грустно от того, что все прекрасно понимают всё. И все лгут, лицемерят, оправдывают и оправдываются. А ради чего? Дети? Да наши дети уже в большинстве случаев отделяются от нас, а через два поколения это совсем чужие люди.

Ленка выиграла три партии. Мы выговорились до дна. Безымян-ные проводили нас до дома и обещали прийти к нам в гости в ближайшее время.

– Спасибо Вам за хороший вечер, – сказал я на прощание.

– Общение есть величайшее достижение человечества, – сказал Безымянный.

– Между прочим, – сказала Ленка, когда мы пришли домой, – Безымянный–младший тоже пишет стихи. И довольно неплохо. Вот, послушай:

Вот и сбылось такое чудо:
Повстречался с самим я Богом!
Он спросил меня, что хочу я,
Отправляясь в жизнь-дорогу.
Я подумал: Просить? Ну, что же!
Вроде я ничем не рискую.
Говорю: Если в силах, Боже,
Просьбу выполни мне такую.
Дай мне чистой любви изведать.
И избавь от измен и мести.
Дай мне друга, с которым беды
Мы любые осилим вместе.
Разреши не кривить душою...
Зло не прятать за доброй миной.
Перед всякой чиновной вшою
Не сгибаться, а быть мужчиной.
Не нажить осторожности к зрелости.
Не познать их газетного счастья.

Восхититься безумием смелости.
Дать гонимому долю участия.
И еще попрошу в заключение –
Разрешите мне немножечко дерзости,
Чтоб в кретине не видел я гения
И не видел величия в мерзости.
Видишь, Отче, я молвил Богу,
Все желанья мои скромнейшие,
Если кажется слишком много,
Я согласен спуститься на меньшее.
И замешкался Бог с ответом.
И сказал: Признаюсь по чести,
Если выполню просьбу эту,
Ты тотчас же сдохнешь на месте.
Я сказал: Вы уж лучше бросьте
Эти шутки свои, папаша!
Закруглимся-ка лучше на просьбе:
Позабудьте беседу нашу!

АЛЬТЕРНАТИВА МАРКСИЗМУ

– Я только что с конгресса, – говорю я. – Встречался там с самыми различными людьми. И разумеется, с врагами марксизма. И все в один голос признают, что Запад не имеет альтернативы марксизму. Они ничего не могут противопоставить марксизму, равноценного и сопоставимого ему.

– Ну и что, – говорит Антон. – Они, твои собеседники, просто кретины. О какой альтернативе речь? Спорить с марксистами? Бессмысленно. Что ты им противопоставишь? Научные понятия? Строгие принципы? Доказательства? А они? Демагогию. Двуличные понятия и утверждения. Жульничество. Подлог. Поди, поспорь с Тваржинской! Я перед ней беспомощен. Слишком несоизмеримое оружие у нас. Что значат для нее мои апелляции к правилам построения понятий и теорий, к правилам прогнозирования и т.д.? Ровным счетом ничего. А вопить, брызгать слюной, впадать в истерику, как она, я не могу. И велика ли аудитория, которая поймет меня и поддержит? А у нее расчет на самую многочисленную, т.е. на самую примитивную часть населения. К тому же не забывай о мощной поддержке со стороны партии и государства.

– К тому же, – продолжал Антон после того, как я наговорил

кучу обычной казенной чепухи, – сама проблема поставлена неверно, не в той плоскости. Альтернатива марксизму есть. Вот она. Во-первых, раскол в рамках самого марксизма. Есть советский марксизм. Есть китайский марксизм. И то и другое – лишь одно название «марксизм». В рамках этого общего названия существуют принципиально несовместимые вещи. Ситуация такая, как в эпоху повсеместного господства религии искать альтернативу религии. Правильно было говорить об альтернативе, например, христианству. Теперь – об альтернативе советскому марксизму. И она есть. «Марксизм» – это просто название многочисленных разнообразных форм нынешней идеологии. Во-вторых, воплощение принципов марксизма в жизнь создает факты реальности, восстающие против него. С этой точки зрения «Гулаг» Солженицына и доклад Хрущева – мощная альтернатива марксизму. Под знаменами марксизма (вернее, марксизмов) собирается подавляющее большинство населения планеты, тяготеющее к нашему образу жизни. Для большинства из них наш уровень жизни – мечта. Нашей реальной истории они не знают. Волнующие нас проблемы для них не существуют. Определенные слои населения (в особенности – наши правящие слои) используют эти тенденции в своих интересах, раздувая безудержную демагогию. К каким последствиям это приведет мир в последующих поколениях, – мало кого волнует. Но есть в мире силы, которые сопротивляются этим тенденциям и процессам. Есть люди, которые в той или иной мере понимают суть грядущего и наступившего коммунизма. Понимают перспективы победы его в мировом масштабе. Деятельность этих людей придает антикоммунистическим силам некоторое единство и некоторую идейную окраску. Пусть это не очень определено. Но это же факт. Вот тебе третья альтернатива. Между прочим – очень перспективная. Антифашизм ведь тоже был не очень-то определенным идейно. И кстати, советский марксизм фактически не был альтернативой фашизму.

– Вот мы и договорились до некоторой определенности, – сказал я. – Где же твое место?

– Я и не скрываю свое место. Оно очевидно. Но я не хочу полемизировать с марксизмом. Любая полемика против марксизма как совокупности текстов, слов, лозунгов, речей и т.п. только укрепляет его. А я не хочу его укреплять. Я хочу рассказать людям, что такое коммунизм как образ жизни. И пусть люди сами выбирают, с кем они. Тут тебе самая мощная альтернатива марксизму: создание потока

текстов, говорящих правду о коммунизме. Из них может родиться и идеология, противостоящая марксизму как идеологии.

– Не успеете, – говорю я. – Несмотря ни на что мир поверит нам, а не вам, ибо он не хочет знать истину. А когда он начнет кое-что соображать, будет уже поздно! Не успеете!

– Боюсь, ты прав. Но для меня нет проблемы расчета. Если даже завтра коммунизм победит во всем мире, и сегодня мне никто не поверит, и голос мой не будет услышан, я все равно попытаюсь сказать то, что я увидел сам.

– Попробуй! Только дадут ли тебе?

– Не имеет значения. Я это должен сделать перед самим собой. Ты знаешь о такой штуке, которая именуется совестью?

РОДИМЫЕ ПЯТНА КАПИТАЛИЗМА

Я давно не был на площади Космонавтов и не знал, что там происходили драматические события. Я узнал о них из фельетона в «Московском вестнике». Оказывается, один хапуга из Министерства Внешней Торговли (кажется, начальник главка) решил покрыть крышу своей трех (!!) этажной дачи с бассейном (!!) не чем иным, как титаном. Нанял каких-то жуликов, и те за приличную сумму увезли к нему на дачу три крайние буквы («Да з») из лозунга. Преступление так и осталось бы нераскрытым (на лозунг уже никто не обращал внимания, привыкли), если бы не один старый пенсионер. Прогуливаясь с прапраправнучкой по площади, он и заметил, что тут что-то не так.

– Помнится, – проскрипел он, – гуляя с Ильичом вокруг этой площади, мы на этом вот месте видели... что, не помню... но определению что-то видели.

– Тут церквушка была. Тут – особняк Бегемотова.

– Знаю, знаю. Я не об этом. Тут что-то коммунистическое было.

И только тогда прапраправнучка заметила отсутствие букв. Была проведена грандиозная работа по расследованию преступления. Говорят, с космического корабля заметили сверкающую крышу на даче проходимца и сообщили куда следует. Тем самым была неопровержимо доказана практическая польза космических полетов. Поскольку титана больше уже не было, недостающие буквы пришлось сколачивать из досок и красить серой краской. Но это было уже не то.

Корытовы получили новую квартиру в «Царском селе» (так называют район Москвы, где строят дома для чиновников аппарата ЦК). На новоселье собралась публика такого ранга, что я и Фрол оказались самыми маленькими. Был и Канарейкин, который весь вечер источал слезивые комплименты моим способностям и красоте Тамары. До него, очевидно, дошли слухи о том, что мы на пути к разводу, и он всячески уговаривал меня беречь такое сокровище, поносил современных ветреных девиц («хищниц»), пел о моральном облике советского ученого. А сам, мерзавец, женился трижды и в свое время переспал со всем уборщицами, экспедиторшами и секретаршами всех ведомств, где он был начальником. На полчаса заехал даже сам вице-президент Академии Наук, а потом – Заведующий Отделом Науки. Все время, пока последний был в квартире, мы все (включая вице) стояли по стойке смирно, масляно улыбались и внимали его идиотскому лепету по поводу западной клеветы насчет якобы пошатнувшегося продольственного положения страны: стол Корытовых ломился от продуктов, о существовании которых я давно забыл. Я даже и названий-то их не помню. Особенно меня поразила свежая великолепная клубника (в это время года!). А ведь Корытов – всего лишь мелкая сошка в аппарате ЦК.

Когда самые важные гости разъехались, Корытов увел меня в свой роскошный кабинет, показал свою библиотеку, неслыханную по нынешним возможностям, и под большим секретом сообщил, что в АОН собираются обсуждать мою последнюю статью.

– Зачем, – удивился я. – Ее же обсуждали. И рецензии были. И времени столько прошло.

– В связи с твоим выступлением на конгрессе, – сказал Корытов. – Это твой друг Баранов старается. А Васькин и Тваржинская его подзуживают. Ты не бойся, это все пустяки. Тебя поддержит Канарейкин, Афонин, Сам Митрофан Лукич, кажется, не в восторге от их затей. Рецензия Еропкина, конечно, поддержка мощнейшая. Но будь готов. Наша жизнь полна неожиданностей, сам понимаешь.

– Послушайте, – сказал я, – нельзя ли отложить это обсуждение недельки на две-три. У меня обострение, завтра или послезавтра ложусь в больницу. А я хотел бы, естественно, быть на обсуждении.

Корытов сразу понял мою мысль. Через месяц выборы в Академию. Если оттянуть обсуждение недели на две, то оно автоматически оттянется месяца на два: перед выборами всем будет не до

обсуждения, Баранов сам рвется в академики, Васькину надо будет поить и кормить членов отделения, чтобы они голосовали за него, и т.п. В общем, ход верный.

– Попробую, – сказал Корытов. – Думаю, что выйдет. Между прочим, мне дают отпуск для докторской. Смешно сказать – всего три месяца. Это вы в Академии живете как у Христа за пазухой. А нам тут вкалывать приходится с утра до ночи.

Я намек Корытова тоже сразу понял. Сказал, что мы в отделе сделаем все от нас зависящее, чтобы повернуть защиту в кратчайшие сроки. Корытов дал мне папку с рукописями.

– Посмотрите там у себя, выскажите замечания, обсудите, – сказал он. – А потом позвони. Обсудим.

Было поздно. Метро уже не работало. И мы с Тamarой полчаса ловили такси. Таксисты отказывались везти в наш район, требовали двойную плату. Наконец, мы уговорили «частника». Я чувствовал себя так, как будто меня выкупали в г...е. Тамара была злая, как собака. Великолепие корытовской квартиры и стола ее выбило из колеи. На некогда красивом ее лице (говорят, она и сейчас ничего) было написано полнейшее презрение ко мне как к ничтожеству, не способному выбиться даже в член-коры.

Корытов сдержал свое обещание. Обсуждение отложили на после-выборное время. Теперь этому хитрому кретину надо будет делать докторскую. Кому же это поручить? Кому-нибудь из младших, конечно, пообещав в ближайшее время провести в старшие. Пожалуй, надо дать Канцевичу. Парень толковый, такую муть он накатает за месяц. И по справедливости ему пора в старшие. В младших он уже больше шести лет ходит.

САШКА И АНТОН

– Дядя Антон, – говорит Сашка, – чем же все-таки Ваша позиция отличается от Солженицына?

– Не порть мне сына, – говорю я.

– Я уже не маленький, – говорит Сашка. – Как-нибудь сам испорчусь. Так чем же?

– Долго объяснять, – говорит Антон. – Ну, хотя бы общим методом. Я даю противнику все преимущества, готов признать почти все, на чем он настаивает. Вы считаете, что революция была благом для России? Согласен. Партия и народ едины? Согласен. Идеология адекватна обществу? Согласен. От каждого по способностям?

Согласен. Каждому по потребностям? Согласен. Понимаешь, я признаю все то, что считают плюсами социализма и коммунизма, а не отвергаю. Я с этого лишь начинаю. И исходя из этих плюсов, я стараюсь объяснить все наши минусы. Я считаю, короче говоря, что все дефекты коммунизма (и социализма) не являются преходящими историческими явлениями или результатом невыполнения каких-то заветов, а являются продуктом воплощения самых положительных идеалов коммунизма. Понимаешь? Я считаю, что самые светлые мечты и идеалы человечества в реальном исполнении дают самые мрачные последствия. Но это не есть некая идеологическая установка или предвзятая идея. Это – вывод из определенного способа исследования общества. У Солженицына дается просто суммирование и описание фактов и некоторые навязываемые ими идеи и обобщения. Вроде таких: репрессии не случайны, кругом обман и коррупция, никакой свободы слова и т.п. У меня другой метод. В чем он состоит? В двух словах и в самом вульгарном виде поясню тебе это следующим образом. Есть законы человеческого поведения, которые я называю социальными. Они касаются поступков людей друг по отношению к другу и отдельных людей по отношению к обществу в целом и своей деятельности. И вытекают они из природы человека и одного того факта, что масса людей вынуждена жить совместно, в коллективе. Законы эти сами по себе (по отдельности и для иллюстраций) просты и очевидны. И обнаруживаются они путем наблюдений, а люди открывают их для себя в практике своей коллективной жизни. Представь себе такую картину. В каком-то замкнутом пространстве собрана довольно большая группа людей. Им в изобилии дают еду, одежду и жилище. Они все поставлены в равные условия, – равны в социальном отношении. Как, ты думаешь, они будут жить? Первым делом обнаружится то, что они различны и неравны в каких-то других отношениях. И упомянутое социальное равенство окажется неадекватным (и несправедливым) по отношению к их фактическим различиям. И очень скоро люди разобьются на группки, выделяют лидеров, выработают систему условных ценностей, которые будут отражать их реальное неравенство (дырка в носу, перо в волосах, рисунки на лбу и т.п.). Представь себе далее, что средства существования, предоставляемые людям, будут дифференцированы как неравноценные. Что произойдет? Процесс структурирования коллектива ускорится и станет ожесточеннее. Добавь к этому новое условие: средств существования не так уж много, некоторых – мало, на всех не хватает. А если, далее, эти средства существования надо

добывать трудом, и т.п. и т.д. Естественно, люди при этом будут совершать поступки, влияющие на их положение в обществе и положение других людей, – социальные поступки. Совсем немного потребуется ума, чтобы они сообразили, какие поступки упрочивают их положение, какие нет. Например, если человеку **А** предоставляется возможность совершить поступок **х** или **у** по отношению к **В**, то **А** предпочтет такой из **х** и **у**, какой ослабляет позиции **В** или усиливает их менее, чем другой поступок. Представь себе, наконец, миллионы людей, миллиарды поступков, буквально кишение человеческих мелких делишек. И люди вырабатывают для себя и перенимают от прошлых поколений правила социального поведения, обеспечивающие наиболее благоприятные условия их существования. Это и есть социальная жизнь (социальность) в чистом виде. Реальная история человечества такова, что одновременно с ростом человеческих коллективов открываются и развиваются искусственные средства, ограничивающие и направляющие совокупное действие социальных законов, социальности. Это – традиционные обычаи, мораль, право, религия, собственность, искусство и т.п. Если хочешь знать, что такое социализм (или коммунизм) как специфический тип общества, представь себе такую картину: все искусственные ограничители социальности (а это и есть собственно цивилизация) разрушены, социальные законы приобретают решающее значение, подчиняя себе все прочие стороны жизни, развивая адекватную себе систему власти, идеологии, искусства и т.д. Социализм – это есть прежде всего разрушение всех продуктов цивилизации (у нас это называют институтами классового эксплуататорского общества) и создание условий, при которых законы коллективной жизни становятся определяющими. Вырабатывается грандиозный аппарат власти, адекватный этим условиям, сам существующий по законам коллектива, самодовлеющий. Это я тебе рассказал только самые примитивные вещи, да и то в вульгаризированном виде. Но и этого достаточно, чтобы понять общую ориентацию моей концепции. Солженицын, критикуя марксизм и отдельные факты советской жизни, не видит всей ужасающей нормальности коммунизма.

– Выходит коммунизм – мразь, – сказал Сашка.

– Смотря на чей взгляд, – сказал Антон. – Коммунистический образ жизни выгоден огромной части населения страны. Подсчитай, сколько у нас министров, заместителей их, начальников главков и трестов, директоров, секретарей обкомов и райкомов, академиков, писателей, художников, офицеров и генералов и т.д. и т.п. вплоть до

милиционеров, заведующих секторами, кафедрами, домоуправлениями, складами, магазинами и т.д. и т.п. Этот строй – их строй. Здесь сравнительно легкий труд, минимальные потребности удовлетворены почти у всех, а значительная масса населения живет очень даже хорошо. Пока этот строй удовлетворяет подавляющее большинство населения. Не во всем, конечно. Но в целом и в главном.

– Значит это – хороший строй, – сказал Сашка.

– Не хороший и не плохой, – сказал Антон. – Не нужно оценок, они сравнительны и субъективны. Он такой, какой есть. Будучи таким, как я сказал, он одновременно означает господство посредственности, карьеризма, стяжательства, коррупции, халтуры и т.п. Начиная с некоторого момента все положительные качества коммунизма оборачиваются против всех тех, кто его сохраняет и упрочивает. Обнаруживается, что сытость иллюзорна, наступает дефицит хороших продуктов и вещей, снижается уровень творчества, духовные формы искусства вытесняются чисто двигательными, чувственными, погибает литература, ложь и демагогия душат на каждом шагу, кривляния чиновников становятся центральным явлением светской жизни и т.д. Неизбежно усиливает нажим система насилия, запретов, прикреплений и т.д. Всеобщая злоба и раздражение становятся нормальным фоном бытия. И люди ждут худшего. Надо тщательнейшим образом изучить все объективные механизмы нашего общества, чтобы обрести какую-то уверенность и найти программу разумного поведения с целью парализовать до некоторой степени отрицательные следствия положительных качеств коммунистического общества.

– Кое в чем, – сказал Сашка, – Ваша концепция сходна с концепцией Солженицына. Но в глубине (я это еще не совсем понимаю) они различны. Не могли бы Вы сделать более обстоятельный доклад на эту тему в нашей группе?

– Это в какой еще группе, – спросил я.

– Я неточно выразился, – сказал Сашка. – Скоро будет день рождения у одного моего товарища. Ребята интересуются такими вопросами.

– Вы доиграетесь с этими вашими «днями рождения», – сказал я. – Ты что, не знаешь разве: в Технологическом институте за такие сборища несколько человек посадили, а остальных участников выгнали. И это – не единственный случай. Надо же голову иметь на плечах! Читай дома, что угодно. Говори. Видишь – я тебе не мешаю. А на стороне... Черт знает что! Ты представляешь, чем все это кончится, если... Кончи сначала Университет...

– Да, – сказал Сашка. – Потом укрепись на работе или кончи аспирантуру. Потом – защити кандидатскую. Потом – докторскую... Потом... Потом...

– Не обижайся, Саша, – сказал Антон, – но я у вас выступить не могу. И не потому, что я согласен с твоим отцом (я с ним не согласен). И не потому, что я боюсь за себя (я не боюсь). А потому, что это глупо с точки зрения вашей безопасности. Осторожность нужна. И вести себя надо умно, чтобы тебя не раздавили в самом начале пути. Кроме того, я считаю, что полемика с Солженицыным в данное время неуместна. Солженицын выдал такую порцию пищи для размышлений, что переварить ее нужны годы. Я могу только навредить. Или буду выглядеть чем-то вроде агента КГБ, призванного хитро разоблачать и дискредитировать Солженицына. У него достаточно много идей, совпадающих с тем, что я мог бы сказать. Обдумайте их сами... И ради Бога, не придавайте своим дням рождения вид политической игры. Вас раздавят. Сколько вас? Двенадцать? В таком случае среди вас должен быть по крайней мере один доносчик. Я не хочу никого из вас обижать. Но имей это в виду. Это – тоже один из законов коммунистического общества.

Я, разумеется, потребовал, чтобы Сашка прекратил посещать эти «дни рождения». И пустил в ход последний, самый пошлый аргумент: мол, подумай хотя бы о семье, обо мне, о матери, о Ленке. Сашка обещал подумать.

– Не надо преувеличивать, – сказал он. – Если мы и треплемся, то в такой форме, что к нам не придерешься. Сейчас все так делают. Всех же не выгонишь и не посадишь.

– Как знать, – сказал Антон. – Если нужно, могут посадить и всех.

О ПРОШЛОМ ТОСКУЯ

Сейчас трудно поверить в то, что всего лишь несколько лет назад делались дела, сейчас абсолютно невозможные. В шестьдесят восьмом или девятом году (точно не помню) устроили в Институте вечер отдыха. Ребята подготовили отличный капустник. Никифоров и еще один парень (его потом выгнали из института за какие-то политические дела и засадили в сумасшедший дом) нарядились один в деревенскую девку, другой – в парня. И под баян импровизировали философские частушки. Собравшиеся буквально плакали от смеха. Сам Канарейкин просил отпечатать ему частушки на машинке. «Философическую поэму» напечатали в стенгазете. А через пару лет

какие-то подозрительные личности рыскали по институту, пытаюсь заполучить экземпляр частушек и установить авторов. И странно, ребят никто не выдал. Я тогда записал эту «Философическую поэму». Теперь я перечитал поэму, и мне стало грустно. Да, лучшая часть жизни прошла. Но дома хранить такую вещь теперь небезопасно. Надо уничтожить. Кстати, надо проверить Ленкину комнату. Не исключено, что она натащила целую антисоветскую библиотеку. С прошлым надо кончать. Прошлое уместно только в воспоминаниях, да и то в меру. А еще лучше, если о нем вообще не думать.

Вошла Ленка и собрала обрывки поэмы. Решив, что я порвал какое-нибудь свое сочинение, усмотрела в этом прогресс: до сих пор я свою писанину никогда не рвал, писал сразу, внося исправления лишь в машинописный текст или даже в верстку. За это, я знаю, научно-технические сотрудники и издательские редакторы ненавидели меня лютой ненавистью. Ленка напомнила мне, чтобы я сходил на избирательный участок. А я совсем забыл, что сегодня выборы. А кого, собственно говоря, мы сейчас выбираем? Вот тебе вопиющий пример лжи и лицемерия, на какой бы искренний лад ты себя ни настраивал, – так сказал бы Антон. И, пожалуй, Сашка. Ленка так не скажет, она с молоком матери всосала сознание, что все наши выборы – липа. и у нее нет по этому поводу ни мысли, ни эмоций. Немного юмора, и все. Эта липа никак не влияет на ее жизнь. А между тем в нашей книге будет раздел о развитии советской демократии, в котором мы будем противопоставлять нашу подлинно демократическую выборную систему лживой американской. Что это за демократия, если абсолютно никакой роли не играет, буду я голосовать или нет, проголосую я «за» или «против». От меня тут абсолютно ничего не зависит. Кандидат один (выборы из одного!). И назначается он по такой линии системы власти, которая абсолютно не зависит от избирателей. Пожалуй, я сказал неправду насчет голосования «против». Говорят, что в таких случаях выясняют, кто голосовал против и принимают санкции. Кстати, кто будет писать этот раздел в книге? Эдик Никифоров. Ну, этот выкрутится. Парень талантливый. Он такие аргументы найдет в пользу тезиса, будто наша система выборов есть вершина демократии, что даже Канарейкин попросит слегка снизить (чтобы не было лакировки действительности!). Антон, конечно, прав: мы, либералы, отличаемся от мракобесов лишь тем, что делаем то же самое дело чуточку лучше их, немножко другими методами и с большей долей стыдливости или, что то же, цинизма.

В комнате у Ленки я не обнаружил ничего криминального. Только вот это стихотворение:

– Нас обвиняют в том, что мы злодеи были.
И требуют на нас обрушить суд и месть.
Зачем?! И как узнать, что – сказки, а что – были?!
Итог смотрите! Что теперь мы есть!
– Оставить, значит, прошлое в покое?
За прошлое бессмыслен, значит, бой?
Но есть в природе правило такое:
История свой груз несет с собой.
Пускай все зло исчезло и забыто.
И ты невинным смотришь на людей.
Но то, что, кажется, бесследно было скрыто,
Отмечено на морде на твоей.

Неужели этот «знакомый мальчик» – она сама? Если это она сама, надо принимать срочные меры. Какие? Надо поговорить с Тамуркой. Она церемониться не будет. Она ей такое пропишет!.. Жаль девчонку, но ничего не поделаешь. Другого выхода нет.

ПЬЯНАЯ СТАРУХА

По дороге в больницу я опять встретил Пьяную старуху. Я остановился, но она не обратила на меня внимания. Если бы она проявила хотя какую-нибудь заинтересованность в окружающем, я отдал бы ей все деньги, какие были у меня с собой. Но она прошла мимо со своей скрипучей тележкой, как будто прошла сквозь меня, даже не подозревая о моем существовании. И унесла с собой какую-то мою очень важную нерешенную проблему. Какую? Когда я был маленький, у нас в доме проявились хомячки. Очень забавные зверьки. Меня они раздражали. И, вместе с тем, интриговали какой-то неведомой тайной. Похожее состояние стало появляться во мне теперь, когда я видел Пьяную старуху или думал о ней. Как будто я забыл что-то очень важное, но никак не могу вспомнить, что именно.

БОЛЕЗНЬ

Наша академическая больница – одна из лучших в стране. Прекрасное здание. Хорошее обслуживание. Терпимая кормежка. Но эта больница – главным образом для здоровых. Для гигантского количества врачей, выполняющих в основном чиновниче-бюрократиче-

ские функции. И для таких, как я, желающих здесь по тем или иным причинам отлежаться. Но лечить здесь не лечат. За нами тщательно следят, т.е. раз в год заставляют пройти диспансеризацию. Это значит, в определенное время мы носимся по кабинетам – от уролога к окулисту, от окулиста к стоматологу, и т.д. Мы часами сидим в очередях. Потом нам смотрят в ухо, смотрят в рот, суют палец в задницу и долго записывают в толстые книжки (истории болезней) то, что мы сами наплачем в зависимости от наших особенностей и целей. Если нужно получить справку для заграничной поездки, мы прикидываемся здоровяками, и тебе пишут «практически здоров», хотя у тебя обострение язвы. Если тебе нужно уклониться от каких-то неприятных дел, ты изображаешь у себя болезнь облюбованного тобою органа, и ложишься на обследование и «лечение». У нас в институте многие используют больницу как удобное средство решения своих дел. Но лечить здесь не лечат. Наша медицина не для того создана. Она существует сама для себя. И хорошие отношения у нее с теми, кто без труда поддается лечению. А никто так легко не лечится, как здоровый.

У меня отдельная палата с телефоном. Цветы (принесли любящие меня подчиненные). Целая библиотека книг (принесли Ленка, Сашка, Антон и те же любящие сотрудники). А фруктами, овощами и прочими редкими вкусными вещами меня завалили. Холодильник наполовину забит моими съестными припасами. Поскольку большая часть их достается обслуживающему персоналу, ко мне (по благу) пускают кого угодно и когда угодно. И мне тут хорошо. Ощущаю себя хорошим, всеми любимым и очень нужным обществу человеком.

А главное – я утер нос Баранову, Васькину, Тваржинской и прочей нечисти из их банды. До выборов обсуждения не будет.

В газете опубликовали список кандидатов в член-коры и академики. Кандидатов полно, а мест всего три (два для член-коров, одно для академиков). В академики наверняка проходит Еропкин. В член-коры реальные шансы имеют (кроме меня) еще два человека: Васькин и новый редактор нашего журнала. Меня все заранее поздравляют. Я отшучиваюсь. Но в глубине души приятно. И тревожно.

ПРОБЛЕМА СЫТОСТИ

От нечего делать думаю о книге Антона. Одна мысль в ней меня поразила больше всего. Коммунизм, писал Антон, прекрасно справляется с проблемами, доставшимися ему от прошлого или

навязанными извне, – голод, разруха, стихийные бедствия, эпидемии, – т.е. с чужими проблемами. Но собственные проблемы коммунизма возникают тогда, когда общество достигает относительной стабильности и сытости. Легче дать кусок хлеба голодающему, чем удовлетворить аппетиты сытого человека, знающего, что такое икра, балык, стерлядь, шашлык... Легче одеть мерзнущего, чем успокоить прилично одетого человека, знающего цену дорогим мехам, драгоценным камням, дорогим вечерним платьям... Легче дать крышу над головой бездомному, чем избавить от страданий человека, имеющего отдельную комнату или даже небольшую квартиру, но знающему, что другие имеют роскошные огромные квартиры и загородные коттеджи... Короче говоря, собственные проблемы коммунизма суть проблемы нормального и здорового образа жизни, а не отклонений от достигнутой и общепризнанной нормы существования. Но история не знает ни одного общества, которое было бы способно справиться внутренними силами с проблемами своего нормального бытия. Можно вылечить больного. Нельзя вылечить здорового. Все то, что теперь поносят как язвы советского строя, на самом деле суть нормальные проявления здоровой природы коммунизма. Этим моя концепция существенным образом отличается от концепции прочих критиков коммунизма.

САШКА

Сашка принес мне книгу Иваницкого, выпущенную в Париже. Это что-то вроде антиутопии в духе Оруэла. В книге есть кусок о прошедшем периоде нашей истории, который считается Золотым Веком ее. Из-за этого куска Сашка и принес книжку.

– Почитай, может быть пригодится, – сказал Сашка. – Вообще-то говоря, книга довольно скучная. Это, конечно, не Солженицын. Но отдельные мысли есть.

Когда Сашка ушел, я прочитал следующее.

Какое удивительное это было время! Теперь-то советский народ почти построил именно то, что предсказывали классики и мудрые руководители. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись. И даже уже не верится, что то время когда-то было. Старушечьи сказки все это, говорит молодежь. В магазинах продавалось мясо?! И не очень тухлая картошка? И всего час в очереди стоять приходилось? И за анекдоты не всех сажали? Не засирай нам мозги, папаша! Не маленькие! Давно из Детской Казармочки выросли!

И поди, убеди эту разъедаемую скепсисом молодежь, что все это было на самом деле. Она, молодежь, свято верит нашему гениальному Руководству, которое обещает, что благодаря непрерывному улучшению материального благосостояния общества и неуклонному укреплению демократии мы лишь в ближайшем будущем достигнем такого расцвета. А пока... Одним словом, Золотой Век впереди, а не позади, ибо такова установка. Конечно, и то время, в которое мы сейчас живем, (если, конечно, живем), тоже очень золотое. Но то, к которому нас ведет наше любимое и гениальное Руководство, к которому мы приближаемся ассип... ассимпт... амсич... тьфу, твою мать!.. не выговоришь без поллитра!.. В общем, к которому мы идем, но никогда не придем, хотя и будет казаться, иногда, что вот-вот сейчас придем... так вот, это самое время еще золотее. Оно-то и есть Золотой Век нашей истории. Оно всегда впереди, а не позади, как думают клеветники и критиканы. Впрочем, теперь это уже никакой роли не играет. Все равно теперь уже никто не помнит, где у нашей истории зад, а где перед.

Как ни мозгуй, что ни толкуй,
Не установишь разницу.
Назад посмотришь – видишь...,
Вперед – увидишь задницу.

Так что и голову ломать не надо. Теперь никаких проблем больше нет и быть не может. Слушайся начальства, умиляйся и аплодируй. Ничего от тебя больше не требуется.

ИНТЕРВЬЮ РОГОЗИНА

«Голоса» передали интервью с Рогозиным. На вопрос о положении деятелей культуры в Советском Союзе он ответил следующее. Подавляющее большинство довольно и устроено неплохо. Страдают единицы. Но эти единицы более характерны, чем десятки и сотни тысяч других. Кто они? Солженицын. Ростропович. Максимов. Неизвестный. Я уверен, что Солженицын был изгнан не столько как политический деятель, сколько как талантливый писатель. В Советском Союзе десятки тысяч писателей. Десятки тысяч посредственностей. Они не могут в своей среде терпеть действительно выдающегося художника. Ну если о Солженицыне можно спорить, то случай с Неизвестным бесспорен. Неизвестный был вполне советским человеком. За двадцать лет, однако, ни одной выставки. Почему? Потому, что выдающийся художник. Его и выжили братья художники,

несколько тысяч бездарнейших коллег. Я, конечно, не хочу и не могу себя сравнивать с этими людьми. Но социально мой случай того же типа. Как только у меня наметилась оригинальная группа, и как только работы нашей группы начали приобретать мировой резонанс, нас разгромили. И я оказался в полной творческой изоляции.

Как это ни странно, подумал я, но и в моей судьбе есть некоторая доля Rogozinskogo варианта. На наш Отдел точат зубы потому, что он приличнее всех выглядит. А обвинения в ошибках – обычный прием борьбы.

ЛЕНКА

Ленка жутко занята. Но все же забегает иногда.

– Наши идиоты, – говорит она, – окончательно взбесились. Представляешь, по-новому заставляют прочитать (как они говорят) старинную детскую сказочку «Аленький цветок». С одной стороны, чтобы был Антониони, Бергман или, на худой конец, Тарковский. А с другой, чтобы сохранить марксизм-ленинизм в действии. Ты знаешь, кто у нас будет чудище? Ни за что не догадаешься. Это, оказывается, передовой комсомолец, мелиоратор, который хочет осушить болота, а его ведьма, прислуживающая империализму, заколдовывает с помощью химии и генетики. Причем, у ведьмы явно сионистское мировоззрение. Ну, я бегу. Сегодня у меня еще репетиция будет. Готовимся к празднику победы. Грандиозное представление! Я – партизанка. Только одна беда – ребятишки наши для фашистов слишком маловаты. Я на голову выше всех. Директриса говорит, что это хорошо: советский человек должен быть на голову выше всех. Символ!

– Помнишь, когда-то ты недочитала стихотворение твоего приятеля. Как оно кончается?

– Кажется, так:

Я отвечу: когда-то меж бывших живых
Шевелились кошмарные слухи,
Будто много зазря уничтожили вы
В той открывшей наш век заварухе.
Будто много зазря постесали углов
Ради этого самого рая.
И без счету снесли неповинных голов
В гуманизм и заботу играя.

Да, мне скажут они, нету смысла скрывать.
Победителей вроде не судят.
Мы затем и ломали когда-то дрова,
Что Грядущее, верили, будет.
Заходи, как и все, и мозги не мути.
По потребности ешь. По способности делай.
А про жертвы забудь. То – издержки пути.
Даже память о жертвах истлела.
Значит были, скажу я, тогда палачи.
Значит были и те, кто страдали.
Значит будем теперь пожирать калачи,
Что в дороге другим недодали.
Не войду, я скажу, в ваш Сияющий Дом.
Лучше тут упаду, у порога.
Если все мы в него, как бараны войдем,
Повторится все та же дорога.

– Это твоего приятеля надо выпороть как следует.

– Спасибо, – сказала Ленка. – Я ему передам твое мнение. он будет доволен такой высокой оценкой. Хочешь анекдот? Пришел наш Генсек с внуком в Мавзолей. Внук спрашивает: дедушка, после смерти ты тут будешь жить? Конечно, отвечает дед, здесь. Тогда Ленин встает и говорит: что вам тут, общежитие что ли!..

И Ленка хохочет. А мне не смешно. Мне тревожно. Что с тобой будет, малышка? Защитит ли тебя твой акселераторный рост? Сумеешь ли ты выстоять, приспособиться и научиться давать сдачи?

ПРИЗНАНИЯ

Несколько лет назад мы с Тамуркой отдыхали в санатории ЦК на юге. Как-то раз валялись мы на пляже. За границей санатория народу – ногу негде поставить. А у нас на полкилометра чудеснейшего песка всего человек десять. Недалеко от нас загорали два пожилых прохиндея в высоких чинах. Они перемывали косточки высшим лицам государства в том же духе, как мы делаем это в отношении своих безвестных знакомых, рассказывали сальные истории и неостроумные антисоветские анекдоты, похохатывали. Нас с Тамуркой они просто не замечали.

– Скажи, как называется человек, который своей любовнице не делает подарки?

– Как?

– Дармоёб! Ха-ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха-ха!..

Иногда они пускались в серьезные рассуждения.

– Что творится, ... твою мать! Мы в массовых масштабах производим умных, образованных, талантливых, честных и прочая, и прочая, и прочая людей. А куда ни глянешь, повсюду процветает глупость, невежество, бездарность, коррупция, стяжательство, карьеризм ... Куда мы катимся?!

– В п...у, конечно. Со временем это несоответствие будет ликвидировано.

– Вряд ли. Еще хуже будет.

– Смотри, что считать хуже. Если это несоответствие исчезнет, то будет совсем плохо.

И они весело захохотали. Они все прекрасно видели и понимали. И находясь на высоких постах, они знали многое такое, чего мы не знаем вообще. В том числе – суммарные данные. И они не исключение. Я не встречал ни одного человека нашего уровня и выше, который не знал бы фактического положения дел. Не знают, как правило, внизу. И, как правило, не понимают. И в этом смысле социальная образованность в высших слоях выше, чем в низших. Может быть она одна и имеет реальную ценность? Антон прав, мы на нашу жизнь смотрим через сетку старых понятий и оценочных критериев. Теперьшняя молодежь ближе к реальности. Потому она чужда нам. Нам Канарейкины и Тваржинские ближе. Они сопоставимы с нами как в понятийном, так и в эмоциональном плане. Разрыв поколений не есть явление возрастное. У нас такого разрыва с предшественниками нет. И у детей наших не будет. И у детей наших детей тоже. Где-то в наше недавнее время произошел гораздо более глубокий перелом в жизни нашего общества, чем все предшествующие переломы: мы потеряли невинность, примирились с реальностью коммунизма как с нормой бытия и отбросили иллюзии. И этот перелом оставив в целостности души Канарейкиных и Тваржинских, не затронув души нынечной молодежи, прошелся по самой середине души моего поколения. И породил поколение фантастических существ – циничных идеалистов, бескорыстных хапуг, честных проходимцев и т.п. В общем, такую мразь, что даже самим нам противно.

О СМЕРТИ

Хотя я вполне здоров, но последнее время часто думаю о смерти. Иногда ночи не сплю из-за этого. Иногда я довожу себя до такого состояния, что готов кричать от ужаса и жалости к себе. И вдруг мне в голову пришла одна любопытная мысль. А почему, собственно говоря, я испытываю страх, думая о смерти? Да потому, что осуществляю недозволенную экстраполяцию своего сознания на такое состояние; когда его у меня не будет. Потому что я представляю дело так, будто меня не будет, а я в это же время буду сознать, что меня нет, и буду от этого бесконечно страдать. Но именно этого-то не будет. И я, осознав это, успокоился. И теперь мне стало легко. И я даже с юмором стал вспоминать прошлые страхи.

РАССТАНОВКА СИЛ

Социально-политическая структура нашего общества не так проста, как кажется на первый взгляд. Принято считать, например, что раз человек занимается историческим материализмом и (тем более) научным коммунизмом, то он априори консерватор и даже мракобес. Но это далеко не так. Мракобесов и среди математиков и физиков не меньше, чем среди философов. И даже среди музыкантов. Попросите, например, Колмогорова и Шостаковича подписать любое письмо, клеймящее Солженицына и Сахарова, и они подмахнут не задумываясь. А я знаю людей среди философов, которые отказались это делать, заранее зная, что будут за это наказаны. Сами физики, когда речь заходит о «порядочных» людях среди известных величин, называют два-три имени, не более. Называют обычно Капицу. А что такого он сделал? Уклонялся от гнусностей, и только. Конечно, в наших условиях это много. Но такого рода явления смазывают разграничительные линии в социально-политической картине нашего общества.

Прежде всего надо ввести понятие индивида, принимаемого в расчет. Я не могу точно определить это понятие. Могу лишь пояснить. Недавно, например, на одном из московских заводов рабочие устроили нечто вроде забастовки. Это – очень серьезное активное действие. Но эти рабочие не являются индивидами, которые надо принимать в расчет (скажем, социально-рассчетными). С другой стороны, такой человек, как Капица, не предпринимал никогда активных политических действий. Но он социально-рассчитен. Со-

циально-рассчетный индивид самим фактом своего существования и своей обычной повседневной деятельностью или регулярно совершаемыми поступками определенного рода оказывает влияние на общее состояние страны в социально-политическом аспекте. Дальнейшее различия будут относиться только к таким индивидам.

Первое разделение – вовлеченные и невовлеченные (или стоящие вне). В различных областях деятельности это разделение происходит по различным признакам. Например, у нас в философии к невовлеченным относятся такие лица, которые игнорируют марксизм, занимаясь теми же проблемами. Таких очень мало. Большинство из них настолько далеко уходит в сторону, что фактически меняют профессию и обычно выпадают из числа лиц, которых стоит принимать в расчет. Хотя они и высказываются с презрением о нашей философии и о нашем образе жизни, фактически они ничто, ибо в своей новой официальной жизни они суть заурядные индифферентные граждане. Те немногие «уклонисты», которые остаются, играют существенную роль. Они оказывают влияние на либералов (о них ниже). У нас, например, под влиянием «уклонистов» не только либералы, но даже мракобесы стремились свести ссылки на классиков марксизма к минимуму, ссылались на позитивистов как на серьезных ученых и т.п. Такие «уклонисты», как правило, являются более или менее значительными фигурами. Иногда среди них появляются активные диссиденты. Именно из этой категории вышли Сахаров, Турчин, Шафаревич, Ростропович. Многие из них эмигрировали. Характерная черта «уклонистов» – нежелание или неспособность интегрироваться с советским образом жизни и идеологией.

Второе разделение – внутри вовлеченных. Вовлеченные – это лица, по роду своей профессиональной деятельности относящиеся к числу принимаемых в расчет. Именно по своей профессиональной деятельности. С этой точки зрения, например, Шафаревич и Турчин не попадают в эту категорию, поскольку они вылезли в политику не по своим профессиональным делам, а иначе. А зато Неизвестный, Тарковский, Максимов, Окуджава и многие деятели искусства были вовлечены в социальную деятельность через свои профессиональные дела. Вовлеченные разделяются (грубо говоря) на «либералов» и «консерваторов». Опять-таки довольно трудно (если вообще возможно) дать точное определение этих категорий. Грани между ними расплывчаты, изменчивы, почти неуловимы. Но можно дать некоторое примерное описание, привести примеры. И этого будет достаточно. Характерный пример «либералов» – поэт Твардовский. В

академических кругах таким был Несмеянов. Менее известен академик Румянцев. Он был в свое время крупным партийным деятелем, потом вице-президентом Академии. В самые либеральные годы он покровительствовал конкретной социологии и на этом «погорел», – его сняли с поста вице-президента и директора Института конкретных социальных исследований. Либералом стал Хрущев. И даже Брежнев в какой-то мере по инерции еще нес на себе печать либерализма. Либерал отличается от консерватора не столько тем, что консерватор требует сажать, а либерал против, – и либерал может сажать не хуже консерватора, и консерватор может критиковать «культ личности», – сколько чисто личной склонностью к некоторым послаблениям во всем, к несколько большей человечности и мягкости, культурности и легкости, расслабленности и разболтанности.

Либералы, как и консерваторы, неоднородны. Для некоторой их части либерализм есть просто черта характера, которую стало возможно проявить или приобрести в послесталинское время. Для другой части либерализм есть удобное средство самоутверждения и карьеры. Для третьей части – дань моде и времени. И лишь для незначительной части это – нечто принципиальное. Все либералы за советский образ жизни. Они лишь против крайностей и за улучшения. Причем, за улучшения с целью укрепления советского строя. Они обвиняют консерваторов в неспособности как следует (в соответствии с требованиями времени) служить делу коммунизма. Они считают, что они это дело могут делать лучше. Либералы есть даже среди работников аппарата ЦК и КГБ. Какое-то время ходили слухи, будто КГБ – самая либеральная организация у нас. Либерализм – это стремление советского общества чуточку свободнее вздохнуть, используемое определенной категорией лиц в своих эгоистических целях.

Из числа либералов выталкивается небольшое число лиц, которые по тем или иным причинам не могут интегрироваться с советским строем жизни. Характерным примером на этот счет является Неизвестный, который был вытолкнут из советской жизни усилиями коллег за то, что оказался слишком талантливым и оригинальным и приобрел большую известность на Западе. А он был в высшей степени советским человеком, и по способности приспособиться к нашим условиям мог дать сто очков вперед кому угодно. Таким стал Рогозин. По-моему, такими остаются Окуджава и Тарковский, хотя они не эмигрировали.

Наконец, если взять общество в целом, то очень небольшая часть лиц выталкивается на роль оппозиционеров, борцов за справедливость,

обличителей. Их имена хорошо известны. Их влияние на все советское общество огромно, хотя его и стараются всячески скрыть. Деятельность Солженицына и Сахарова – это целая эпоха в социально-политическом развитии советского общества. Кстати сказать, Солженицын выталкивался на роль оппозиционера не только по содержанию своих сочинений и речей, но и как талантливый писатель. Огромная армия бездарных наших писателей выбросила его вон из своей среды, чтобы он не портил привычного их образа жизни и принятых критериев оценок.

Я обдумывал это все (больничное безделье располагает к таким размышлениям) совсем забыв о том, что основу для этого я взял все из той же книги Антона. Когда я это заметил, я сказал себе: а при чем тут Антон, я и без него додумался бы до этого, это же очевидные тривиальные истины. Но и это были слова Антона. В предисловии к книге он писал, что видит свою задачу не в открытии сенсационных тайн советского общества, а в некоторой систематизации очевидных и общеизвестных вещей и в отыскании их закономерностей.

АНТОН

Пришел Антон. Сказал, что на кафедре философии в ВПШ меня поносили. Все за то же – за формацию.

– Это ты меня сбил с панталыку, – шутя сказал я.

– Знаешь, в чем твоя главная слабость, – сказал он. – В половинчатости. Бить тебя все равно будут. И после выборов побьют, это очевидно. А за что? За пустяки. Если уж быть битым, так за дело. Надо было идти до конца. Тогда может быть и бить не стали бы. Растерялись бы и промолчали. Не выгодно было бы бить. Как с Лебедевым.

– Я остановился на полпути, как ты считаешь, не по глупости и не по трусости, – сказал я. – Ты-то знаешь, что я не трус. Не убеждает меня твоя концепция! Ты считаешь, что некие универсальные социальные законы, лишённые ограничителей, выработанных прошлой историей цивилизации, определяют суть и все стороны жизни нашего общества. Но как? Это же надо доказать.

– Это нельзя доказать, – сказал Антон. – Это надо увидеть. Затем исследовать общество в этом разрезе. Затем построить теорию или серию теорий по правилам построения теорий в опытных науках. Проверить теорию на фактах и т.д. Ты сам все это прекрасно знаешь.

– Ну поясни хотя бы примерно, чтобы я смог увидеть, – сказал я.

– Это тривиально, – сказал Антон. – Я не понимаю, почему ты не видишь сам У тебя же голова на десятерых. Возьми любое значительное учреждение и посмотри на структуру коллектива людей. И посмотри, что в этой структуре идет от интересов дела, а что от чего-то другого. Сектора, отделы, институты... Что тут обусловлено законами физики, биологии, языка и т.п., которые призвана изучать наука? Ничего. Интересы управления? Конечно! А что это такое? Дело? Это и есть социальная жизнь как таковая. А раздутые штаты, – это от того же базиса?? А лень? А халтура? А безответственность? Даже твои производительные силы испытывают определяющее влияние законов социальности. Проследи состояние и эволюцию нашей промышленности, и ты найдешь на всем их печать. Даже космические полеты продиктованы ими, а не потребностями производства. Я уж не говорю о таких вещах, как чудовищный паразитизм большей части населения, низкая производительность труда, прикрепление населения и т.д. А возьми всю сферу культуры. Что ты высосешь из того, что у нас – общественная собственность на средства производства, нет эксплуататорских классов и т.п.? А пойдя путем, о котором я тебе твержу столько лет, и все становится прозрачно ясным. И с точки зрения механизмов. Шестьдесят тысяч бездарных и среднеспособных писателей, неплохо живущих при этом строе, поддерживаемые мощным партийно-государственным аппаратом, тоже неплохо устроившимся, сломают шею любой попытке создать правдивую и талантливую литературу. С Солженицыным расправились главным образом не потому, что он разоблачал, а потому, что он талантливо делал это. И по содержанию. Есть человеческие проблемы, возникающие в силу наличия в обществе актуально действующей системы нравственности, и проблемы, возникающие в силу отсутствия таковой. Лишь первые образуют основу духовно великой литературы. Донос, измена, предательство, обман и т.п., например, не рождают проблем, достойных быть проблемами великого искусства, в обществе, в котором нравственность не образует социально-значимого механизма. Великое искусство есть порождение нравственной цивилизации, есть одно из ее средств. Потому у нас нет и не может быть великого духовного искусства. Мы можем заставить всю страну плясать, кататься на коньках, петь в хоре. Но мы не допустим, чтобы их у нас появлялись великие писатели типа Достоевского и Толстого. Да что говорить. Фактов в избытке. Они сами просятся в науку. А мы всеми средствами отбиваемся от них.

Пришли Сериков, Новиков и Светка. Рассказали о ходе дел над книгой. Оказывается, дела идут как следует. И даже лучше. Так что мое отсутствие сказывается благотворно. Потом они рассказали последние новости и сплетни. У Сидорова из сектора этики украли дубленку. У Китаевой ревизия обнаружила махинации на тысячу рублей с профсоюзными марками. Институт кипит. Китаева в институте больше двадцати лет. Старый член партии. Начальство хочет ее спасти как ценного работника (как стукача?), а низы требуют крови. Приехала делегация из Югославии. Очень хотели встретиться со мной. Тваржинская усмотрела в этом криминал, ибо югославы, как известно, все ревизионисты. Карасева опять не выпустили за границу на симпозиум, а там из-за этого был маленький скандалчик. Новый ученый секретарь задержал институт бумажной формалистикой. Начинают копать под диаматчиков, ищут позитивистские шатания. В общем, маразм крепчает. Все уверены в том, что я пройду в член-коры. Поговаривают о том, что пора наш Отдел превращать в самостоятельный институт.

– И устроить погром, как у социологов, – смеюсь я. – Надо сначала пару коллективных книжек выпустить серьезных, несколько сборников и индивидуальных монографий. Года через два можно будет и об институте вопрос поставить.

Потом рассказали мне последние анекдоты. И все – о съезде. Приходит ребенок из детского сада, плачет, говорит, что больше туда не пойдет. Почему, спрашивают его. А потому, говорит, что воспитательница нас все время пугает: съест капеесес, съест капеесес! Или такой: при входе во Дворец съездов люди спрашивают у делегатов, нет ли лишних билетиков. Зачем вам, удивляются делегаты. А тут комедию смешную показывают, говорят люди.

– А вот отгадай, – говорит Новиков, – что это такое...

Он двигает рукой сверху вниз и чмокает губами. Я. конечно, не знаю...

– Это прибытие партийно-правительственной делегации.

А Сериков прочитал стихотворение:

Обижается народ:
Мало партия дает.
Наша партия не б...ь,
Чтобы каждому давать!

В общем, было очень весело. После того, как они ушли, появился

Дима. Привез ужасно много еды и подробнейший отчет о процессе Хлебникова. Тот отделался пустяками: всего пять лет. Разговорились о диссидентах вообще и пришли к единодушному заключению: советское диссидентство теоретически выделяется из общего либерализма лишь степенью своего негативного отношения к советской реальности, а не продуманностью некоей позитивной программы преобразований. Зато полностью разошлись в оценке их практической деятельности. Дима возвел их в ранг героев, а я сказал, что они – спекулянты на ситуации определенного рода, что они думают не столько об обществе, сколько об удовлетворении своего тщеславия. Дима сказал, что думать так – пошлость. Однако разумных аргументов Дима не привел. Конечно, среди них есть героические личности. Но не они определяют общую картину. Дима сказал, что если даже у них тысяча человек будут прохвосты, и лишь один – герой, все равно этот один придаст целому героическую окраску. Я этого понять не мог. И мы стали говорить о каких-то пустяках.

ВО ИМЯ НАРОДА

– Трудиться и жертвовать собой, – говорить Сашка. – А ради чего? Во имя народа, говоришь? Народу служить? Демагогия это, и ты сам прекрасно знаешь. Сталин со своей бандой творил мерзости во имя народа. И сотни тысяч его подручных убивали и терзали людей во имя народа. И нынешние сотни тысяч хапуг и карьеристов творят во имя народа.

– Не все же хапуги и карьеристы.

– Не все. А много ли ты среди своих знакомых назовешь людей иного рода? А ты спроси их, во имя чего они такие? А что такое народ? Население?

– Нет, конечно, не население. Народ – категория социальная. Видишь ли...

– Вижу. В прошлом веке это еще имело смысл. А теперь не то. Рабочие? Крестьяне? Уборщицы? Солдаты? Канцелярские служащие? Студенты? Учителя? Где он, твой народ как социальная категория?! Те, кто хуже всех живет? Хорошенькая категория! Чем рабочие хуже живут, чем дядя Антон? Ты сам писал, что уровень жизни больших масс населения определяется характером социального строя общества. Правда, ты писал, что у нас высокий уровень, растущий и перерастающий. Хотел бы я знать, ты это написал после того, как за картошкой ходил или до этого?! Солженицын прав: надо в

корне менять всю систему наших понятий, оценок и целевых установок. Требование свободы слова – реальность. Долой цензуру – реальность. Свобода эмиграции – реальность. Гласность – реальность. А это все нечто иное, чем «во имя народа». Думаю, что и «народу» от этого будет лучше. Правда, те, кто такие требования выдвигают, душатся от имени «народа», во имя «народа» и силами самого «народа». А работа во имя общества, Государства, Партии есть просто циничный карьеризм или тупость.

– Ты сам все понимаешь. О чем же говорить?! Мое мнение для тебя – нудная холуйская философия. Чего же ты хочешь?

– Не знаю. Не знаю. И потому злюсь. Окончу Университет. А дальше что?

– Хотя бы просто жить, как все живут.

– Просто жить у нас нельзя. А жить, как все, значит изворачиваться, толкаться и пролезать. Ты пробовал когда-нибудь просто пожить? Не считая санаториев, конечно? У нас нельзя жить, не функционируя. Чтобы «просто жить», нужна некоторая независимость человека от общества. Свобода жить по своему усмотрению нужна. Пусть в рамках права и морали, но до некоторой степени независимо от коллектива, к которому ты прикреплен.

– Ну, не всегда же ты к нему прикреплен.

– Всегда. Даже в постели. Даже в туалете. Он незримо держит тебя под своим постоянным контролем.

– Такую независимость надо завоевать.

– Как? Делать карьеру? Это же не независимость. Становиться гением и обретать известность? Не всякому дано. А если ты средний заурядный человек?

– И что же ты все-таки предполагаешь делать?

– Точно не знаю. Ориентировочно – попробую на несколько лет податься на какую-нибудь стройку. Допустим – на БАМ.

– Ты с ума сошел!

– Для других – это подвиг, а для своего сына – сумасшествие? Это нечестно. Ладно, не бойся. Я действительно пока еще не сошел с ума.

Разговор этот меня сильно расстроил. И не перспективой Сашкиной судьбы. Он парень крепкий, выстоит. А самим содержанием проблемы. Принято думать, что наша идеологическая пропаганда – пустое дело. Мол, всем известно, что это брехня, не имеющая никаких существенных последствий по ее содержанию. Мол, собака лает – ветер относит. Но это – глубочайшее заблуждение. Это только так

кажется, что наша идеология оставляет души людей нейтральными или вселяет в них скептицизм и презрение. Есть формальный аппарат действия идеологии на человеческие души, не зависящий от конкретности ее содержания. Сам факт ее существования и способ воздействия. Этот аппарат совершенно неуловимыми путями плетет в человеческом сознании тончайшую сеточку, в которой затем бьется и трепещется зародившееся человеческое «я». И когда это «я» созревает, бывает уже поздно. Оно оказывается плотно опутанным этой незримой сетью идеологии. Требуется исключительные обстоятельства, чтобы разорвать ее или не допустить ее появления в твоей душе. Это дано немногим. Сашка хотя и рыпается, но уже попал в эту сеть. И не вырвется из нее, я это чувствую, никогда. Это, пожалуй, к лучшему. В гении он не выйдет. А в диссиденты не стоит труда выходить. Тоже скучно.

ТРАДИЦИЯ И СИСТЕМА

Пришли Ступак, Никифоров и еще одна наша молодая и младшая сотрудница. Принесли бутылку коньяка. И мы ее тут же выдули. Рассказали о новой системе прохождения монографий и сборников и о новой системе защиты и подготовки диссертаций.

– Ого, – сказал я. – Теперь на паршивую брошюрку надо убить лет пять как минимум, а диссертацию защитить практически невозможно.

– Смотря кому, – сказал Ступак. – И старая система была почти такая же. Суть дела не в этом. Раньше сложилась некоторая традиция вопреки формально-бюрократической системе. Конечно, в этой традиции руки грели проходимцы. Но проскакивало и кое-что приличное. Факт остается фактом, за эти годы у нас напечатали несколько десятков книжек и статей вполне на уровне мировой продукции такого рода, а из защитившихся можно отобрать десятка три, из которых можно было бы создать первоклассный институт, неизмеримо более продуктивный, чем наш полутысячный. Эта новая система означает: разгром традиции шестидесятых годов. Прохиндеи все равно будут печататься и защищаться, как и раньше. А приличным людям теперь об издании книжек и о защите и думать нечего.

Потом рассказывали анекдоты. Потом говорили о повышении цен, о процессе над Хлебниковым, об учащающихся фактах ограбления квартир, о бюрократической системе, которую раздули в Институте.

О ЛИТЕРАТУРЕ

Сашка принес мне новый роман Тикшина, по которому сейчас вся Москва с ума сходит.

– Прочитай обязательно. Потрясающая книга. Тут такие кошмары показаны, что порой даже Солженицын кажется пресным. И сумел пробиться человек. Напечатали!

Я прочитал книгу с большим трудом. И особого восторга не испытал. Накручено-наверчено в современном стиле. Психоанализ с небольшим опозданием (как говорит Ступак, с опозданием на советскую власть). Неореализм с опозданием на все послевоенное время. Герои мучаются и мучают друг друга. Почти все полные ничтожества. Есть и порядочные. Есть и способные. Но в чем их порядочность и способность, из книги не видно. Об этом просто говорится. Герои раздвоены и борются в себе, не отдавая себе в этом отчета. Послевоенные события в нашей среде изображены как мелкие интриги на уровне кафедр, факультетов, институтов. Зависть, сведение счетов. Есть, конечно, и намеки. Я все эти события помню хорошо, сам в них участвовал. Все было куда проще, прозрачнее и без всякой психологии. И ничто никого не удивляло. Бить? Извольте! И никаких проблем. Кого? Можно и этого. За что? Можно и за это. И опять никаких проблем. Один из главных героев книги, беспринципный и бездарный проходимец кончает тем, что спивается и опускается на самое «дно» – становится грузчиком в мебельном магазине. Это уж совсем комично. Так не бывает. Это не отвечает и духу нашего общества. Проходимцу с высшим образованием не надо опускаться на «дно». Он может прекрасно спиваться и на высоких должностях, которых у нас великое множество. У нас так и делают очень многие (вплоть до верхов) – спиваются в кабинетах, в шикарных квартирах, на дачах и даже на официальных приемах. К тому же грузчик в мебельном магазине – это еще не «дно». Да и вообще, бессмысленно говорить о «дне», когда все живем на этом самом «дне».

Пришел Антон, увидел книгу и рассмеялся.

– И ты туда же? Не удивляюсь, если скоро увижу тебя завсегдаем «Таганки». Прогресс!

– Неплохая книга. Очень современная. И смелая. И видишь – напечатали же!

– Вот именно, напечатали. Сейчас такое часто печатают. Мол, глядите, мы не боимся правду показывать. Милый мой кандидат в

член-коры! Кому-кому, а тебе-то должно быть хорошо известно, что наша власть и представляющая ее цензура имеют интуицию на настоящую литературу. И если уж они пропустили – ищи изъян. Конечно, в этой книге по мелочам многое верно. Много метких наблюдений. Образы отдельные получились. Но в целом и в главном это обычное советское вранье, допущенное цензурой. С намеками, с кукишами во всех карманах, но вранье. Тут накручено намеренно: показать, что в жизни все переплетено в сложный клубок! Чуть! В нашей жизни все прозрачно, как в казарме или в конторе. А если есть сложность какая-то, так от нашего привычного бардака и от бесполковости, а не из принципа. Скажи, были у тебя когда-нибудь трудности в понимании наших людей и ситуаций, порождавших драму? Никогда? И у меня никогда. Мы влипали в неприятности, но не потому, что сложны люди и ситуации, а лишь в силу вероятностной бесконтрольности и контролируемости бытия и по своему желанию того же сорта. У Тикшина герои раздвоены и борются в себе. И продуктом этого являются те или иные внешние конфликты и процессы. А на самом деле как? Идет борьба между людьми и группами людей. И вытекает она не из состояний индивида, а из самого факта совместного существования больших масс людей в условиях советского общества (индивид все добывает через коллектив, продвигается и творит через коллектив, подвержен его власти и т.п.; общество не имеет нравственного сознания и поддерживающих его институтов; нет правовой защиты индивида; индивид прикреплен; нет свободы выбора и т.п.). Индивид лишь рефлектирует в себе условия советской жизни. И в массе он адекватен им. Неадекватные же погибают, – рыба не может долго жить вне воды. Есть, конечно, у людей свои личные проблемы. Но у нас они просты, прозрачны, примитивны, стандартны. Они не предмет для литературы сами по себе. Описывать переживания по их поводу – все равно, что описывать переживания по поводу выпадения волос, запора или потери сексуальных потенций с возрастом. Предмет настоящей литературы – их обычность, серость, заурядность. И о них тогда надо говорить как-то иначе. Например, в форме исследования, как это сделал Солженицын в «Гулаге». Кстати, «Гулаг» – не столько исторический документ, сколько гениальное художественное произведение, использующее исторические факты. Мы же с тобой прожили жизнь именно в то время и в той среде, о которой пишет Тикшин. Так ли это было? Нет, не так. Не хуже и не лучше. Просто не так. И если уж говорить обо всем, что было на самом деле, так надо говорить

прямо, без намеков. Да, был проект массовых репрессий против евреев, и наш знакомый Чесноков целую книгу подготовил, оправдывающую это, за что и был возвышен Сталиным. Проект лопнул Почему? Какие-то глубинные драматические процессы сработали? Ничего подобного. Бездушный расчет. Невыгодно оказалось. А так, дали бы сигнал, за милую душу прогнали бы евреев по улицам Москвы. И в Сибирь. Убоялись аналогии с фашизмом. Мы же тогда выступали в роли избавителей человечества! Кампания против космополитов? Широко организованная кампания, как и все прочие. Указание свыше, на местах готовы исполнить, жертвы намечены, энтузиастов хоть отбавляй. И никакой психологии, кроме страха, злорадства, стремления выкрутиться. Надо описать общий механизм дела, – это и будет правда. А описывать жизнь муравейника или скопища мышей через психологию отдельного муравья или мыши... Я не имею ничего против Тикшина. Писатель он неплохой. Но ведь он – лауреат. О нем много пишут. Это характерно. Подлинную правду у нас убивают и замалчивают.

– Ты, как обычно, перегибаешь палку. Что же, у нас не может быть настоящей официально допущенной литературы? Остается же бытовая жизнь. Любовь. Семья. Приключения. Романтика. В общем, все то, о чем обычно пишут писатели.

– Ты марксист, а принципы свои в отношении нашего общества никак признать не можешь. Семья, любовь, дружба, романтика, приключения и т.п., – все это суть советская семья, советская дружба, советская романтика, советские приключения и т.п. Возьми, например, космические полеты. Героизм! Но ведь дело же не обстоит так, будто это делают энтузиасты-добровольцы на свой риск. Их тщательно отбирают! И по анкетным данным прежде всего. И по иным соображениям, не имеющим отношения к делу. Бабу запустили. Зачем? Первая женщина-космонавт – наша. Это подтверждает и все такое прочее. Много среди космонавтов евреев? Скажут, евреи трусят, как во время войны. А ведь вранье. Ты же сам знаешь. Брось клич: евреи, кто хочет в космос?! И отбою не будет. И тогда скажут, что выгодно. А ведь на самом деле выгодно. Много ли космонавтов погубило? А вознаграждение какое?! Быть космонавтом у нас – это, брат, высокая политика. Дружба? Случись что, все твои друзья из Отдела бросят тебя немедленно. И Светка. И Новиков. И Сериков. И Иванов. И Корягов. И Курицын. В советских условиях дружба вытесняется взаимной полезностью и сговором особого типично советского типа, – мелкого какого-то и пошлого. Липкого. Ты это сам же знаешь лучше меня.

– Это все мне ясно. Что же, теперь писателю и писать ни о чем нельзя? Правду напишет – прихлопнут. А врать – нехорошо.

– Я не запрещаю им писать. Они же пишут. Много и охотно пишут. И врут добровольно и иногда с увлечением. Я только мнение свое высказываю.

СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

– Как книга?

Антон только махнул рукой. И мне стало его жаль. Все-таки я добрый человек. Это-то меня и сгубит. А книга, честно говоря, написана неплохо. Если она выйдет, это будет заметное событие.

Почти треть книги Антона посвящена перспективам коммунизма. На эту тему мы говорили с ним мало, обычно в форме шуток или угроз. Я «острил» на уровне журнала «Крокодил»: погодите, мол, доживем до коммунизма, тогда покажем свои способности насчет потребностей. Антон в таких случаях говорил, что коммунизм с этой точки зрения строится сравнительно быстро и легко, и в этом его великая привлекательность для широких масс плохо живущего, угнетенного, отсталого и т.д. населения. Но через два-три поколения, когда население становится почти поголовно грамотным, забывает о голоде и изнурительном труде, начинает мало-мальски прилично одеваться, в общем – обретает хороший сравнительно с недавним прошлым быт, начинаются специфически коммунистические проблемы. Людям уже наплевать на то, что было до революции. Они черпают оценки из современных им сравнений. Сравнение с прошлым раздваивается. Официальная пропаганда тянет из прошлого все плохое, чтобы убедить население в том, что оно живет прекрасно. Недовольные тянут из прошлого все хорошее, чтобы подчеркнуть свое бедственное положение. И те и другие фальсифицируют прошлое хотя бы уже тем, что берут его односторонне и в современных оценочных категориях. Но это нормально, ибо апелляции к прошлому являются лишь подспорьем в оценках современности.

Однако как только мы приближались к самой позитивной характеристике специфически коммунистических проблем и перспектив их решения в будущем, разговоры наши обычно обрывались или вырождались в мелкую склочность по поводу неудачного языкового оформления мыслей. А в концепции Антона, судя по всему, именно вопрос о будущем коммунизма является центральным, поскольку он лишь начинает с того, до чего так или иначе добираются критики и апологеты коммунизма.

Я очень бегло просмотрел этот раздел книги Антона, но успел составить себе некоторое (правда, отрывочное и неполное) представление об этой части его концепции. Антон отказывается рассматривать будущее Советского Союза в том духе, как это делал Амальрик. Он вообще ничего не говорит об исторической судьбе того или иного народа или государства и о последствиях взаимоотношений их. Он рассматривает лишь тенденции, которые уже обнаружили себя более или менее явно и которые вытекают из самого существа коммунистического социального строя жизни. Вот основные из них.

Расслоение общества и наследственная преемственность слоев (местами – вплоть до наследования профессий). Наследование своего положения в обществе производится не по праву рождения (такого нет), а по реальным возможностям родителей. Дети лиц из высших слоев общества лишь в порядке исключения опускаются в низшие слои, а дети лиц из низших слоев лишь в порядке исключения пробираются в высшие слои. Конечно, между соприкасающимися слоями случаи перехода из одного слоя в другой более часты. Можно вычислить коэффициенты такого взаимопроникновения. Поскольку имеет место иерархия слоев, возможности перехода из слоя в слой с увеличением расстояния между ними сокращаются. Даже в нынешних еще очень подвижных условиях расслоения общества в Советском Союзе наметились некоторые очертания слоев и появились серьезные затруднения для перехода из низших слоев в высшие и эффективные возможности удержания детей на достаточно высоком социальном уровне.

В этом месте я подумал о том, что приложу все усилия к тому, чтобы Ленка получила высшее образование, и не какое-нибудь, а «перспективное», чтобы Сашка устроился на приличную работу с перспективой роста. У кого из наших знакомых дети ушли в рабочие, в мелкие конторские служащие, в учителя и т.п.? Ни у кого! Дети наших академиков в большинстве бездарны (если не сказать большего), а все прекрасно устроены. Эта тенденция очевидна для всех. Но о ней все молчат так же дружно.

Антон дает классификацию слоев коммунистического общества. Он различает высшие, средние и низшие слои. Внутри каждого слоя имеет место своя градация. В основу членения он кладет принцип опосредствования и дискретности. Это – довольно хитроумные математические штуки, я их не понял. В самом простом виде это что-то вроде следующего. Разделение слоев есть нечто, закрепленное также в сознании людей и благодаря сознанию. Поскольку в большом

обществе реально имеет место некоторая непрерывность в жизненном уровне и образе жизни, то для осознания своего отличия от более низкого слоя требуется посредник, промежуточное звено, делающее дифференциацию общества более четкой. Но дело, конечно, не только в этом. Имеются признаки, проводящие принципиальную грань между упомянутыми тремя слоями. Эти признаки касаются всех существенных сторон жизни индивидов, – распределения материальных и духовных ценностей, времяпрепровождения, медицинского обслуживания, правовой защиты и т.п. Сейчас еще часто встречаются случаи, когда представители низшего слоя живут лучше, чем представители высшего. Такие случаи будут всячески преследоваться и устраняться (это делается и сейчас).

Сейчас имеет место несоответствие культурного уровня представителей данного слоя социальному рангу слоя. Особенно ярко это сказывается в том, что у нас довольно высок культурный уровень низших и средних слоев некоторой части интеллигенции и крайне низок культурный уровень правящих верхних слоев. Это явление преходящее. Уже сейчас заметна сильная тенденция повышения культурного уровня высших слоев (специальные школы, знание иностранных языков, доступ к лучшим произведениям современного искусства и т.д.). Два-три поколения сменятся, и главными потребителями и ценителями высших продуктов культуры станут почти исключительно высшие слои общества (как это и было всегда). Уже сейчас проводится жесткая политика «культура для народа», которая вполне устраивает низшие слои общества, – политика создания низших (в демагогии – «высших») форм культуры для низших слоев. Было бы смешно надеяться, что кормя «народ» пищей значительно худшей, чем едят сами высшие слои, они станут питать «народ» духовной пищей более высокого уровня, чем потребляют сами. Уровень духовной пищи средних слоев (куда входит многомиллионная армия врачей, учителей, инженеров, техников, научных работников, офицеров и т.д.) немного выше, чем у низших слоев. Им кое-что подкидывают сверху. Сейчас они еще ухитряются урвать себе сами. Но дело идет к тому, что их загонят в жесткие рамки «законной» для них культуры. Да и они сами не особенно рвутся к современным, вершинным или по крайней мере растущим явлениям в культуре. Итак, тенденция к установлению соответствия уровня культуры рангу социального слоя.

Территориальное и производственное прикрепление лиц низших слоев общества. Это прикрепление сейчас очевидно. Оно затрагивает и более высокие слои общества. Но они имеют некоторые возможности

преодолевать это: переводы по работе, командировки, средства транспорта, учеба, браки и т.д. Коммунистическое общество располагает мощными средствами прикрепления независимо от размеров страны: система распределения жилья, повышения зарплаты, премии, детские учреждения и т.п. Не говоря уж о системе прописки. Не следует забывать о том, что социальные процессы в обществе тесно связаны с биологическими: наиболее ценные в биологическом отношении индивиды имеют больше шансов повысить свой социальный уровень (выгодный брак, успех в спорте и т.п.). Так что происходит сильнейшая биологическая селекция населения по социальным слоям. Думается, что со временем даже высшие руководители страны будут выглядеть приличнее, чем сейчас. Во всяком случае, если взять всю массу слоя, то уже сейчас заметно некоторое увеличение роста и улучшение физиономий в высших слоях. У нас тормозом к биологическому совершенствованию высших слоев являются некоторые пережиточные явления (вроде «пролетарского» происхождения, «здоровой» социалистической семьи и т.д.). В исторически сложившихся условиях возникновения коммунистического общества имеются мощные факторы, препятствующие реализации этой (и других) тенденций. Но это – вопрос времени. Сейчас, например, действует установка препятствовать поступлению в высшие учебные заведения детям интеллигенции сразу из школы. Но практически эта установка не выполняется. Она лишь способствует расцвету системы коррупции и блата в этом в высшей степени важном звене нашей жизни.

Унификация системы власти. Эта тенденция тоже очевидна, поскольку система выборной власти у нас – типичная липа. Сохранится огромный паразитический институт «выборной» власти или нет, зависит от обстоятельств. Крайне сложная и громоздкая система власти. Для чего? Имеется несколько причин для этого. В частности, интересы воспроизводства правящего слоя. Сведение функций власти к крайней примитивности и устранение риска (система личной безответственности и ненаказуемости). Уже сейчас функции власти реализует по крайней мере пятая часть населения (вместе с членами семей). Это – десятки миллионов людей. Но система власти не есть слой. Членение на слои идет в ином разрезе. Власть сама членится на слои. Например, участковый милиционер принадлежит к более низкому слою, чем профессор, живущий в его участке.

В таком духе Антон прошелся по всем сторонам жизни коммунистического общества. Описал тип экономики, тип права, тип искусства и науки, тип идеологии, систему воспитания детей, распре-

деления, личных отношений и т.д. Когда я просматривал книгу, мне сначала показалось, что он специально собрал худшие проявления нашей жизни и возвел их в ранг общественного закона. Но вскоре я заметил, что он вовсе не расценивает это как нечто плохое или хорошее, он просто констатирует это как факт и приводит аргументы в пользу тезиса об органичности всего этого коммунистическому устройству общества. На одной еще тенденции стоит, пожалуй, кратко остановиться. Но сначала пару слов о коммунизме как социальном типе общества, раз уж об этом я упомянул.

Антон определяет коммунистическое общество через его ячейку – отдельное целостное учреждение (завод, институт, контора, воинская часть, школа и т.п.). Эта ячейка имеет определенную структуру. Общеизвестно, какую именно. Существенно здесь то, что индивид отдает свои силы обществу и получает все от общества через эту ячейку и все индивиды с этой точки зрения поставлены в одинаковое положение. Общество в целом есть совокупность таких ячеек. И объединяются они в целое посредством социальных механизмов такого же ячеечного типа. В силу огромности общественного организма происходит его дифференциация по общим законам дифференциации больших систем социальных индивидов, но в рамках условий, общих стране в целом с каждой ее клеточкой. И затем исходя из некоторых очень простых правил взаимоотношения индивидов в ячейках такого рода, Антон выводит необходимые тенденции, о которых я частично уже упоминал. И среди них – тенденция к массовым репрессиям, о которой стоит поговорить особо. Сейчас, в связи с книгами Солженицына, – это одна из важнейших тем размышлений в мире.

Массовые репрессии. Во-первых, они открыты и апробированы. Во-вторых, их можно осуществлять безнаказанно. В-третьих, они полезны во многих отношениях: расправа с инакомыслящими и конкурентами, поддержание порядка, борьба за посты, бесплатная рабочая сила и т.д. И в-четвертых, в современном обществе постоянно возникают задачи, которые можно решить только массовым принудительным трудом. Это, пожалуй, главное. Такого рода задачи не случайны. Современные гигантские общества не могут существовать без их решения. Частично эти задачи могут быть решены в такой форме, что принудительный характер массового труда остается скрытым. Это, например, призыв молодежи в армию и использование армии как рабочей силы; строительные студенческие отряды; поездки сотрудников городских учреждений на уборку овощей в деревню; комсомольские

призывы на «великие» стройки и т.п. Но это – полумеры. При этом нужное количество добровольцев не наберешь. Нарушается нормальный ход основной работы. А главное – эти люди приносят с собой привычные представления об условиях жизни, которые надо удовлетворять в какой-то мере. И не на любой работе и не в любых условиях можно использовать такую армию работников. Нужна постоянная огромная армия работников, содержание которой обходится дешево, которую можно использовать где угодно и как угодно. А места возможного использования ее известны в изобилии. И общество так или иначе должно реализовать свою потребность в такой армии рабов. Оно уже изобрело удобную для нее форму – форму репрессий, т.е. наказания за некое преступление. Эта форма дает как «правовое», так и «моральное» оправдание самому факту существования армии рабов и условиям ее бесчеловечной эксплуатации. До сих пор история была милостива: революция, гражданская война, война с Германией и другие реальные факты нашей жизни поставляли в изобилии как человеческий материал для такой армии, так и его «морально-правовое» оформление. Потом наступила заминка, причины которой общеизвестны. Репрессии, конечно, не прекращались никогда. Но они все это время не принимали массового характера. Заключенных много, но это главным образом уголовники. И число их укладывается пока в общие нормы массовых явлений (это – пока «статистический факт»). Но так долго продолжаться не может. Либо история сама даст удобный повод и подходящую форму для предстоящих массовых репрессий, либо общество само спонтанно спровоцирует события, которые дадут то же самое. Вероятнее всего будет сочетание того и другого (как это было, между прочим, ранее).

Но система массовых репрессий имеет один крупный дефект: она означает создание во всем обществе определенного состояния и определенных организаций для осуществления репрессий на достаточно длительный срок. А это, как показал опыт, есть сила, имеющая тенденцию выйти из-под контроля. И руководство страны поэтому боится системы массовых репрессий не меньше, чем либеральные интеллигенты. Это несколько сдерживает. Но надолго ли? Борьба за власть сметет «либеральную группировку», а ориентация на массовые репрессии (в завуалированной форме, конечно) послужит аргументом в борьбе для «правой группировки».

Затем Антон солидаризируется с Шафаревичем в том, что коммунистическое общество имеет много общего с обществами инков, древних египтян, китайцев и т.п. Но он считает, что более существенно

подчеркнуть его отличие от старых образцов «империй». Это отличие состоит прежде всего в самом человеческом материале, который образует тело «империи» и резюмирует в себе такие факты истории, как наука, техника, искусство и т.п. Этот человеческий материал в значительной части обрекается на неслыханные доселе духовные страдания и сопротивление. И то, какой реально примет вид коммунистическое общество будущего, зависит от борьбы его внутренних сил.

Наконец, Антон подробно рассматривает возможности оппозиции господствующим тенденциям коммунизма и приходит к следующему заключению. Вождям коммунизма отныне и на веки веков надо забыть о мирном и гармоничном движении вперед к Светлому Будущему, когда они дают указания и принимают решения, а прочие граждане выполняют, перевыполняют и поют славу любимым руководителям. Светлое Будущее – это уже начавшаяся драка против обнаруживших себя с полной очевидностью гнусностей коммунизма. Драка кровавая и полная жертв. Она еще явит образцы величайшего личного героизма, сопоставимые с таковыми в прошлом. И первый уже начавшийся этап этой драки имеет точное наименование: Солженицын. Антон считает свою концепцию выражением исторического оптимизма (в отличие от концепции Замятина, Оруэла, Шифаревича).

Когда такая книга написана, то кажется, что ты сам легко мог бы написать ее, ибо автор говорит о вещах, тебе хорошо известных. Но поди, напиши. А написав, решишь ее печатать. И еще к тому же ухитрись это сделать! Не могу понять, какие силы движут людьми такого рода, как Антон. А я ведь его знаю не один десяток лет. Он мне напоминает Пьяную старуху. Хотя живем мы бок-о-бок, он со своей тележкой проходит мимо меня и через меня в каком-то непонятном измерении жизни. Куда? Зачем?

ВО ИМЯ БУДУЩЕГО

Завтра выписываюсь из больницы. Днем выспался. И всю ночь не спал. Сначала обдумывал свои шансы. За время «болезни» прибавилось еще кое-что в мою пользу (вышли отличные рецензии на мою книгу в Германии, Болгарии и Польше; в Институте стран Востока прошло обсуждение проблемы, на котором почти все поддержали мою концепцию; в «Коммунисте» появилась статья, в которой имеется хорошее замечание в мой адрес; вышла моя статья). Но кое-что появилось и против меня (положительная рецензия в Югославии,

ходит слух о какой-то статье на Западе, где меня похвалили; на кафедре в Военной академии меня понесли и написали «телету» в ЦК и т.п.). С одной стороны («за») вроде бы очень значительные факты, с другой («против») – пустяки. Однако в нашей системе обычные способы расчета совершенно непригодны. Например, идет обсуждение твоей работы. Десять человек выступили «за». Среди них крупные влиятельные фигуры. Лишь двое выступили «против». И не самые влиятельные. В пользу обсуждение? Когда как. Десять лет назад два «за» против десяти «против» решало дело в твою пользу. А теперь? В той обстановке, в которую мы катимся, даже одно хилое выступление «против» производит впечатление сигнала. Что-то с ним не в порядке, – думают все. Рождаются слухи, имеющие силу общественного мнения. Иногда такие слухи провоцируют решение, которого до этого вообще не было.

Размышляя так, я пришел к выводу, что сейчас никто не может предвидеть исхода выборов. Все может решить непредвиденный пустяк. Шансы у меня есть. Причем, таких шансов у меня не было раньше и уже никогда не будет потом.

Незаметно, устав от думанья о выборах, я переключился на книгу Антона. Вспомнил последний разговор с ним.

– Смешные мы существа, – сказал я. – Мечемся, строим планы, страдаем... А быть может вообще вся человеческая история имеет лишь один смысл: на Земле жить нельзя будет, построят люди могучий космический корабль, отберут тысячу наиболее важных индивидов, улетят в хорошее место и заживут там. Новую цивилизацию разовьют там. Настоящий коммунизм будет!

– Это утешение для идиотов. Или демагогический прием воспитателя удобных идиотов. Лозунг «Жить для Светлого Будущего» есть лишь плохо замаскированное требование жить ради удобств привилегированных верхов общества. Живи сегодня, здесь, ради своих земных целей. Другой жизни нет. Будущее есть лишь производный результат. «Во имя будущего» – это нужно тем, кто хорошо живет сегодня, или тем, кто не имеет никаких шансов жить прилично сегодня или вообще жить. Первым – как лживая маска, вторым – как последнее утешение.

ДА РАВСТ УЕТ КОМ НИЗМ

В больнице мне порядком надоело, и выписался я с удовольствием. На улице предвесенняя погода. Носятся ошалелые воробы и чирикают

какие-то птички, которых я раньше никогда не замечал. На солнышке развалились брюхатые кошки, щурясь от тепла и приятных воспоминаний. Девчонки начали обнажать свои неотразимые прелести. Черт возьми, оказывается в Москве расплодилось огромное количество симпатичных девчонок. Жизнь прекрасна! Да здравствует жизнь! Жить хорошо даже в нашем светлом коммунистическом обществе. Лучше быть живым при коммунизме, чем неживым в обществе демократии и благоденствия. Надо обновить гардероб. А то я одеваюсь, как отставной полковник. Противно самому смотреть. А я еще не стар. И судя по некоторым признакам могу еще рассчитывать на успех. Светка говорила, что я ей понравился независимо от славы и должности, – она еще не знала, кто я. Но Светка – квалифицированная стерва. Наши отношения к тому же идут к завершению.

Я решил часть пути пройти пешком. Мой путь лежал через площадь Космонавтов. Еще издали я увидел, что там не все благополучно. У Вождя вывалился глаз, и его лицо теперь производило впечатление не лукавства и доброты, а злобного недовольства. Раньше оно говорило: «Верной дорогой идете, товарищи!» А теперь оно говорило другое: «Куда же вы поперли, ... вашу мать!» Впрочем, это только мое послебольничное впечатление. Проходившие мимо меня мальчишки и девочки тоже обратили внимание на выпавший глаз Вождя и перемену выражения его лица, но они в один голос заявили, что так гораздо лучше.

Подойдя ближе, я был потрясен до глубины души. Часть букв Лозунга куда-то исчезла совсем. Часть развалилась. Остальные были обделаны голубями до такой степени, что прочесть их не смогли бы даже математические лингвисты. И в душу мне закрались дурные предчувствия. Желание идти пешком пропало. Я схватил такси. Шофер всю дорогу поносил идиотов, которые загроздили дорогу этой чепухой (он имел в виду наш Лозунг). Перед поворотом на мост нас остановил регулировщик. Шофер отнес ему рубль. Оставшуюся часть пути мы поносили наши порядки на пару и с удвоенной силой. Первый раз за свою таксистскую практику я дал «на чай» с удовольствием.

ИТОГИ КОНГРЕССА

Когда я пришел из больницы, на письменном столе лежал последний номер «Проблем философии». В нем была опубликована статья

Канарейкина (т.е. написанный для него мною доклад на конгрессе), статья Тваржинской, с критикой основных направлений антикоммунизма, статья Васькина с критикой важнейших направлений современного ревизионизма и обзор конгресса, подписанный Сериковым, а написанный мною. Сериков внес в обзор от себя лишь одно исправление: выкинул кусок, посвященный моему докладу, и расширил кусок, посвященный докладам Тваржинской и Васькина. А ведь мой доклад был единственным из советских докладов, вызвавшим оживленную дискуссию. А этот Сериков – подонок. Я ему это не прощу. Торопись, мальчик!

Но настроение было испорчено. Я купил бутылку коньяку и закусок и пошел на свою «рабочую» квартиру. Позвонил Светке. Она сказала, что занята. Тоже туда же, стерва! Выпил бутылку один. Здорово опьянел. Зато крепко уснул. Так одетый и проспал до утра. И чуть было не опоздал на субботник.

О РОМАНТИКЕ

На сей раз Ленка притащила стихотворение о романтике. Я сказал, что ее приятелю давно пора переключиться на это, и приготовился слушать.

На собрании четвертый час сижу.
На президиум бессмысленно гляжу.
И тошнит меня от вони и речей
Подхалимов и дежурных трепачей.
А в мозгу моем романтики туман.
В нем бушует... Нет, отнюдь не океан.
И не крики нападающих звучат.
И не сабли обнаженные стучат.
Не о том, о чем мечтали парни встарь,
Я мечтаю, что я – первый секретарь.
Не на мостик, на трибуну я стремлюсь.
И не шторма, а не то сказать боюсь.
Не в пещеру лезу, где закопан клад,
А в портфель, где заготовлен мой доклад.
А романтика... И я не так уж прост.
Погодите, вот займу высокий пост,
Прикажу, и будет море-океан,
Будет маршал, а не то что капитан.

Я сержусь, но до конца выдержать эту роль не могу и смеюсь вместе с Ленкой.

– И у вас то же самое!

– А как же! Мы-то уже привыкли. Ты бы посмотрел, что с перwokлашками вытворяют. Представляешь, материалы съезда долбят. А у вас разве не так же было в свое время?

– Примерно так же. Но в мое время была написана «Бригантина». Кстати, я был знаком с автором. Некоторое время мы вместе учились.

– Вот здорово! Расскажи, какой он был.

– Примерный комсомолец. Сталинец. Патриот. В общем, как все мы.

– Не может быть. Впрочем, он просто не успел. Если бы выжил, переменялся бы.

– Как знать!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СУББОТНИК

Дворники лениво убирали оставшуюся с зимы помойку. Пара активистов пенсионеров демонстративно сгребала прошлогодние листья, понося молодежь и евреев. На улице по-спортивно одетые граждане спешили в свои учреждения, где им предстояло проявить трудовой энтузиазм и подлинно коммунистическое отношение к труду. Особенно постарались женщины. Они, пользуясь случаем, загнали свои мощные тела в узенькие брючки и шевелили ими во всех направлениях. Зрелище волнующее.

В институте технические сотрудники таскали шкафы, вытирали пыль, сдирали с окон зимние наклейки. Научные сотрудники разбрелись по секторам и отделам. Занялись кто чем. Одни профсоюзные собрания провели, другие – партийные, третьи – производственные. Четвертые провели заседание сектора, пятые – авторского коллектива, шестые – семинара. Но разница лишь в названии. Везде трепались о чем придется, рассказывали анекдоты и слетни, просто хохмили. Потом пили чай и смотрели на часы: скоро ли кончится эта муть.

– До чего испохабили прекрасную идею, – сказал я.

– Почему же испохабили, – возразил Антон. – Как раз наоборот, воплотили в жизнь. Чего ты хочешь? Подлинное коммунистическое отношение к труду! Тут, брат, все налицо: работаем безвозмездно; квалифицированные работники выполняем обязанности уборщиц; и потому халтурим и занимаемся очковтирательством.

Потом всех загнали в общий зал – устроили профсоюзное собрание с вручением значков «Ударник коммунистического труда». От имени награжденных речь произнесла Тваржинская.

О боже! Можно от тоски сдохнуть!

На другой день во всех газетах напечатали отчеты об итогах субботника. И во всех одно и то же:

Коммунистический субботник прошел организованно, с большим трудовым и политическим подъемом, был ознаменован ударной, высокопроизводительной работой во всех отраслях народного хозяйства города, в сфере науки и культуры. Он вылился в массовый праздник коммунистического труда, стал яркой демонстрацией торжества ленинских идей о живом, творческом участии широких масс трудящихся в строительстве нового общества. Продолжая и развивая славные традиции Великого почина, трудящиеся активно вышли на коммунистический субботник, самоотверженно трудились, проявив тем самым свою высокую сознательность, патриотизм, беззаветную преданность идеалам коммунизма. «Красная суббота» стала новым ярким проявлением нерушимого единства партии и народа, тесной сплоченности трудящихся вокруг Коммунистической партии, ее ленинского Центрального Комитета. Перед началом субботника повсеместно на предприятиях и в организациях состоялись многочисленные митинги. На них трудящиеся заявили о полной и безграничной поддержке политики КПСС и Советского государства, единодушном одобрении целеустремленной, многогранной деятельности ЦК КПСС, его Политбюро во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем...

Я читал, плевался и говорил себе: так тебе и надо, мерзавец! В этом немалая доля и твоего труда!

В субботнике приняли участие 6 миллионов 200 тысяч трудящихся. Все работники, занятые в сфере материального производства и обслуживания, трудились на своих рабочих местах. Их усилия были направлены на то, чтобы достичь наивысшего уровня производительности труда... Свой вклад в общемосковский коммунистический субботник внесли работники научно-исследовательских и проектных организаций, государственных учреждений. Так, в институте...

Я злился, плевался, ругался, опять злился... И таким образом я просмотрел все газеты, чего я раньше никогда не делал. Я знал, что все это – муть, и не читал. А тут я получил непривычную порцию нашей прессы и пришел в ужас. Неужели это все читается?! А ведь читается! И действует!

Я изорвал газеты в клочья, выскочил на улицу и прямой дорогой направился в забегаловку.

– С меня хватит, – думал я почти вслух. – Прыгну в член-коры,

поставлю крест. Годы уходят. А я так ничего серьезного и не сделал. Пока еще есть силы и способности, надо сделать хоть что-нибудь!

Около забегаловки встретил Эдика. Потом к нам присоединился Безымянный.

УРОКИ ИСТОРИИ

– Это вранье, будто история ничему не учит, – говорит Эдик. – Гитлер, например, преподнес Германии такой урок, что немцы навеки выпадают из числа лидеров мировой истории. И вовсе не потому, что для них в результате поражения сложилась невыгодная ситуация. А потому, что над ними теперь навеки будет довлеть историческая память. И не сотрешь ее теперь никакими средствами. А знаете, почему теперь у нас нет таких массовых репрессий, как при Сталине? Желание сажать есть. Лагерь хватает. Работы, которую могут выполнить заключенные, по горло. А не сажают в таких масштабах. Потому что есть страх исторической памяти. Урок! И хотя у нас о прошлом помалкивают и постепенно реабилитируют Сталина, историческая память действует незримыми и неконтролируемыми каналами. У меня, например, есть знакомый чин из КГБ. Он борется с теми, кто читает «Гулаг». А его сын знает «Гулаг» наизусть. Вот и поди, борись тут! Мы недооцениваем ту роль, какую Солженицын сыграл в нашей истории. Он возвел дело исторической памяти почти что в ранг религии. Это теперь исторический факт. Точка отсчета нового времени. Он такой кол вбил в могилу сталинизма, что ходу назад уже не будет. Хрущевизм? Это все-таки лучше, чем сталинизм.

Мы медленно бредем к площади Космонавтов. Наша забегаловка все еще закрыта. Ребров обещает нам сегодня поставить бутылку коньяку, – он получил гонорар за... неопубликованную брошюру.

– Я за эту галиматью уже четвертый раз гонорар получаю, – говорит он. – Теперь я ее отнесу... тут... еще в одно место. Заключу договор. И еще отхвачу кусок. Как удастся? А, пустяки. Нет, знакомых у меня никаких. Я блат не признаю. У меня другой метод. Высматриваю подходящее учреждение. Тема у меня – вечно актуальная. Предлагаю. Приношу рецензии от светил, – это не проблема. За меня хватаются. Тут же – в план. Зеленая улица. Но печатать это г...о я не хочу. Стыдно. И не выгодно. Вот я и организую письмецо. Да такое, что печатать книжонку после этого страшно, а не печатать нельзя. Начинают искать выхода. А я жду. Терпеливо жду, и больше ничего. В общем, кончается тем, что

книжечку я забираю с правом печатать в другом месте (обычно мне они сами советуют, где), но в качестве компенсации за моральный ущерб – полностью гонорар. У них там есть соответствующие пункты. Так что все законно.

– Но это же безнравственно, – говорю я.

– Почему же, – говорит Эдик. – Какой у Вас оклад? (это вопрос Реброву). Вот видите! У нас уборщицы больше имеют. Попробуйте, проживите на такие гроши. К тому же наверняка кооператив, угадал? Конечно, по физиономии видно, что от учреждения Вам ни... не светит на этот счет. И сколько же Вы отхватили за свою аферу?

Ребров назвал сумму, и мне стало неловко. Эдик захохотал. Безымянный плюкнул и крепко выругался.

– Вот Вы употребили слово «безнравственно». А знаете ли Вы, сколько хапанул Мжаванадзе со своей семейкой?! А Насреддинова?! Мой родственник в составе специальной группы расследовал недавно хищения – заурядное дело. Следствие прекратили: если копать, надо сажать всю высшую партийно-государственную власть республики. А Вы – безнравственно!

На сей раз мы достоялись в очереди в кафе «Молодость», заняли отдельный столик, и через час молоденькая, но уже вульгарно-грубая сытая официантка нехотя сделала нам одолжение – приняла наш нехитрый заказ.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

На мою голову Тамурка вспомнила, что у меня приближается день рождения.

– Надо отметить как следует. Заодно отметим круглый юбилей нашей счастливой семейной жизни. Пригласим нужных людей. Нельзя упускать такую возможность. Вон, Васькин закатил какой банкет. Васькину можно, а тебе нет?!

Я всеми силами отнекивался, помня наставления Антона: затихни, замри на время, как будто тебя вообще нету, никаких фейерверков, не привлекай к себе внимание. Но не устоял под напором Тамурки и соратников из отдела, которым захотелось выпить и пожрать за чужой счет.

Возникла проблема, кого пригласить и как поступить с ближайшими друзьями – с Зимиными и Гуревичами. Решили поступить по всем правилам советского прохиндейства: разделить! Так и сделали. С Зимиными и Гуревичами собрались в «узком семейном кругу». Вечер

прошел скучно и натянуто. Рано разошлись по домам, сославшись на завтрашние дела. Зато второй вечер – «для прочих» – получился грандиозный. Пришли Канарейкины, Блудовы, Агафоновы, Корытовы, Ивановы и другие влиятельные персоны. Много ели, пили, кричали. После ухода старых академиков распустились совсем. Начались сплетни и анекдоты. Корытов загнул целую серию из «Ленинианы». Заговорили о книге Солженицына «Ленин в Цюрихе». И наговорили такого, что если бы я не слышал все это своими ушами, ни за что не поверил бы. Больше всех изощрялись самые осведомленные – Корытов, Иванов, Никифоров и даже Сериков. Послушать их, так Ленин был полным ничтожеством, невеждой, психически ненормальным, бесчестным и т.п., а наша революция была устроена на немецкие деньги. Причем, все друг перед другом выпендривались, выкладывая такие «секреты», о которых не помышляли даже самые заклятые враги. Хорошо, что не было Антона. Страшно подумать, что могло бы произойти. Но тут в разговор неожиданно вмешался Новиков.

– Все это вздор. Мало ли кто и кем был. Мало ли какие события имели место. Это ровным счетом ничего не объясняет. Суть дела не в этом. Суть дела в том, что Россия рухнула до самого основания. И сохраниться она могла только на самом примитивном уровне социальной организации. Либо она погибла бы совсем, а если сохранилась бы, то лишь в коммунистическом виде независимо от того, были марксисты до этого или нет, был Ленин до этого или нет, была партия до этого или нет. Все эти прелести воспроизвелись бы так или иначе спонтанно. Просто по законам социальной организации больших масс населения в условиях сравнительно сложного хозяйства.

Речь Новикова произвела странное впечатление. Хотя Корытов, Иванов и прочие фактически дискредитировали революцию, партию и Ленина, а Новиков по видимости защищал это, в их поносе не чувствовалось ничего глубоко враждебного тому, что оно поносили, а защитительная речь Новикова сразу всех насторожила как враждебная вылазка. В чем дело? Их понос – обычный застольный треп, законная пьяная расслабленность, за которую теперь даже не ругают. А речь Новикова зацепила суть дела.

– Суть дела не в том, – продолжал он, – какой был Ленин, из кого вербовалась партия, от кого она получала деньги и т.п., а в том, что на самом деле родилось в результате. И гораздо более сильная позиция здесь будет, если допустить, что революцию делали гении

и герои, чистейшие люди, наилучшим образом и т.п. Если мерзавцы устроили мерзость, – это в порядке вещей. А если мерзость получается несмотря на всяческие добродетели, то тут стоит задуматься.

– Зря ты ввязался в этот разговор, – сказал я потом Новикову.

– Извини, я не мог сдержаться. Ленин, партия, революция и все такое прочее, – они обращаются с этими штуками как со своей собственностью. Хотят – превозносят. Хотят – поносят. Это – их вещи. Они же не полемизируют с Солженицынской тракторкой Ленина. Их возмущает сам тот факт, что он посягнул на их право любой тракторки, какую они захотят. А может быть и того проще: испугались, что я настучу на них куда следует. А надо бы! Вот была бы потеха! Готов пари держать, они до сих пор дрожат и ждут. И сами потихоньку на всякий случай накопали доносы на меня и друг на друга. И на тебя, конечно.

Мне стало нехорошо после этой беседы. И весь мой замечательный и дорогостоящий день рождения представился мне как нечто провокационное. Самопровокация, – это тоже специфически советское явление. Новиков тоже хорош! Впрочем, не он, так другой. В большом коллективе обязательно найдется индивид, выступающий против остальных. Так что наша советская оппозиция неистребима хотя бы просто как факт социальной комбинаторики (опять из Антона?!).

Антон ничуть не удивился тому, что его функции негативиста выполнил Новиков. И Никифоров. И многие другие. По Москве пошел слухок о мощном банкете, который был у меня и на котором, якобы, присутствовал чуть ли не сам М.Л. Первый вопрос, который мне задал Канарейкин, был следующий: правда ли, что после его ухода мы обсуждали книгу Солженицына? Я сказал, что не обсуждали, а резко критиковали, что Новиков предложил дать разгромную рецензию на нее. Канарейкин сказал, что об этом стоит подумать. Назрела необходимость дать квалифицированный отпор этому проходимцу. Хотя мы тем самым привлечем внимание к его гнусным книжонкам. Вместе с тем, мы молчим, а люди думают, будто он прав. И Канарейкин окончательно запутался в этой пустяковой проблеме.

ЛУЧШЕ ВОСПИТЫВАТЬ

Обычная газета. Обычная статья обычного директора обычной школы. Обычный треп по поводу исторического значения съезда и воплощения его предначертаний в школе. Но именно в этой обычности

я начал в последнее время угадывать великий смысл всего происходящего.

«Материалы XXV съезда партии, несущие множество новых глубоких идей, мыслей, задач дали могучий импульс деятельности по перестройке всего процесса обучения и воспитания в школе, поиску новых форм и методов работы с учащимися».

И это – не пустая фраза. Представляю себе, какая суматоха творится в школе! Бедные учителя, их наверняка задергали до тошноты и полного оупения!

«Собрания, семинары, пионерские и комсомольские сборы стали проводиться в школе особенно часто. Тема их – съезд партии, новая пятилетка. В эту работу вовлечены сейчас школьники всех классов».

Именно-всех классов. И самых младших в том числе. Представляю себе, какой ушат пропагандистских помоев выливается сейчас на головы малышей!

«В огромной воспитательной работе прежде всего должен быть умело использован урок. Творчески обращаясь к материалу урока, педагог получает возможность раздвинуть границы детского мышления, найти такой поворот темы, который приблизит, сделает понятными исторические свершения в стране».

Каждый урок! Даже уроки математики и физики превращаются в тошнотворные демагогические назидания! А уж что говорить о литературе и истории!

«Идеями съезда пронизана сейчас вся система обучения и воспитания учащихся. Серьезная, целенаправленная работа по изучению учащимися материалов XXV съезда КПСС только начата. Но уже сегодня она способствует повышению воспитательной эффективности преподавания».

Это действительно так. Всех без исключения (начиная от самого директора и кончая последним первоклассником и уборщицей) тошнит от этого пронизывания. А поди, попробуй, не пронизывайся! Во-первых, высшие инстанции заедят. Во-вторых, сами друг друга загрызут. Причем, в школе разработана и проводится в жизнь целая система конкретных мероприятий, отнимающая у всех время, силы, ум, таланты, настроение. Чего стоит, например, следующее мероприятие:

«Дневник пятилетки» – так называется объемистая тетрадь с аккуратно наклеенными вырезками из газет и журналов, записями и рисунками, рассказывающими о созидательном труде советского народа. Начиная с четвертого класса, такой дневник ведет каждый ученик школы».

Начиная четвертого класса будущий советский человек уже активно приучается быть существом, мало чем отличающимся от старого мелкого партийного функционера, вышедшего на пенсию по глупости. Я спросил у Ленки, неужели и она такой «Дневник пятилетки» делает.

– Пустая формалистика, – сказала Ленка, – у нас пытались, но ничего не вышло. Наша школа привилегированная, ты разве забыл. Кто-то из родителей узнал об этом, пригласил директриссу к себе (не то в ЦК, не то в Совмин, не то в КГБ) и велел прекратить этот идиотизм.

Ленкино сообщение меня обескуражило. Оказывается, даже с точки зрения засирания мозгов нашей самой передовой, гениальной и самой сверхнаучной идеологией дети привилегированных слоев имеют преимущество. Впрочем, чему я удивляюсь. Я и раньше не раз замечал сам, что студенты привилегированных высших учебных заведений меньше внимания уделяют марксизму-ленинизму, относятся к нему с большей легкостью, а часто даже с насмешкой и презрением.

Одним словом, с какой стороны ни посмотришь на нашу жизнь, повсюду видишь стремление некоторых слоев нашего общества обеспечить себе возможность хотя бы отчасти жить не по законам коммунистического бытия, а более или менее благополучно, свободно, весело и с наслаждениями. И в обществе идет жесточайшая борьба за то, чтобы выбраться в такие слои. Очередной парадокс нашей жизни: одна из основных тенденций коммунистического образа жизни – завоевать возможность в той или иной мере жить свободно от законов коммунистического образа жизни.

Я было обрадовался удачно найденной формулировке и подумал, что и я не такой уж болван, и я кое-что могу придумать. Но тут же настроение испортилось. Я вспомнил, откуда у меня эта мысль: конечно, из книги Антона. Черт бы побрал эту книжку! Неужели я так никогда и не выберусь из этих цепких лап? О чем бы я сам ни подумал, какую бы истину ни сформулировал сам, я каждый раз оказываюсь в положении плагиатора. И у кого?! У человека, не напечатавшего ни одной полноценной статьи. У автора книги, которая никогда не будет напечатана. Но это несправедливо. Я и сам способен на такие выводы. А что, собственно говоря, ты волнуешься. Делай себе их на здоровье. Печатай. Вот тут-то и появляется главная заговордзка. Сочинения, подобные книге Антона, могут валяться годами, любой может из них красть, но никто этого не делает – Почему? А ты попробуй, укради! Кто отважится напечатать такое?! А если

отважится – каждая мысль по отдельности тривиальна. А целое такое принять никто, кроме автора, не способен.

ТИПИЧНЫЙ СЛУЧАЙ

Позвонила Голубкина. Когда-то она была моей аспиранткой и написала неплохую диссертацию. Потом защитила докторскую диссертацию и превратилась в напыщенную и феноменально глупую гусыню. Но ко мне она сохранила (как она сама говорила много раз, что довольно симптоматично) самые лучшие чувства. Она сказала, что Барский заказал ей рецензию на сборник, в котором опубликованы материалы позапозапозапрошлогоднего симпозиума. Сборник вышел только сейчас. Причем, Барский в качестве условия потребовал, чтобы Голубкина раскритиковала мое выступление, и указал пункты, по которым это следует сделать. И вот Голубкина не знает, как ей быть – отказываться от рецензии или писать, но смягчить места, посвященные моему выступлению. Относясь ко мне в высшей степени хорошо, она спрашивает моего совета, как быть. Если она откажется, то писать рецензию будет Собакина. А эта сволочь только и ждет момента, чтобы подложить мне свинью. Если же Голубкина согласится писать, то она хотела бы знать, как лучше написать место о моем выступлении с учетом требований Барского. Барский сказал, что его требования согласованы с соответствующими лицами.

Откровенно говоря, я растерялся. Только вчера Барский звонил к нам и разговаривал с Тамуркой (я сидел в своем «кабинете»). Он до небес превозносил мое выступление. Говорил, что оно – единственное из всех в сборнике, заслуживающее внимания. Тамурка сказала по сему поводу, что Барский наверняка затеял пакость, насколько она разбирается в людях. Я ее обругал за то, что она о людях всегда думает плохо. Барский, конечно, скользкий прохвост. Но в общем он мужик не плохой, и ко мне он относится хорошо. Мне, очевидно, просто не хотелось думать о пакостях. Теперь мне стало очевидно, что Барский, который всю дорогу завидовал мне и ревниво относился к каждой моей книге и статье, к каждой ссылке на мои работы, к каждому упоминанию моей фамилии, решил на сей раз использовать предоставившуюся ему возможность и подставить мне ножку. Но (это в его натуре) – чужими руками. Сам он хочет выглядеть чистеньким и порядочным. Более того, он это дело представит так, будто он приложил величайшие усилия, чтобы спасти меня от погрома.

С другой стороны – Голубкина. Рецензию она все равно напишет. Согласие она наверняка уже дала. И позвонила она для очистки совести, а может быть из более подлых глубинных чувств. Она, мол, тоже сделала все возможное. Более того, она об этом разговоре разболтает на всю Москву. И дело будет выглядеть так, будто я сам на себя написал этот донос. Ну и хитрая же бестия, будут говорить обо мне.

Вот вам поразительный пример эволюции нашей либеральной эпохи в нечто иное. Раньше такая вошь, как Барский, даже в мыслях не мог позволить себе ругнуть меня, а хотелось это сделать очень. Теперь даже такое ничтожество, как Голубкина или Собакина (кстати сказать, очень прогрессивные по современным представлениям), готово кусаться публично. Причем, мы еще одной ногой стоим в либеральной эпохе: мне самому предлагается выбрать форму, в коей я предпочел бы быть выпоротым.

Все это пронеслось в моей голове молниеносно. Я произвел несложный расчет и установил, что при самом быстром прохождении рецензии через редактирование обсуждение на редколлегии, включение в план номера и т.д. рецензия к выборам в Академию не поспеет. А там мне будет наплевать. С некоторой точки зрения это будет даже приятно: попаду в преследуемые реакционерами таланты.

– Поступайте, как Вам подсказывает Ваша совесть, – сказал я Голубкиной. – Я конкретно ничего другого Вам посоветовать не могу.

А настроение все равно было испорчено. Хотя знаешь, что наш советский человек с поразительной легкостью идет на подлость, хотя подлость ждешь чуть ли не от каждого близкого к тебе человека, она обрушивается на тебя как полная неожиданность, когда случается актуально. Что плохого я сделал Барскому? Что плохого я сделал какой-то Собакиной, которую видел-то в жизни один раз, да и то на расстоянии? А без меня Голубкина не вылезла бы даже в кандидаты. Откуда в людях это неистребимое желание делать мелкие пакости? Что приобретет для себя Барский? А Голубкина? Не понимаю я всего этого!!!!...

О СОЦРЕАЛИЗМЕ

Опубликовали списки новых Лауреатов Ленинской Премии. По литературе премию получил, само собой разумеется, Малков. Как говорит Ленка, получил за идиотские стихи для детей грудного возраста:

Баю-баюшки-баю,
Славлю Партию мою.

И для детей младшего дошкольного возраста:

Ныне даже маленькие детки
Перевыполняют пятилетку.

Но Малков – глава столичной многотысячной писательской организации. Так что тут все в порядке. Но то, что премию дали Хвостову, это объяснить никак невозможно. Раньше премии тоже давали не за талант и ум, а тем, кто хорошо служил партии и советскому государству. Но давали тем, кто действительно лучше других служил. Давали за дело! А теперь?! Хвостов – классический пример на этот счет. Премию ему дали за роман «Казаджикская степь», посвященный актуальнейшими проблемам нашей жизни: социалистического соревнования, личного и общественного, долга, любви, семьи и т.п. в условия развитого социалистического общества. Роман, как писали рецензенты, многоплановый. Полифонический даже, как романы Достоевского. Среди многочисленной дряни такого рода роман Хвостова нельзя выделить даже как средний. Даже теща сказала, что это – жуткое барахло. Претензия малограмотного идиота обставить классиков. Очевидно (добавила теща), у него есть рука Там. Наверняка чей-нибудь Ихний зять. Так нет же, я точно знаю, что нет такой руки. Это – фигура, подобная нашему Агафонову. И получил он премию именно за претензию бездарности выглядеть гением, – за нечто глубоко враждебное всякому таланту.

В свое время, когда роман Хвостова вышел, он стал своего рода бестселлером. На черном рынке за него, говорят, платили, как за книги Солженицына. Вся Москва издевалась над этой феноменально глупой и претенциозной книжкой. Выражения из нее гуляли по Москве на уровне анекдотов и образцов пошлости. Начинается роман, с того, что по бескрайней Казаджикской степи мчится на машине главный герой романа – кандидат философских (!!) наук, согласившийся поехать председателем колхоза поднимать целину в Казаджикской степи. В наших философских кругах особенно потешались над тем, что герой – кандидат именно философских наук. Уж кто-кто, а мы-то досконально знали, что если индивид решил посвятить жизнь философии и тем более сумел стать кандидатом философских наук, то он по определению предназначен для иной жизни всеми средствами вгрызаться в столичную или по крайней мере крупногородскую жизнь и пробиваться к самым вкусным местам общественного пирога, пожираемого всякого рода паразитами. Но как бы

то ни было, наш герой директор-философ едет в машине и мечтает в таком духе. Нет, мол, ничего прекраснее на свете, чем Казанская степь. Куда ни взглянешь – ни бугорка, ни деревца, ни живой души. Лишь на мгновение иногда выскочит из норки суслик, встанет на задние лапки, взглянет на тебя с величайшим недоумением и тут же исчезнет. В небе ни облачка. Солнце печет так, что даже десяток ватных халатов и меховая шапка из молодого каракулевого барашка не в силах помочь тебе. Пот крупными каплями падает с кончика носа прямо в рот, приятными холодными ручьями течет по спине и по ногам в сапоги. И хочется одного: вскипятить котел родниковой воды, бросить в него горсть соли, листик зеленого чая и кусок свежего бараньего жира и пить, пить, пить... Но увы – дела.

Этому председателю-идиоту даже не приходит в голову задать себе вопрос: какой же это сверхидиот придумать бросить обжитые земли в европейской части России вблизи крупных городов и превращать эту степь, которая кормила миллионы голов скота и давала мясо, в бесплодную (в ближайшем будущем, как и предсказывали умные специалисты и старики) пыльную пустыню. И не будет ни хлеба, ни мяса, ни шерсти. Наша система, кстати сказать, обладает не только способностью поднимать страну до терпимого состояния из разрухи, но и доводить до состояния разрухи целые отрасли хозяйства (а Антон утверждает, что в тенденции – все хозяйство, что коммунизм вообще есть непрерывная борьба с разрухой и доведение страны до разрухи, что только капиталистическое «окружение» держит нас иногда на уровне и т.д.). В книге Хвостова, надо признать, очень хорошо описана (помимо воли автора, он-то хотел сказать иное) эта слепая разрушительная сила системы – мания гигантских мероприятий и непреклонная «воля» в доведении их до конца, чего бы это не стоило.

И далее герой пускается в длинные и нудные философские рассуждения о том, как плохо живут люди в Западной Европе и Америке. Книга вообще построена по модным когда-то западным образцам: главный герой и его оппонент едут в машине, предаются воспоминаниям и ведут дискуссию по острым проблемам современности: спать или не спать с невестой до регистрации брака, помогать детям устраиваться или нет, говорить людям правду о наших промахах или нет и т.д. Спутник – оппонент главного героя попал в колхоз против своего желания, по распределению. Он – сын очень крупного чина. И незадолго до окончания института отца сняли с поста за какие-то бывшие прегрешения. У них отобрали шикарную квартиру. И аспи-

рантура, как выразился сам оппонент, накрылась. Главный герой заметил по этому поводу, что так, мол, вам и надо. Хотя сам держал в Москве квартиру и собирался защищать докторскую. В практике нашей реальной жизни обычно на такие ура-патриотические шаги (вроде поездок на целину) шли крайне бездарные карьеристы, не рассчитывавшие иначе сделать очередной сначок в московской карьере.

Молодой специалист явно заражен западничеством, недоволен советским строем (поскольку, его лишили благ цивилизации). Когда главный герой с цитатами из центральных газет (из рубрики «Их нравы») неопровержимо доказывает этому западнику, что на Западе люди страдают, последний заявил, что он страдает от того, что не может страдать так, как страдают на Западе. И главный герой точно определяет, кто такой этот молодой специалист: внутренний эмигрант. Это место книги – откровенный донос и провокация. Автор безапелляционно объявляет причиной нашего оппозиционерства всех родов (диссидентства в том числе) следующие факторы: 1) молодежь не знает того, как плохо жить на Западе; 2) молодежь не знает того, как хорошо жить у нас; 3) слушают иностранные передачи, читают иностранные книжки, общаются с иностранцами, ездят на Запад (но ведь там же плохо живут?!); 4) зажрались; 5) не чувствуют твердой руки; 6) слишком образованы (сейчас, мол, по-английски чуть ли не каждый пятый болтает, а раньше за это... сам понимаешь!...). И так далее в таком же духе. И автор устами героя вносит «обоснованное» рационализаторское предложение: трудовая повинность для всех в течение трех лет на великих стройках и вообще в «трудных» местах.

Потом машина останавливается: кончился бензин. Оказывается, молодой специалист забыл заправить бензобаки (вот она, поддавшаяся влиянию Запада молодежь!). Воды нет. Еды нет. До ближайшего населенного пункта километров триста, не меньше (за каким, спрашивается, чертом их сюда понесло?!). Молодой специалист струсил (?) и предложил идти пешком. Главный герой счел это дезертирством. Оказывается, они везли в соседний колхоз какую-то ценную дрянь. И если ее оставить без охраны, суслики съедят. Короче говоря, молодой специалист ушел, а герой остался охранять ценную дрянь от сусликов. Молодой дошел и спас свою шкуру (!!). Герой погиб – потерял сознание, и его загрызли суслики. Интересно, реальные суслики едят реальных кандидатов наук или нет? Надо спросить у Ленки. В результате молодой специалист терпит духовное банкротство. Его

невеста отказывается выходить за него замуж и вступает в брак с главным героем посмертно. Это, несомненно, открытие не только в нашей, но и в мировой литературе. На месте гибели героя вырастает новый комфортабельный город, куда устремляется передовая молодежь. А хлеба в степи начинают собирать столько, что девать некуда, и приходится по дешевке продавать голодающим американцам. Как заметил один из рецензентов, тут во всей силе проявился один из важнейших принципов социалистического реализма – показывать жизнь в ее революционном развитии. Автор показал ближайшее будущее нашей деревни. И это – после наших скандальных закупок хлеба в той же «голодающей» Америке!

Ощущение такое, будто в глубинах нашей жизни постоянно производится тягучая, вязкая и липкая глупость. Она накапливается и затем начинает выпирать наружу и заполнять собою все поры нашего общества. И ничего ты с ней не поделаешь, ибо эта глупость есть естественный продукт нашей собственной жизни деятельности.

СУМАСШЕДШИЙ ДОМ

Когда сообщили, что Ильичу Второму (так в нашем доме окрестили Самого) присвоили очередное звание маршала, даже Теца не удержалась от смеха.

– Блестящая военная карьера! Не удивлюсь, если ему в следующем году присвоят звание генералиссимуса.

– И дадут орден «Победы» и десятую звезду Героя, – добавила Тамурка. – Господи, что творится. Сумасшедший дом какой-то! Распоясавшиеся идиоты!!

– Что вы так переживаете, – удивилась Ленка. – Пусть потешатся! Они же все старенькие. А старики, что дети.

– Не все к старости впадают в детство, – сказала Теца имея в виду себя в качестве исключения.

– Хорошенькая потеха, – сказал Сашка. – А если война? Опять тогда нами будут командовать маршалы маразматики. Думаю, что второго подобного испытания страна не вынесет.

– А его и не будет, – сказала Ленка. – В будущей войне от самых главных начальников потребуется одно: поглубже спрятаться в комфортабельные убежища и дать команду нажимать кнопки. На это ума не нужно. А что будет потом – никто не знает.

– Не семья, а Генеральный Штаб, – сказал я. – Чтобы судить о таких серьезных вещах, надо быть специалистом...

– Что-то я не замечал особого профессионализма в речах военных специалистов и политических деятелей, – сказал Сашка. – Все они болтают банальности на кухонном уровне.

– И вообще, – сказала Ленка, – чтобы командовать армиями и руководить государством теперь никакого ума и специального образования не нужно. Надо только ухитриться пробраться туда и захватить власть. Поскольку умные, способные и порядочные люди этим заниматься не хотят или имеют меньше шансов, у нас во главе...

– Ты соображаешь, что говоришь, – вскипела теща. – Да за такие слова... Да за такие слова... За такие слова...

– Ничего за такие слова не будет пока. Сейчас такие слова говорят все и везде. Шила в мешке не утаишь!..

На другой день Ленка принесла из школы стихотворение своего приятеля:

Что ни жест – историческое событие.
Что ни шаг – эпохальное свершение.
Теоретик, – не сделавши открытия,
Полководец, – не выигравши сражения.
Что ни слово – озарение гения,
Проникновение в глубины мироздания,
Вклад в развитие передового учения,
Всему человечеству мудрейшие указания.
И за годом год этот бред все тянется,
И никто открыто сказать не может:
Это ж косноязычный маразматик и пьяница
На арене истории корчит вам рожи!!

Тамурка молча взяла у Ленки листок со стихотворением, изорвала его в клочки, дала Ленке пощечину и сказала, что если это повторится, то она Ленку выгонит из дому. Ленка сказала, что это – нелогично, что она этого не забудет. И не утирая слез, ушла, хлопнув дверью. Теща накинулась на меня (мол, мое воспитание). Я сказал, что советскую власть не я устанавливал, что звание маршала Ильичу Второму не я присвоил. Тамурка поймала меня на слове и сказала, что в гении этого идиота произвел я. Я сказал, что это – не семья, а сумасшедший дом, и ушел к свой «кабинет».

ОБ ИДЕОЛОГИИ

По дороге в «кабинет» я пришел к выводу, что цинизм есть реальная идеология господствующих слоев нашего общества. И был,

как всегда, не оригинален. В книге Антона введено различие реальной и формальной идеологии и описаны типы реальной идеологии для основных категорий населения. Он описал и цинизм не как черту характера людей, а как форму идеологии, практически регулирующей поведение людей. Путь к такой идеологии в индивидуальном формировании личности идет через познание истины, выбор своей позиции и эмоциональное отчленение. Судя по всему, мои ребята на этом пути. Тут возможны болезненные явления. Но они суть чисто статистический факт в огромном числе случаев. Процент их невелик. А что, если этот маленький процентик падет на твою голову? Об этом лучше не думать. Об этом и не думают, как не думают рожать физических уродов, замышляя детей. Цинизм есть идеология рационалистическая во всех отношениях.

Сравнительно высокая образованность и информированность (не газетная, конечно) есть одно из необходимых ее условий. Потому он не может быть идеологией для низших слоев населения. Если к этому добавить такой фактор, как степень защищенности от власти и давления коллектива, то это заключение обретает силу очевидности. То, что считают цинизмом низших слоев населения по отношению к идеологии, есть лишь определенное отношение этих слоев к формальной или официальной идеологии, а не идеология. Идеология есть отношение к социальной реальности и своему положению в ней, а не к идеологии же. Низшие слои населения, как и высшие, могут быть безразличны к официальной идеологии, могут относиться к ней юмористически и даже критически. Но это не характеризует их практическую идеологию. Практическая идеология низших слоев населения складывается под влиянием таких факторов, как дефицит всего необходимого, плохая информированность, страх худшего, желание надеяться на лучшее, незащищенность перед властями и т.д. Короче говоря, опишите наиболее существенные негативные условия бытия той или иной группы населения, установите естественные (с точки зрения самого индивида) допустимые средства защиты от них, выясните осознание этих средств самозащиты в исторически данном контексте культуры, и вы получите реальную идеологию этой группы. Ваш прогноз наверняка совпадет с фактами наблюдения, ибо люди даже в самых «тонких» своих проявлениях подчиняются общим законам комбинаторики и самосохранения.

Формальная (или официальная) идеология есть лицемерная, но очень удобная форма, скрывающая гнусную сущность как «начальнической», так и «народной» идеологии. Разговоры о честности, о

взаимопомощи, о трудолюбии, о самоотверженности и т.п. не относятся не только к идеологии, но даже к нравственности. В наше время они играют роль лишь информации о санкциях, которые общество может принять в отношении индивидов в случае, если они совершат поступки определенного рода. Они не вводят в реальную идеологию и реальную нравственность ничего, соответствующего их текстуальному содержанию, ибо они противоречат реальной идеологии и морали. Они суть лишь элементы социального знания.

Сейчас я очень жалею о том, что не записывал речи Антона в свое время. Я не придавал им значения. Жаль также, что не дали мне его книгу хотя бы на пару суток. Теперь я, конечно, сделал бы из нее все нужные выписки. А теперь ничего не поделаешь. Какие бы задержки с книгой Антона ни происходили, она рано или поздно выйдет. И я не успею... И как я могу все это использовать? В форме критики? А кому я припишу эти идеи? Потом, надо время, чтобы привести это в систему. Не меньше года. О господи, какой же я был болван! Антон десятки раз излагал мне свои идеи по каждому важнейшему вопросу коммунизма, и я не удосужился записать хотя бы их суть. То, что я теперь припоминаю, – бессистемные крохи... А что если попросить Антона дать мне рукопись книги на время? Это идея! А если у него нет ни одного экземпляра? А что он подумает? Нет, это не годится. Надо опять перечитать работы наших диссидентов. Ну и ситуация: один из ведущих теоретиков ортодоксального марксизма и коммунизма черпает идеи из непрофессиональных работ противников марксизма и коммунизма! Неужели Антон и в этом прав: марксизм (и коммунизм) как идеология есть воровство, сопровождаемое погромом источников, из которых воровали и воруют, подобно тому как реальный коммунизм как строй общества есть паразитический нарост на теле западной цивилизации, есть ее побочный и вторичный продукт. Паразит, убивающий породившее и вскормившее его (и до сих пор питающее его) существо. Сумеет ли этот паразит развить в себе творческие потенции или заведет человечество в тупик типа муравейника или империй древнего (а может быть и нынешнего) Китая?

Однажды мы с Антоном говорили об увлечении некоторой части нашего общества спиритизмом, парапсихологией, йогой и т.п. Сказав, что эти явления бесперспективны в качестве устойчивых идеологических феноменов, Антон заметил при этом, что они не случайны. Потом в книге я мельком просмотрел рассуждения на эту тему. Вспоминаю одну любопытную идею на этот счет. В нашем обществе,

писал Антон, ощущается бессилие как отдельного индивида, так и любой их совокупности, противостоять отрицательным явлениям наступающего или уже наступившего и усаивающегося коммунизма. Отсюда – естественное стремление обезопасить и хотя бы частично защитить себя изнутри своей личности (факт, точно так же вероятно предсказуемый), выработать систему правил уклонения от вредных воздействий общества на индивида или нейтрализации таких воздействий. Это стремление пронизывает все слои общества и вносит нечто от себя во все части и формы реальных идеологий.

Если к этому добавить взаимное проникновение и взаимное влияние слоев друг на друга, то можно тривиальным образом предсказать тенденцию к образованию некоей единой реальной идеологии коммунистического общества. Пусть внутренне расчлененной, но единой. С этой точки зрения, например цинизм как идеология в рассмотренном выше смысле оказывается составной частью этой единой идеологии. А панические метания из состояния крайней веры в демагогические лозунги в состояние крайнего неверия в них заражает и высшие слои общества, порождая время от времени приступы массовой истерии.

Мне совершенно очевидно, что суждения Антона в большинстве своем суть суждения дилетанта. Но они искренни и честны. И лишь с такого дилетантизма (а не из модных книжек западной социологии, советологии, антикоммунизма и т.п.) может начаться настоящая наука о нашем обществе. Я уверен, что если книга Антона выйдет, ее нельзя будет получить ни в одной нашей даже сверхзакрытой библиотеке, тогда как любая западная «враждебная» литература имеется сейчас даже в кабинетах многих старших научных сотрудников.

О ЛИЧНОСТИ

– Дядя Антон, – говорит Сашка, – в наших книгах и фильмах о войне показывают такие прекрасные отношения между людьми. Что это, вранье?

– Нет, почти все правда.

– Так значит...

– Что «значит»? Ты бывал в санатории? Какие там были у вас отношения?

– Прекрасные. Но война – не санаторий.

– Война-то – не санаторий. Но у них есть общие черты. На войне

бывает много случаев, аналогичных санаторию в следующем смысле: в них исключено постоянное действие социальных факторов. Например, в санатории и в бою обычно не делают карьеру. Но стоит внести в такие ситуации сильный социальный фактор, как картина меняется. Тебе приходилось флиртовать в санатории? Представь себе, ты интересуешься некоторой женщиной. И нравишься ей, так что имеешь шансы. Но вот в твой санаторий приехал крупный чин, от которого может зависеть судьба интересующей тебя женщины. И он дает ей понять, что не против завести с ней роман. Кого она предпочтет, как ты думаешь? Ясно? И что останется от твоей гармонической картины прекрасных отношений? Пшик. Или вот тебе другая ситуация. Начальнику крупного соединения предстоит выбрать решение из двух возможностей. Первая возможность связана с бессмысленной потерей людей, но сулит одобрение начальства, повышение, награды. Вторая возможность исключает такие потери, но связана с риском гнева высшего начальства и даже с риском потери должности (или хотя бы с риском задержки повышения). Что предпочтет этот начальник? Конечно, первую возможность. Мыслимы исключения. И в книжках и в кино нам их иногда подсовывают. Но в жизни я их не встречал ни разу. Наши фильмы и книги врут, но весьма своеобразно: они правдиво показывают ситуации, исключенные из сферы постоянно действующих социальных факторов, т.е. ситуации исключительные и временные; а если они касаются действия социальных законов, то изображают их как нечто случайное, единичное, преодолеваемое, порицаемое и т.п. Правдиво показать бой, передышку между боями, госпиталь и т.п., – штука нехитрая. Но это не есть правда о войне. Правда о войне – это расстрелы военачальников перед войной, несколько миллионов пленных за несколько недель войны, враг на берегах Волги, потери один к пяти, распределение людей по тылам, штабам, теплым и сытым местечкам, бесчисленные награды сытым паразитам, не видавшим противника и т.п. Ясно?

– Ясно. Значит все-таки вранье.

– Вранье. К тому же в реальной военной жизни имело место не такое распределение времени, значимости и субъективной ценности событий, как в книжках и в кино.

Мы в это время смотрели по телевизору фильм о войне. Фильм с претензией на правду и критику.

– Видишь, как этот симпатичный майор обхаживает эту девицу? Сколько времени! Сколько слов! И как все чисто и благородно! А на деле ему достаточно приказать ей придти, и она без звука ляжет с ним спать. Так это обычно и делалось.

– Не вижу в этом ничего страшного, – сказала Тамурка.

– И я не вижу, – сказал Антон. – Я лишь утверждаю, что фильм – вранье.

– Конечно, вранье, – сказала Тамурка. – А если правду показать, будет неинтересно.

– Смотря кому, – сказала Ленка. – Я бы предпочла правду.

– Потому что ты еще маленькая и глупенькая, – сказала Тамурка.

Теща, Ленка и Тамурка затевают нудную перепалку, что не мешает им смотреть и комментировать фильм. Я краем уха прислушиваюсь к тому, о чем разговаривают Антон и Сашка.

– Обрати внимание, – говорит Антон, – как различаются «наши» и немцы. У наших у всех имена, лица, характеры, судьбы. Их всех, конечно, шлепнут. Но сначала они проживут индивидуальную жизнь на наших глазах. Они, скажем так, персонифицированы. Для нас с тобой они выделены как самодовлеющие личности с особыми «Я». И мы переносим это наше с тобой восприятие на них так, будто бы они персонифицированы для самих себя. Это – одна из закономерностей восприятия произведений искусства. Теперь посмотри на немцев. Различаешь ты их имена и лица? Воспринимаешь ты их как личности с индивидуальной судьбой? Смотри, они внезапно и случайно выскочили, как призраки. Щелк, и готов один. Щелк, и нет другого. Они не персонифицированы. Попробуй, поставь себя на их место. Представь себе, что ты – один из них, но такой, как он тут показан: мелькнул на экране, взрыв, и нет тебя. Так вот, главная ложь нашего искусства состоит даже не в том, о чем я говорил. А в том, что реально для подавляющего большинства людей (на войне и в мирное время тоже!) такой персонификации, как это изображает наше искусство, нет. А если и есть для некоторой части, то совсем не в таких формах. В каких? Например, холуйство и угодливость перед начальством. Стремление вылезти на вид. Шутовство. И т.п. Геройство? Иногда. Но о каком геройстве может идти речь для масс людей, уничтожавшихся без разбора авиацией, танками, артиллерией? Да и что такое геройство? Вот летит эскадрилья. Впереди идущий самолет сбили, а я уцелел. Я получил награду. В чем тут геройство? Случай. У нас говорят даже о массовом героизме. Что это? Реально это – массовые мучения. Тут, брат, заключена, великая проблема.

– Но ведь и раньше так было. И на Западе так бывает.

– Бывало. Бывает. Но тут есть принципиальный аспект. Западная цивилизация, развив персонификацию индивида до высокой степени для значительной части населения, развила ее в той или иной мере

для всего общества. Не забывай, между прочим, что верующий человек уже персонифицирован по крайней мере в минимальной степени: перед Богом, а значит в своих собственных глазах. Даже деревенский пастух был более персонифицирован, чем нынешний заведующий..., скажем сектором, или секретарь райкома партии. Наше же общество есть общество, осуществляющее общую деперсонификацию индивидов как принцип. У нас господствует тенденция, согласно которой степень персонифицированности индивида зависит от уровня его социальной позиции. Потому все эти «культы личности» у нас не случайны. Потому у нас ожесточенное самоутверждение и самовыделение пронизывает все стороны нашей жизни и все слои общества. В людях в силу их прошлой биологической истории сложилась врожденная способность – стремление к выделению себя из общества и осознания себя в качестве личности, т.е. в качестве некоей самодовлеющей ценности. Последующая история цивилизации развила эту способность до высокой степени. Современная культура, без которой современное (в том числе и наше) общество не может существовать, стимулирует эту способность в сильнейшей мере. А с другой стороны, социальный строй нашей жизни с необходимостью порождает тенденцию к деперсонификации всего (именно всего!) населения страны. Отсюда, естественно, вытекают наши чудовищные формы самоутверждения. Раздувание ничтожеств в гении, бесконечные самонаграды, звания. Когда в наших конторах сотрудники со злобой воюю за копеечную надбавку, дело тут не столько в размерах надбавки, сколько в самом ее факте. Стремление главы государства увешать себя орденами, чинами, званиями, мелькать в газетах и телепередачах и т.д. с этой точки зрения явление такого же порядка, как стремление бухгалтера быть отмеченным благодарностью в приказе. Как тот, так и другой реально личностями не являются, но рвутся каждый в меру своих возможностей выглядеть ими в своих глазах и в глазах окружающих. Подчеркиваю, они стремятся не быть личностями (это для них исключено), а выглядеть так, будто они являются личностями. И получают ложные личности, иногда – грандиозно ложные (Сталин, в частности, в значительной мере уже испытал влияние этой закономерности, но в чистом виде пример ее дают наши теперешние вожди.

Я вспомнил стихи Ленкиного приятеля:

Теоретик, – не сделавши открытия,

Полководец, – не выигравши сражения.

А я кто? Тоже ложная личность? А мое стремление попасть в

Академию? То, что я говорю сам себе о «пользе дела» – липа? Самоутешение? И я лихорадочно ищу выхода из положения. И я нахожу его.

– Дело не в уничтожении персонификации, – говорю я, – а в изменении ее формы. Просто коммунизм рождает иной статус личности и иные представления о ней. Это – азбучная истина.

– Ты прав, – говорит Антон. – Но лишь в том смысле, в каком бедность есть разновидность богатства, глупость есть вид интеллектуального состояния, смерть есть форма бытия вещей. К тому же то, что я говорил, вполне согласуется с марксизмом: персонификация есть явление надстройки, а она, как известно, сбрасывается.

Фильм кончился. Симпатичный майор погиб, так и не соблазнив неприступную санитарку.

О ВОСПИТАНИИ

Антон обладает удивительной способностью: о чем бы мы ни говорил, он всегда находит такую сторону дела, которую никто не замечает и которая в конце концов оказывается решающей. Это – способность видеть истину сразу, отличающая прирожденного гения от всех прочих посредственностей. Вот, например, пришел Дима и рассказал, как его Маринку терзали в школе и райкоме комсомола (оказывается, для подачи документов на отъезд старшим школьникам нужна характеристика, а это значит – куча всякого рода сборищ, на которых ребенка поносят как врага народа и предателя).

– Идиоты, – говорит Дима. – Они же сами себе вредят. Они заставили всех Маринкиных друзей наговорить о ней всякого рода мерзостей. Они же сами не верят в это. И дома сами возмущаются, я это точно знаю. И дети не верят. Вот так вместо высоких качеств гражданина воспитывается цинизм, лицемерие, способность предавать друзей.

– Почему же идиоты, – говорит Антон. – Они делают именно то, что нужно: на конкретном материале вырабатывают у детей качества подлинного советского человека. Натаскивают. Тренируют. Как и нас постоянно тренируют на это, чтобы мы не разучились быть настоящими советскими людьми.

– Черт возьми, – говорит Дима. – Ты прав. Они педантично делают свое дело. Нет, друзья мои. Что угодно, только скорей отсюда. Скоро моему Витьке в школу. Как подумаю, что его здесь ждет, голова мутится. Не хочу, чтобы он был пионером, комсомольцем.

ЗАДАЧКА ДЛЯ ТЕОРИИ

В газете напечатали фельетон о борделе, который устроило себе начальство того самого знаменитого строительства в Заволжье. Бордель шикарный, с молоденькими девочками, с царской едой и выпивкой, с бассейном и финской баней. И бесплатный, конечно. Вся Москва болтает сейчас об этом. Был суд. И, как и следовало ожидать, дали крупные сроки непосредственным исполнителям («банщикам», «официанткам», «кладовщикам» и т.п.), а главные действующие лица остались в тени и даже не фигурировали в материалах следствия. И, само собой разумеется, никто ни звука о том, что огромное число лиц из начальства и ударников комтруда (им тоже кое-что перепало в этом борделе) не так давно стало Героями, орденосцами, лауреатами, депутатами делегатами и т.п. Их портреты мелькали в газетах и журналах. Их показывали в кино и по телевидению.

– Вот сволочи, – говорит Ленка. – Расстреливать таких мало!

– Кого ты имеешь в виду, – говорит Сашка. – Высшее начальство или «банщиков»?

– Такие случаи у нас исключение, – говорит теща. – И мы с ними боремся.

– Ерунда, – говорит Тамурка. – То, что устроили суд и напечатали в газетах это действительно исключение. Почему пошли на это, трудно сказать. Наверно, перергались. Или на стройке рабочих кормить печем. А то, что два года эта мерзость творилась на глазах у всех, и никаких мер не принималось, это тоже случайность? Голову отдам на отсечение, они в этом своем заведении наверняка принимали и высшее московское начальство. Наверняка там паслись и чины КГБ, и чины прокуратуры.

И все мое семейство (включая тещу) пустилось в воспоминания. Вспомнили Мжаванадзе, Насреддинову, вспомнили события во Львове и Рязани.

– А известно ли вам, что творится в Азербайджане, – сказал Сашка. – Наши русские чиновные жулики, – щенки по сравнению с заурядными азербайджанскими...

И в таком стиле идет у нас беседа за ужином. И вообще почти всегда, когда мы собираемся вместе. Не о шедеврах литературы и живописи, – их у нас нет. Не о возбуждающих проблемы и эмоции фильмах, – их тоже нет. А о мерзостях нашей жизни, – их у нас полно. И даже официальная пресса иногда уступает их напору, создавая иллюзию их случайности и исключительности в нашем обществе, иллюзию непримиримой борьбы с ними.

Потом заглянули Зимины и пригласили нас прогуляться.

– Дими́на те́ща отка́залась подпisać разреше́ние на отъезд А́нюты, – говорит Анто́н. – Вла́сты похва́лили те́щу (предварительно уговори́в ее, конечно), сказа́ли, что она – настоя́щий гражда́нин и патриот. А́нюту обруга́ли последними слова́ми (она же русская!), назва́ли преда́телем. Те́ще семьдесят пять. Пере́несла два инсульта. Сейча́с – в состоя́нии полно́го ма́разма. Поми́мо А́нюты у нее два сына́ и еще́ дочь, с кото́рой она́ и живе́т. А́ньюта вы́платила́ ей алиме́нты, приче́м – такие́, как е́сли бы она́ была́ единственна́я дочь. К тому́ же те́ща име́ет приличну́ю пенсия́. И вот она́, оказыва́ется, образе́ц гражда́нской созна́тельности. А́ньюта – автор мно́гих хоро́ших эссе́ и очерко́в, в расце́вете творче́ских сил, кандида́т наук. И ее́ обвиня́ют в том, что она́ психиче́ски ненорма́льна! Предста́вь себе́, родстве́нники, сослуживцы́ всерьез поговарива́ют с том, что́бы поме́стить в психиатри́ческую больни́цу. Вот тебе́ зада́чка! Ре́шай! Ты знае́шь А́нюту, знае́шь ее́ ма́ть. Ре́шай! Мо́жет твоя́ нау́ка справиться́ с такой зада́чкой?

– Моя́ нау́ка такие́ зада́чки не ре́шает.

– Знаю́. Когда́ зада́чка нехоро́шая, твоя́ нау́ка говори́т, что она́ име́ет де́ло с эпо́хами. А когда́ како́му-нибу́дь рабо́тыге за соро́к ле́т рабо́ты отва́лят дву́х-комна́тную кварти́рку на четверых, твоя́ теория́ тут как тут: гляди́те, мол! Подтве́рждение! А ска́жи мне, как ты отне́сся бы к такой те́ории, кото́рая да́ла бы ме́тод реше́ния таких зада́чек?

Я пожа́л плеча́ми (а что́ мне еще́ остае́тся?).

– Та́кой те́ории нет.

– Почему́ же нет? По́ крайней мере́ отча́сти е́сть. И ты с не́й чу́точку зна́ком. С то́чки зре́ния э́той те́ории тако́го ро́да зада́чки – для начи́пающих.

Я оторопел. Неужели Анто́н догады́вается?! Е́сли так, то почему́ же он со мно́й встре́чается? Странно́ это́ все. А почему́ я с ним встре́чаюсь? Хо́тел бы я зна́ть, что он ду́мает и говори́т обо́ мне. У меня́ тако́е состоя́ние, буд́то мы – один человек, раздво́енный самым неле́пым обра́зом. Во́ вся́ком слу́чае, во́ мне си́дит что-то анто́нообра́зное. Чем не ди́алектика? Поно́сят ди́алектику, а сами́ живу́т как класси́ческие приме́ры для не́е. То́лько скрыва́ют. Неужели́ и в Анто́не си́дит не́что, подобно́е мне? Я вы́ждал подхо́дящий пово́д в на́шей бесе́де и спроси́л его, неужели́ он не хо́чет поро́й получи́ть степе́нь, звание́, должност́ь, о́клад, о́рдена, изве́стность и т.п.

– Это за порогом моего сознания, – сказал Антон. – Социального индивида из человека делает общество и делает это вопреки его желаниям, а личностью человек становится по своей воле и вопреки желаниям общества. Потому человек как социальный индивид раздвоен, и твоя диалектика тут не при чем, а личность всегда односторонняя и имеет тенденцию к цельности. Я догадываюсь, что волнует тебя. Но поверь мне, я к людям отношусь исключительно в плане симпатии и антипатии, без всякого рационального расчета. Поэтому, между прочим, я не общаюсь с нашими диссидентами. Меня тошнят от их нетерпимости, некомпетентности, самомнения и прочих качеств советского человека. Наши диссиденты – плоть от плоти и кровь от крови советского общества, они несут в себе черты этого общества в гипертрофированном и карикатурно-болезненном виде, сами того не замечая. А я предпочитаю просто людей.

– Как было бы хорошо, если бы можно было отрешиться от всех наших гнусных проблемок и делишек и пожить несколько лет просто по-человечески.

– Ты же знаешь, что это невозможно. И не нужно. Возблагодарим судьбу за то, что она послала нам долгую жизнь и наши «гнусные проблемки». Хорошо, что они есть. Вспомним, раньше и этого не было. Есть проблемы – есть жизнь.

Настроение нам испортили пьяные ребята. Они прицепились к нам просто так, от нечего делать, под предлогом закурить. Посыпались оскорбления. Антон одного сбил с ног, другому закрутил руку. Прочие струхнули. Потом они просили извинения, лезли целоваться и предлагали совместно выпить. Мы еле отвызались от них.

– Ну и мразь, – сказал я.

– Забавно, – сказал Антон. – Можно защититься от угроз и оскорблений со стороны советского народа, но невозможно защититься от его любви. Советская любовь к ближнему, – вот что задушит этот мир.

О РУССКОМ НАРОДЕ И БУДУЩЕМ

Нашу забегаловку заняли не то под банкет какого-то учреждения, не то под свадьбу. И мы прошли весь длиннющий проспект Строителей, так и не сумев попасть ни в одно из немногих едально-питейных заведений.

– Все-таки Москва чудовищно скучный город, – сказал Ребров. – Унылый.

– Бездарный, – сказал Безымянный.

– Причем, бездарен такой бездарностью, какая культивируется специально в грандиозных государственных масштабах, – сказал Эдик.

– А ведь русский народ необычайно талантлив, – сказал я.

– Конечно, сказал Эдик. – Но очень своеобразно. Как-то помелочному и ужасно бестолково. Безрезультативно. Вот, к примеру, мой сосед по квартире. Инженер. Изобретатель. Куча патентов. В комнату войти нельзя, – проволочки, трубочки, колесики. Совершил какой-то геройский поступок во время аварии на заводе. Стал инвалидом. Занимается подпольной адвокатурой. Умен и изворотлив невероятно. Но до сих пор не может организовать себе квартиру и машину. И вовсе не потому, что он – увлеченная бескорыстная натура. Наоборот, он – расчетливый жадный хапуга. Просто не может. Весь его талант уходит в какие-то несущественные пустяки.

– Это потому, – сказал Ребров, – что у нас не дали развернуться обществу со свободной личной инициативой. Если бы мы остановились на Феврале, русский народ развернулся бы во всю мощь во всех областях культуры.

И мы затеяли бесперспективный спор о том, что бы было, если бы не было того-то и было бы то-то.

– И все-таки, – сказал Эдик, – я думаю, что наша непродуктивность и бестолковость заложена не в нашей биологии, а в нашей истории. Каждый народ имеет свой определенный коэффициент продуктивности. Это – характеристика его исторической индивидуальности. Возьмите немцев. Почти каждый немец по отдельности тут и глуп. А все вместе гениальный народ. Почти каждый русский по отдельности – Ломоносов. А все вместе – вопиющая посредственность.

– Нужен настоящий русский национализм, – сказал Ребров. – Какой угодно. Путь самый черносотенный. Иначе Россия не подыметься. Иначе русский народ так и останется навеки ареной и материалом для вского рода проходимцев.

И мы опять затеяли нелепый спор о национализме, интернационализме антисемитизме, сионизме.

– Во всех наших разговорах такого рода, – сказал потом Ребров, – есть нечто лицемерное, стыдливо-подлое. А между тем народ, желающий обрести самостоятельную активную роль в истории, без национализма обойтись не может. Во всех наших республиках цветет национализм. И мы признаем его правомерность. А для самого несчастного и задавленного народа этой страны – для русского народа

– мы не допускаем даже мысли о национализме. Это, уважаемые, не что иное, как предательств своего народа!

– Я готов принять русский национализм, – сказал Безымянный, – но только с чисто социальной программой. А то русский национализм обычно вырождается в одно идиотское заклинание: во всем жида виноваты.

– А что Вы имеете в виду под социальной программой, – спросил я.

– Западную культуру и западный образ жизни, – сказал Безымянный.

– Глубочайшее заблуждение, – сказал Ребров. – Русский народ не есть народ западного образца. Он просто русский, и все. Он сам себе образец, как и всякий великий народ.

Потом мы разошлись, так и не найдя подходящего места перекусить и не придя к общему мнению по поводу русского национализма. Что касается меня, то я никогда не ощущал себя представителем русской нации. Я всегда ощущал себя москвичом – представителем особого космополитичного скопления людей самых различных национальностей, причем – той части этого скопления, представителей которой подозревают в том, что они – замаскированные евреи или полуевреи. Москва, воплощая в себе всю нашу огромную страну во всем ее многообразии, вместе с тем противостоит ей как совершенно новое мировое формирование противостоит глубочайшей полуазиатской провинции. И я временами в московской серости и унылости замечаю нечто более значительное, чем яркость и живость западноевропейских городов. Я сейчас в них усматриваю нечто родственное восточному базару. У Москвы будущее. А у Запада – прошлое. И если уж говорить о роли русского народа, то мне реальной представляется лишь такая проблема: что внесет русский народ в эту новую общность, исчезнув с лица земли в качестве русского народа. А он фактически исчезает. в качестве нации. Революция, гражданская война, коллективизация, бесконечные репрессии, вторая мировая война, – все это сокрушило Россию как национальное образование. России давно уже нет. И не будет больше никогда. Осталось русское население, – материал для чего-то другого, только не для нации. Я убежден в том, что для русского населения национализм был бы крайне реакционен. Это был бы путь назад, а не вперед. Вот вам еще пример диалектики: те, кто причиняли зло России как национальному образованию (а было ли вообще такое?!), делали тем самым добро русскому населению, вынуждая его к иной, более современной общности. С этой точки зрения еврейская эмиграция и еврейская консолидация и антисемитизм принесли огромный вред прежде всего

русскому народу, ибо евреи играли огромную роль по вовлечению русского населения в эту новую (московскую, по крайней мере) общность. Если русский национализм получит поддержку и подкрепление, это может надолго задержать происходящий процесс эволюции русского населения. Я – русский не в одном десятке поколений. Но я хочу видеть свой народ хорошо живущим. И потому я против национализма всякого рода. И потому я приветствую то, что происходит у нас на глазах. И вообще, все не так-то просто, как полагают мои собеседники и оппоненты. В глубине души я все же смотрю оптимистически на будущее коммунизма. Я уверен, что люди найдут средства против его отрицательных явлений и будут жить много лучше нас.

Когда я пришел домой, ко мне выскочила возбужденная Ленка.

– А у нас в подъезде на пятом этаже квартиру обчистили. У Семеновых. Представляешь, одних шуб пять штук унесли. Две норковых. И денег, говорят, две тысячи наличными. Зачем они их дома держали?! За полчаса обделали. Пока домработница в магазин бегала. Говорят, навели кто-то свои.

Мне стало смешно по поводу своих предшествующих оптимистических размышлений. Я не выдержал и расхохотался.

– Ты находишь это смешным, – сказала Тамурка. – А если нас обчистят?! Я давно тебе твержу, надо провести сигнализацию. Сейчас квартирные кражи в Москве стали обычным делом. Деньги превращаются в ничто. Люди предпочитают заводить материальные ценности и держать их при себе.

– Нам учитель по истории когда-то говорил, – сказала Ленка, – что массовые кражи как социальное явление появились вместе с разделением общества на классы, с разделением людей на бедных и богатых. Он еще говорил, что с уничтожением классов отомрет и воровство как массовое явление.

– Надо знать диалектику, – съязвил Сашка. – Государство отмирает путем усиления. И воровство отомрет путем его всемерного расширения и укрепления. Когда все разворуют, тогда...

– По-моему, – сказала Ленка, – воровство гораздо более соответствует сущности коммунизма, чем...

– Прекратите этот антисоветский балаган, – завопила Теца. – Надо же в конце концов знать меру! Я напишу к тебе в Институт, в партбюро!! Понял?!

Еще бы не понять! Такая стерва способна на все.

О БЕСКОРЫСТИИ, САМООТВЕРЖЕННОСТИ И Т.П.

Мы с Безымянным зашли в кафе «Космос» выпить кофе и встретили там знакомого Безымянного по имени Вадим. Когда Вадим ушел, Безымянный рассказал мне о нем следующее.

Безымянный был уже аспирантом и вел небольшой спецсеминар для студентов второго курса. Среди них и был этот Вадим. Парень, казалось, был довольно способен. Интересовался предметом. Скоро Вадим оказался в числе поклонников Безымянного (тот имел успех уже будучи аспирантом) и стал близким человеком в его окружении. Однажды Вашим сказал Безымянному, что его вызывали в КГБ (тогда МГБ) и предложил стать осведомителем. Вадим спрашивал совета, как ему быть. Безымянный понял сразу, что Вадим согласие дал, а разоткровенничался либо в припадке чувств, либо по специальному заданию, и посоветовал согласиться. Тем более, думал он, тогда, будет свой человек в стукачах. Шли годы. Вадим оказался очень посредственным ученым. Но слегка преуспел, – защитил диссертацию, получил звания. Регулярно ездил за границу. Недавно Безымянный случайно выяснил, что он курировал всю его деятельность от КГБ. Вадим стал неперменным членом разных международных организаций, опубликовал ряд пустейших, но современных на вид книг. В общем, стал видной и влиятельной фигурой в их кругах. Кто он? Сотрудник КГБ? Не совсем. Он считается видным ученым. Его знают за границей. И принимают. Ученый? Ни в коем случае. Он, конечно, поднабрался за эти долгие годы. С языками освоился. Научился компилировать и пускать пыль в глаза. Это – довольно типичное явление для нашего общества, когда партийный, государственный, кагебевский и т.п. (в общем-то это одно и то же) функционер выступает в форме ученого, писателя, художника, композитора и т.п. Причем, он вырастивается как ученый, писатель и т.п. и даже порой добывается заметного успеха в этих областях. И однако он вырастивается не как ученый, писатель и т.п., а как партийный, административный и т.п. функционер. И это не проходит безнаказанно. Один такой человек способен убить творческий дух в целой области культуры, ибо он затрагивает самые тонкие и глубинные нити творчества. Безымянный как-то проанализировал и суммировал деятельность Вадима за многие годы и пришел в ужас от масштабов его смертоносного влияния. И, главное, к нему не придерешься. Формально он чист, как стеклышко. Безымянный всем зарубежным коллегам сообщил, что Вадим – сотрудник КГБ. Никакого эффекта. Для них там это, оказывается, не играет никакой роли.

– Вы же сами видели, – говорит Безымянный. – Очень милый, вежливый, образованный человек. А между тем – одна из самых гнусных личностей в наших кругах. Ярко выраженный продукт всей системы нашего воспитания.

– Тут Вы, пожалуй, преувеличиваете. Таких Вадимов не так уж много.

– Я не говорю, что их много. Я лишь утверждаю, что они не случайны, закономерны, показательны. Иногда ведь даже один такой субъект может служить показателем системы.

– Я не могу согласиться с тем, что он – продукт системы воспитания. Вы же не будете отрицать, что вся наша система воспитания стремится выработать в людях положительные качества. Какие? Допустим, способность к героизму, самоотверженность, бескорыстие и т.п. Это же хорошо!

– Во-первых, я не утверждаю, что Вадим обладает плохими качествами и не обладает хорошими. К нему не придерешься. Человек положительный во всех отношениях. Во-вторых, есть реальная система воспитания и демагогия по поводу качеств «строителя коммунизма». Я имею в виду первую. А в-третьих... Вы сказали: это хорошо. Кому именно? Хапуге и карьеристу выгодно, чтобы окружающие были бескорыстны, скромны и т.п. А кому выгоден героизм и самоотверженность? Тем, кто их проявляет? Обычно для них это – безвыходное положение. Для некоторых – средство самоутверждения и даже карьеры. Начальству выгодно, чтобы народ проявлял массовый героизм и самоотверженность: этим в какой-то мере можно компенсировать их бездарность и глупость. К тому же Вы сами хорошо знаете, как у нас производится отбор в герои. Вы думаете, люди не понимают этого? Видят все. Вот и получается сплошное лицемерие для подавляющего большинства. И база душевной драмы для немногих. У нас, например, способный ученый обязательно должен делать служебную карьеру, обретать положение и власть. Иначе сомнут и сожрут совсем. Есть власть – есть ученики, сторонники, последователи, ссылки, публичные представления, признание. Нет власти – есть сначала закулисное молчаливое признание, потом активное замалчивание, потом... В общем, либо ты становишься на путь, когда о тебе со временем станут говорить, что ты, мол не без способностей, но в целом – типичный советский карьерист, либо тебя нет. А как у Вас?

И тут я излил свою дупу. Бог мой, чего только я не говорил! Выложил все, что накопилось за многие годы.

– Извините, я расплакался. Накипело. Нет мочи больше терпеть.

– Это для меня ново. Я никогда не думал, что и в ваших кругах то же самое.

БЕСПРИЧИННАЯ ЗЛОБА

На кафедре философии в Медицинском институте обсуждали какой-то пустяковый вопрос. Кто-то упомянул мое имя. И неожиданно для всех с длинной речью выступил К-в. Как рассказывают, он с нескрываемой злобой обрушился на меня. Не могу понять, в чем дело. У нас всегда были прекрасные отношения. Я всегда помогал К-ву. Несколько статей его протолкнул в нашем журнале. Совсем недавно мы виделись. Он поносил Васькина, Тваржинскую и прочих. И вдруг... В чем дело?

– Ты хочешь знать мое мнение? – говорит Антон. – Тут все очень просто. В человеке накопилась злоба. Она должна найти выход. На кого она изольется, зависит от обстоятельств. Не обязательно на того, кто причинял ему зло. Как правило – на подходящую фигуру с какой-то иной точки зрения. Обычно – на слабозащищенную. Или на перспективную с точки зрения возможных выгод. К-в, очевидно, почувал, что против тебя что-то зреет. Плюс к тому – у тебя шансы попасть в Академию. А кому это хочется? Ты будешь иметь блага и почет, а он – нет. А чем он (так он думает) хуже? Потом в человеке назревает взрыв. И достаточно пустяка, чтобы он произошел. Кто-то назвал твою фамилию, – нажал курок, и выстрел раздался. Это у К-ва. А у других возможен чистый расчет ругать тебя. К-в же – пример психологического срыва. Тут интересно другое – типичность и массовость такого рода явлений в нашем обществе...

Антон начал излагать какие-то свои выкладки, на этот счет. Я не стал слушать, занявшись своими мыслями. Если даже такие, как К-в будут позволять себе «срывы» по моему адресу, что же ожидать от других? Совершенно очевидно, у меня приближается критический момент. А чему я удивляюсь? Что было со Скопиным, когда он проходил в академию? Еще за год началась скрытая и открытая кампания по его дискредитации. Скопин успел проскочить. Как, собственно, говоря, успел? Его выбрали. Затем вскоре он слег в больницу и умер. Успею ли я? Надо успеть. Но я-то в больницу не лягу, как Скопин. У меня другая натура. Хорошо, когда есть мощная закулисная поддержка. Например, тещь крупная шишка. Или по тебе решение принято. Например, когда избирали Агафонова, всех от кого зависело его избрание, вызывали в соответствующее

место персонально и долго беседовали. Попробуй, после этого не проголосуй «за»! Ситуация, в общем похожа на такую: ты бежишь, намереваясь взять высоту, а по дороге тебе за ноги цепляются всякие твари; и надо суметь пробежать и прыгнуть так, чтобы они не слишком тебя попутали и не свалили до прыжка. Ну, что же! Посмотрим, кто кого!

МОЙ БРАТ

В Москву прилетел брат. На какое-то сверхзакрытое совещание. Сопровождает одного из руководителей одной из областей Поволжья. Зашел к нам поздно вечером. И мы пили, не пьянея, и проговорили до утра.

– О чем совещание, если не секрет, – спросил я.

– Секрет. Для идиотов секрет. Все о том же: жрать нечего и не предвидится.

– Кто доклад делал?

– Сам. Господи, что за кретин! Целый час изображал революционера (революционер революции шестидесятилетней давности!) и болтал о наших выдающихся успехах. Лишь в конце мельком сказал, что темпы нашего роста немножко отстают от запланированных. Это значит: живем х...о, а будем еще х...е.

– А как там у вас?

– Еще хуже.

– Спрашивают, почему?

– Спрашивают. Мы врем: мол, неурожай.

– Верят?

– Нет, конечно. Ты думаешь, люди ничего не видят и ничего не понимают?

– Неужели нельзя принять разумные меры?

– Меры принять можно. Мы и принимаем. Но разумные – нет. Ни в коем случае. Тут, брат, заколдованный круг. Что ни делай, результат один. Надо всю систему в корне перестраивать. А меры... Мы только и делаем, что принимаем меры. В результате чиновников, паразитов, халтурщиков, жуликов, лодырей, рвачей и прочей мерзости становится все больше, а хлеба и мяса меньше.

Я перебираю всевозможные варианты преобразований. Брат громит их один за другим.

– Тут все друг с другом связано. Потацишь одно – потащится все остальное.

– Но есть же, как говорил Ленин, главное звено, ухватившись за которое...

– Кукуруза? Целина? Сколько этих главных звеньев было?! Где они? Это раньше главные звенья были. Теперь их нет. Теперь все главное. Раньше грубые задачи решали. Если какого винтика не хватало или его плохо делали, не беда. Дело делалось и без этого винтика. Теперь не то. Слишком сложным стал механизм нашей жизни. И винтики надо делать хорошо. Иначе не поедешь. Надо все детали подгонять до миллиметра. Иначе ни х... не выйдет. Мы ведь там у себя тоже не лаптем щи хлебаем. Кое-что сами соображаем, Задачки наши требуют честности, добросовестности, заинтересованности, мастерства, экономии, бережливости. А где их взять? А мы производим в изобилии безответственность, очковтирательство, показуху, халтуру, разбазаривание, бестолковость.

– А где же выход?

– Каждый ищет выход для себя. Зачем, ты думаешь, я тут? Слушать этого болвана? Выкручиваться. Пыль в глаза пускать. Обещать. Лишь бы начальство было довольным. Лишь бы удержаться на посту.

– Проблемы-то остаются.

– Проблемы решаются. Как? Сами собой. Время идет. Люди мотаются по очередям. Собираются в группы и посылают «представителей» в Москву за продуктами. Кое-как перебиваются. Люди живут. А время идет. И что-то само собой вырисовывается. Одно дело – меры, постановления, призывы. Другое дело – естественный ход жизни. Он имеет свои законы. И свои меры.

Потом мы заговорили системе оплаты труда, о текучке кадров, о прикреплении и т.п. И меня поразило сходство суждений брата с суждениями Антона. В книге Антона есть одно место, которое косвенно касалось темы нашей беседы. Вот в двух словах его идеи. Глубинной тенденции коммунизма к полному закреплению индивида противостоит столь же органичная ему тенденция к предоставлению индивидам вообще и некоторым категориям индивидов в особенности некоторой свободы действий. Если первая вытекает из глубинных взаимоотношений в первичных коллективах, то вторая вытекает из взаимоотношений большого числа коллективов, из факта дифференциации общества, из интересов общества как целого. Характерный пример на этот счет – система твердо установленных окладов: индивид по закону получает определенную сумму средств на существование только потому, что он занимает определенную

должность. Здесь есть отклонения, но они не существенны. Важно то, что индивид имеет некоторый законный минимум средств существования, делающий его в какой-то мере независимым от власти коллектива. Попытки сделать оплату труда индивида полностью зависимой от власти коллектива (например, «карповская система») не увенчались пока успехом (в «карповской системе» тоже сохраняется некоторый минимум зарплаты, не зависящий от власти коллектива). Полное закрепощение индивида коллективом не выгодно обществу в целом. Имеются и другие антикрепостнические факторы. Например, – враждующие группировки, конкурирующие организации, возможности перехода на работу в другое место, личные связи, защита свыше, конъюнктура, дефицит нужных людей (при избытке паразитов), независимость положения начальства от воли подчиненных и т.п.

Социальный организм – сложная сбалансированная в деталях система. То, что порой кажется нелепым само по себе, оказывается очень разумным с точки зрения целого. А то, что порой кажется гениальным само по себе, оказывается величайшей глупостью с точки зрения общества в целом. И не так-то просто решить социальные проблемы такого рода волевым законодательством. Общественная жизнь – бесконечный эксперимент. Сбалансирование деталей социального организма достигается и постоянно нарушается ходом самой жизни. Для властей это – игрушки и арена удовлетворения властолюбия и тщеславия. Для прочих – единственная драма реальной жизни. И главной движущей силой улучшения социального организма является не иллюзорная мудрость начальства, а практическая способность участников жизненной драмы к сопротивлению.

Я пересказал это брату.

– Верно, сказал он. – Твой друг не дурак. Забастовки нужны. Побольше забастовок, и дело сдвинется. Но, увы, чтобы наш советский человек забастовал, нужны крайние обстоятельства.

– Слухи ходили, что у вас там бастовали.

– А, пустяки. У нас – не в Москве. Не на виду. Мигом раздавили. И никаких следов. Одни слухи. А слухи походят-походят, и забудутся. Потом, за слухи мы тоже берем. Клевета, брат! Вот так!

– Как же так получается: сам признаешь, что забастовки нужны, и сам же меры принимаешь, чтобы их не было?

– Спроси что-нибудь потруднее. А у нас даже бастующие понимают, что их надо давить. Иначе совсем жрать нечего будет.

О МОРАЛИ

Приехал Дима. Наконец-то он получил разрешение на отъезд.

– Представляешь, – сказал он, – среди тех людей которым ты передал письмо, оказался наш... тьфу, ... твою мать!.. их человек. Но я все устроил по другому каналу. На проводы не приходи, старик. Я же не маленький, понимаю. Это тебе может здорово повредить! Ты и так, по-моему, на пределе. Боже мой! Что за страна! Люди должны скрывать свою многолетнюю дружбу, чтобы не испортить официальную жизнь! А ведь это – предательство. Причем, специфически советское: и предающий, и предаваемый оба добровольно идут на это, принимая это как норму социальной жизни. И всем наплевать на наши реальные отношения. Важно лишь, чтобы формально дело выглядело так, как хочет официальное общество: раз ты не придешь на проводы, значит не было нашей тридцатилетней дружбы.

Разговорились об эмигрирующих и о их судьбе на Западе. Вспомнили о художнике..., который недавно насовсем уехал на Запад и сейчас устраивает триумфальные выставки по всему миру.

– Я ведь хорошо знал его, – сказал Дима. – Случай интересный во многих отношениях. Его изображают там как кристально чистого в моральном отношении борца против насилия и т.п. Ведь это ложь. Он был вполне равноценным партнером нашей системе. Если бы он был таким чистеньким архангелом, его бы раздавили еще в юности. Наша система даже своим жертвам навязывает общие черты: способность ловчить, лгать, лицемерить и т.п. Или сражайся на почве полной безнравственности, или погибай в начале пути. А помнишь писателя.....? Чего только он ни делал, чтобы завоевать доверие. Писал скверные книги. Писал подленькие статейки. Был партийным боссом. Зачем? Поехать за границу, остаться там и напечатать свою книгу, которую (как он думает) он писал честно и искренне. Единственную честную книгу в своей долгой писательской жизни!

– А возьми нашу среду, – сказал я. – У нас на десяток проходимцев, карьеристов, партийных чинов, администраторов, зятьев и т.п. в академию выбирается один приличный ученый. Зачем? Чтобы вся Академия выглядела не как злачное место для удовлетворения корыстолюбия, тщеславия и властолюбия, а как храм науки, в который входят лишь выдающиеся умы и морально безупречные личности. И на что только люди не идут, чтобы пробиться в этот храм! И так во всем, за что ни возьмись. Опять же премии. Хочешь верь, хочешь нет,

а у нас будут выдвигать Баранова, Канарейкина, Тваржинскую. Трехтомный труд «Горжество идей коммунизма». Почитал бы! Обсмеяться можно.

– Обидно то, что мы сами все это прекрасно понимаем и добровольно участвуем во всей этой оргии лжи. Я уезжаю хотя бы для того, чтобы выбраться из этой лужи г...а. Пусть там хуже будет. Но тут я больше не могу.

– А каково тем, кто не может вне этой лужи? Мы же знаем, что из себя представляет наша лужа. Знаем о возможности чего-то другого, получше. А способности жить вне этой нашей гнусной лужи мы с детства лишены. Остается тупеть, мерзеть, становиться искренне адекватным своей г.....ой луже. Иначе жить нельзя.

– Надеюсь, мы еще увидимся. Поедешь на конгресс какой-нибудь, дай знать. Я приеду повидать тебя, где бы я ни был.

И ВСЕ-ТАКИ

– Ладно, – говорю я, – пусть ты прав. Но представь себе, что свершилось такое чудо, и ты оказался в тех временах Революции и Гражданской войны. И ты наперед знаешь, что произойдет. Знаешь, что будет Архипелаг Гулаг. Что ты стал бы делать? С кем бы ты пошел?

– Это другой вопрос. Для меня тут проблемы выбора нет. Я бы пошел с красными, если бы даже знал, что на другой день меня расстреляют. Для меня и теперь нет проблемы выбора. Случись что – я до последней капли крови буду защищать эту страну и этот строй жизни. Я не хочу возвращаться назад. Я хочу идти вперед, принимая случившееся как бесспорный факт. Критика коммунизма на почве коммунизма не есть борьба против коммунизма. Она не может в принципе привести к реставрации докоммунистических порядков. Скорее наоборот, именно зажим критики коммунизма тесно связан с тенденцией к такой реставрации или, в крайней случае, с тенденцией к перерождению в духе такой реставрации. Кстати, никто сейчас так много не делает для дискредитации коммунизма, как само наше высшее руководство и официальные власти. И тоже кстати, сталинизм был самой классической контрреволюцией. И знаешь, что инстинктивно чувствуют наши привилегированные слои в критике советского строя жизни в первую очередь? Угрозу революции, т.е. угрозу своему благополучию. Вот какие фокусы выкидывает порой история. Тут все вывернуто, перевернуто, искажено. Я

хочу лишь докопаться до сути дела. Хочу обрести начала нового пути. А с кем бы ты пошел, положи руку на сердце?

И я не смог ответить на этот вопрос. Я не испугался: с Антоном я мог быть предельно откровенен. Просто у меня не было такого ответа. И я не хотел его искать.

– Вот видишь! А ведь суть-то дела проста: опять встала вечная проблема имущих и неимущих, насилующих и насилуемых. Я – неимущий. Ты – имущий. Что может быть проще? Идея коммунизма была рождена неимущими или во имя неимущих и во имя страдающих. Во имя страдающих рождается теперь критика коммунизма как данной реальности. И критика коммунизма отныне и вовеки веков есть столь же серьезное дело, как и сам коммунизм. Антикоммунизм есть реальность самого коммунизма и его вечный спутник. Чего вы боитесь? Это же блестящий пример в пользу вашей же диалектики. Или вы ее допускаете в применении к кому угодно, только не к себе?

– Ты сказал: антикоммунизм. Но мы при этом имеем в виду нечто иное, чем ты. Мы имеем в виду критику коммунизма с позиций капитализма.

– Чуть! Нет такого явления в реальности. Вы имеете дело со схемами, выдуманнами вами же. Всякая критика коммунизма в эпоху торжествующего и процветающего коммунизма есть антикоммунизм, какие бы источники эта критика не имела и чем бы она не вдохновлялась. Иное дело – борьба против Советской Империи и ее сателлитов как определенной совокупности государств. Поскольку последние коммунистические, эта борьба принимает форму антикоммунизма. Но это – разные вещи. Их умышленно смешивают как с той, так и с этой стороны. Западу, которому мы угрожаем, выгодно представить нашу угрозу как угрозу коммунизма, а не просто как угрозу со стороны народов, населяющих страны нашего блока. Нам выгодно представить сопротивление нашему наступлению на Запад как антикоммунизм, а не как сопротивление нашествию народов с каким-то (безразлично, каким) строем жизни. Конечно, в нашем давлении на Запад есть социальный момент: ликвидировать базу для сравнения и критики нашего образа жизни. Но не он главный. Тут важнее борьба, вытекающая из взаимоотношений народов и государств за существование, безопасность, господство и т.д.

– Вот видишь, ты же сам признаешь...

– Я готов признать все, что вы потребуете. Я хочу только одного: выделить специфические явления коммунизма в чистом виде, как это делал Маркс в отношении к капитализму, и подвергнуть их объективному исследованию. Вот и все.

– Ничего себе претензия! Ты хочешь ударить в самое сердце. Ты хочешь раскрыть секреты механизма коммунистической эксплуатации и уверяешь, что это очень скромно.

– Я не претендую на то, чтобы раскрыть этот механизм. Я знаю свои силы. Я претендую только на одно: на попытку убедить хотя бы кого-нибудь в том, что такой механизм есть.

– Это то же самое. Все равно это значит ввязаться в драку не на живот, а на смерть.

– Я это понимаю. К сожалению, я понимаю еще и кое-что похуже. У Маркса было большое преимущество: пока раскусили его замысел, он уже сделал свое дело. У нас же имеется целая армия идеологов и теоретиков, которая заранее видит замыслы такого рода, и имеется могучий аппарат, способный пресечь их в зародыше. Коммунизм намерен законы своей природы сделать самой запретной тайной своего последующего бытия.

– По-моему, ты преувеличиваешь. Как только коммунизм ощутит свою полную безопасность, он самым циничным образом откроет свои тайны.

– Он никогда не ощутит состояния безопасности. Опасение за себя – одно из необходимых его качеств, если даже в мире останется всего одна-единственная страна. Ты знаешь, почему провалят на выборах?

Вопрос был столь неожиданный и столь неприятный по содержанию, что я растерялся.

– Так вот, тебя провалят именно потому, что тебя хорошо знают, и знают, что у тебя есть какое-то желание понять коммунизм научно, т.е. объективно. Во всяком случае, Они все хорошо знают, что в тебе нет твердой и непоколебимой решимости всеми силами помешать самопознанию коммунизма. Ты, как и все Они, мешаешь. Но делаешь это так, как будто что-то оставляешь про себя. Так, на всякий случай.

ВЫБОРЫ

Я с нетерпением ждал звонка. Как только закончится заседание Отделения, станут известны результаты выборов. Общее собрание – пустая формальность. Главное – Отделение. Вечером позвонил первым Сериков и сообщил печальную новость: меня провалили, прошел Васькин. Потом звонили многие другие. Провалили одним голосом. И этот голос был голосом маразматика Канарейкина. Он решил

заложить меня и такой ценой продлить... Что продлить? Болван, все равно твои дни сочтены. Не поможет тебе это. Теперь тебя сожрут за полгода максимум!

Оказывается, Канарейкин выступил и сказал, что я – способный ученый, но увлекающийся, что я еще молодой, могу подождать до следующих выборов, что у меня есть ошибки, которые надо исправить и т.п. Выступление Канарейкина вызвало недоумение, но на всякий случай некоторые мои сторонники (и друзья, конечно) проголосовали против.

Итак, комедия окончена. И у меня наступило облегчение. Я даже отчасти был доволен: теперь будут шептать по углам, что подонка Васькина выбрали, а меня, порядочного ученого, завалили. Ну, теперь держись. Теперь меня разнесут в АОН, в ВПШ и на кафедрах во всех местах, где у меня сложилась репутация ревизиониста. Отдел разгонят. Все наши книги и статьи, находящиеся в издательствах, завернут обратно. Намеченные защиты отложат и замотают совсем. Отменят командировки. И в журналах начнут ципеть. Сначала косвенно, потихоньку. Потом прямо, в лоб и на всю железку. И на всех заседаниях, совещаниях, собраниях будут склонять наши имена. И во всех резолюциях снизу доверху будут посвященные нам пункты. И так по крайней мере пару лет: Если, конечно, не произойдет еще нечто из ряда вон выходящее. Впрочем, если это будет нечто, касающееся нас, на нас набросятся с удвоенной силой как на виновников.

Обдумав все это, я первый раз за все это сумасшедшее время заснул спокойно и проспал даже завтрак. Ну что же, теперь буду жить по-человечески. Буду отдыхать, читать книжки, похожу по музеям. Кому сказать, не поверят, что я последние двадцать лет ни разу не катался на лыжах и ни разу не был в картинных галереях и на концертах. Два-три раза в театре был. Да и то случайно. Больше времени буду проводить с Ленкой и Сашкой. Красота!

И все-таки то, что они сделали, несправедливо. Как же так получилось это?

РЕШЕНИЕ

Существует неуловимый, но совершенно реальный механизм, решающий судьбу человека в нашем обществе. Это не есть решение в собственном смысле слова, предполагающее личности, наделенные волей и сознанием. Это есть некое поведение или реакция части общества на твою персону, обуславливающая те или иные решения лишь как формальные следствия. Этот механизм не является и

механизмом общественного мнения, – такового у нас вообще нет. Это нечто другое, специфичное именно для нашего общества. Как работает такой механизм, трудно сказать. Тут нужны специальные научные исследования. И, конечно, в рамках понятий марксизма он не поддается описанию.

Кто знает, с чего все началось. Может быть где-то Канарейкин специально перехвалил меня, сказав, что я далеко пойду, а кто-то позавидовал или обиделся. Может быть МЛ. носик скривил при звуке моей фамилии или ручкой махнул, а Фрол по секрету рассказал кому-нибудь, прибавив кое-что от себя. Или Корытов намекнул Канарейкину, что Там есть мнение... Или кто-то написал куда следует письмо о моих отношениях с Димой. Или с Антоном. Кто-то написал или сказал о том, что я покровительствую евреям и диссидентам. Кто знает. Теперь истину установить невозможно. Мы рождаемся на свет, неся в себе зародыши своей гибели.

Потом начинается период количественных накоплений. Там намекнули. Тут упомянули. Здесь ругнули. Тут потребовали. Но до поры до времени это роли не играет. Это – норма. На всякого продвигающегося индивида должно быть накоплено нечто такое, что потом в случае надобности можно было бы пустить в ход. Нужны более серьезные причины, чтобы мера была перейдена, и количество перешло в качество. Что это за причины? Опять-таки ответить невозможно. Мои работы о формации? Чушь. Не будь их, придрались бы к другому. Так что же? Ответ ясен: я – шестидесятник по всем показателям, а шестидесятые годы были ошибкой. Ошибку надо исправить. Инерция шестидесятых годов толкала меня вверх. А состояние общества, положившее конец этим годам, подставило мне ножку. Это – просто один из участков, где с некоторым опозданием исправляли ошибки тех лет. И это естественно. Противоестественно было бы, если бы я прошел. Я не успел. В этом суть дела. Все остальное – внешнее оформление. Мои книги тут не при чем. Я в представлении всех прочно связан с тем периодом, а он кончился.

Остается найти повод, который развязал бы лавину того неумолимого механизма решения, о котором я говорил. Такой повод есть: мои робкие попытки внести что-то новое в марксистское учение об общественно-экономической формации. Обсуждение в АОН с участием ВПШ, нашего института и представителей кафедр разных учреждений Москвы прошло, как и следовало ожидать, на высоком идейно-теоретическом уровне. Интересно, что меня не столько ругали, сколько хвалили. Меня защищали Афонин, Канарейкин, Еропкин и

многие другие крупные фигуры. Даже Васькин нахваливал. Но все это производило ощущение некролога. Я тоже выступил. Кое в чем признался, кое-какие обвинения отверг. Я стремился удержаться. Зачем? Привычка. Желание сохранить отдел: если я полечу, отдел разгонят.

Но судьба моя была решена. И речь могла пойти только о мере моего падения. Возможно, я и удержался бы на прежнем месте, ограничившись потерей полставки в Университете и выходом из редколлегии журнала, если бы не статья в одном западном журнале, в которой меня противопоставили консерватору Канарейкину и иже с ним как новатора, стремящегося идти вперед и учитывать веяния времени (статья была посвящена конгрессу). В результате Райком предложил создать специальную комиссию и расследовать положение в отделе.

КОМИССИЯ, СОБРАНИЕ И ПРОЧЕЕ

Дальнейший ход событий ничего непредвиденного не содержал, за исключением пустяка. На партсобрании, на котором разбиралось мое дело, неожиданно для всех сорвался один парень. Был такой тихий, незаметный. И не из нашего даже сектора. И такого наговорил, что его тут же исключили из партии. И с работы уволили. А я – виновник событий – отделался в конце-концов пустяком: выговором с занесением в личное дело. Если не считать снятия с должности.

Возглавлял комиссию заместитель Баранова. От института в комиссию вошли Тваржинская, Никифоров и Сериков. Помимо грубых теоретических ошибок, допущенных мною и рядом других сотрудников отдела (нужна групповщина!), комиссия отметила грубое нарушение ленинских принципов подбора кадров (раскопали, что при зачислении в отдел нескольких младших сотрудников, в том числе – Антона, были допущены нарушения каких-то формальностей). На партбюро раздавались голоса о том, чтобы меня исключить из партии. Но учли мои прошлые заслуги и ограничились выговором. Собрание шло, как и положено в таких случаях, гладко, с обличениями, с обязательствами, с призывами и т.д. Если бы не этот парень! Зря он полез, только испортил дело. Представители райкома и горкома уже начали было склоняться к более мягкому взысканию мне, как вдруг этот инцидент! После этого такой шабаш поднялся, что вспомнить страшно. Ничего подобного не было со времени Сталина. В результате меня

тоже сначала исключили, и лишь потом на бюро райкома смягчили – оставили с выговором с предупреждением. А на Комиссии Партийного Контроля при ЦК снизили просто до выговора. Собрание вынесло рекомендацию освободить меня от обязанностей заведующего отделом. Отдел полностью реорганизовали – изменили название и объявили конкурс на все должности. Сотрудников пораскидали по другим отделам, часть выгнали (не рекомендовали подавать на конкурс, и они сами ушли). Меня благодаря ходатайству Канарейкина пристроили старшим научным сотрудником в один заштатный институт, неофициально признанный местом ссылки всякого рода провинившихся. Светка, конечно, испарилась – перешла к новому заведующему. Я не жалею о ней. Тамара затеяла развод и раздел квартиры. А я, почувствовав все прелести жизни обычного старшего научного сотрудника, блаженствовал – отсыпался, делал зарядку, гулял по улицам, ходил два раза в месяц в институт за зарплатой. И начал обдумывать новую книгу, которую решил написать с полной открытостью и всерьез.

Но пришла беда – открывай ворота. Не стало Ленки.

ИТОГИ

Я смутно помню этот период. И не хочу его вспоминать. Зачем? Все равно ничего уже не изменишь. А если помнить об этом, нельзя жить. И разве не так же обстоит дело в отношении всего нашего общества к своему кошмарному прошлому? Это неверно, будто наши власти стремятся скрыть наше прошлое от молодежи, и только. Если это и правда, то лишь часть ее. К тому же не самая главная. А главное тут в том, что почти все население страны не хочет вспоминать о прошлом, ибо оно хочет хотя бы мало-мальски терпимо жить теперь. Вспоминают о прошлом лишь те, кто сделал это своей профессией (Солженицын, Антон), и те, немногие, которые подпадают под их влияние. Я с большим опозданием понял, что жертвами этой памяти стали мои дети. И я тоже виноват в этом. Я недооценил опасности, думал, что это пустяки, что реальная жизнь сильнее эфемерных речей неудачников.

Потом я долго болел. Из больницы меня взяли Сашка и Антон. Я еще был в таком состоянии, что Сашка решил некоторое время пожить вместе со мной. Часто приходили Антон с Наташей и приносили вкусную еду. Откуда они берут деньги? Антон до сих пор без работы. Наташа говорит, что они теперь даже лучше живут.

Она печатает на машинке. Антон, как это и водилось у нас исстари, делает переводы и закрытые рефераты через посредников, отбирающих у него по крайней мере половину заработанного. Но все равно они не унывают. Говорят, хватает. Ждут книгу. Наивные люди!

Однажды я спросил Сашку, как все произошло.

– Она сама, – ответил Сашка.

– Но почему?!

– Она все узнала.

– Как?!

– Случайно. Она с ребятами из школы пошла в военкомат пригласить ветеранов войны на День Победы. Там случайно обнаружили, что ты и дядя Антон из одного полка. Я-то давно догадался. Но я никому ни слова, клянусь. Я же понимаю. А она... девчонка!..

ГИМН МОСКВЕ

По старой памяти потянуло меня на Старую площадь. Решил записаться к кому-нибудь на прием. К кому? Не знаю. Зачем? Тоже не знаю. Просто по принципу «авось», «а вдруг». Но потом передумал и побрел в Центр. У «Метрополя» неожиданно встретил Виктора Ивановича. Он явно обрадовался встрече. Я предложил заглянуть в кафе, перекусить. Он сказал, что тут отвратно кормят, и предложил дойти до «Узбекистана». Я сказал, что туда идти бесполезно, там всегда дикая очередь. Он сказал, что очередь пустяки, что для нас это не проблема. И действительно, через полчаса мы уже сидели в «Узбекистане», Виктор Иванович делал умопомрачительный заказ угодливо изогнувшемуся официанту, а я испуганно шарил по карманам. Виктор Иванович сказал, чтобы я не беспокоился, сегодня он угощает.

Разговорились. Я начал жаловаться на Москву. Спешка. Давка. Серость. Скука. Раздражение. В общем, высказал все, что обычно говорят о Москве в интеллигентских кругах.

– Не могу с Вами согласиться, – сказал Виктор Иванович после того, как я выговорился, мы для начала осушили по рюмочке водочки и приобщились к царским закускам, каких я не видел со времен последнего визита к Корытовым. – Вы просто не знаете Москвы и не ощущаете ее реальной жизни. Москва – великий город. Один из самых великих городов мира во всех отношениях. А если учесть напряжение жизни, то может быть самый великий. Пульс мира бьется сейчас здесь, в Москве. Москва – все, что угодно, только не провинция,

как Вы заметили. Париж и Лондон теперь больше провинция, чем Москва. Я уж не говорю о Риме, Вене, Мадриде и прочих городах Европы. Нет, Москва давно не провинция.

Я слегка захмелел. Но не от вина, а от непривычно вкусной еды и от общего ресторанный возбуждения. Виктор Иванович обращался с винами, закусками и официантами как опытный завсегда́тай ресторанов. В нем мало что осталось от бывшего сотрапезника в нашей забегаловке.

– Вы думаете, я шучу, – продолжал Виктор Иванович. – Ни в коем случае. В Москве есть абсолютно все, что захотите. Любые вина. Любая еда. Любые девочки. Сейчас в Москве есть такие девочки, каких в Париже не сыщете. Любого вида, возраста, интеллекта, темперамента. В Москве есть все. Наркотики. Сифилис. Шпионы. Иностранцы. Валютчики. Проститутки. Буддисты. Гении. Проходимцы. Гомосексуалисты. Богоискатели. Парасихологи. В Москве есть абсолютно все.

– Все равно это серо, скучно, бесцветно, – сказал я. – Разве сравнишь это, например, с тем образом жизни, какой описан, например, у Бальзака и Мопассана...

– Что же, попробуем сравнить. Женщины? Уверяю Вас, наши московские бабы не хуже. А есть и лучше. Вы просто не имеете доступа к ним. Балериночек и артисточек у нас раз в двадцать побольше. И отбор идет из более обширного и разнообразного человеческого материала. И в этом самом деле, уверяю Вас, прогресс большой произошел. Еда? Да если бы Вы знали, что жрут в Москве, Вы глазам своим не поверили бы. Вы даже названий того, что жрут в наших высших слоях, не знаете. Квартиры? Дома? Дворцы? Так ведь и Бальзаковские герои не в Версале и Лувре жили. А у нас теперь по части квартир и дач дело обстоит не хуже, чем у французов в те злачные времена. Я ведь бывал в Париже. И в домах тех бывал. Никакого сравнения! Было бы время, показал бы Вам такие московские квартиры, что Вы бы ахнули. Ценности? Вы думаете, теперь их нет? Да у нас людей, которые живут на уровне западных миллионеров, не меньше, чем на Западе. Вон, взгляните! Видите, та жирная черная стерва? У нее в каждом ушке ценности, особняк можно купить. Посмотрите на ее лапы! А таких теперь пруд пруди. Развлечения? Дорогой мой, это Вам недоступно. А тем, кто хочет и умеет это делать, им не скучно. Зрелищных учреждений теперь во сто крат больше. В Москве умеючи можно посмотреть любой заграничный фильм, прослушать любую западную музыку, прочитать

любую книжку. Разговоры? Вы думаете, бальзаковские и мопассановские герои вели более интересные беседы, чем мы? Ерунда, я изучал этот вопрос специально. В Москве буквально сотни тысяч людей ведут беседы на гораздо более высоком интеллектуальном уровне. Бессобытийность? Да кто Вам сказал, что московская жизнь лишена драматизма?! Походили бы Вы хотя бы по судам! Почитали бы письма, приходящие в редакции газет! И московские драмы не мельче бальзаковских.

Мы ели одуряюще вкусные азиатские блюда, пили вина, которые давно нельзя купить в магазинах, пьянели и теряли постепенно связь с той нашей слякотной жизнью, какая была, есть и будет за стенами этого злачного места.

– Москва стала центром притяжения для многих миллионов людей, – продолжал свой гимн Москве Виктор Иванович. – Знаете, сколько людей ежегодно вливается в Москву несмотря на всяческие запреты? И очень многие добиваются успеха. Посмотрите наших государственных деятелей, генералитет, видных писателей и художников, артистов, спортсменов... много ли среди них коренных москвичей? В Москве сейчас происходит не просто нечто аналогичное бальзаковскому и мопассановскому Парижу. Тут творится тысяча таких Парижей. В этом может быть и дефект нашей жизни: слишком много этих Парижей. Нет ощущения исключительности. Но это уж другой вопрос.

Просидели в ресторане мы до самого конца. Выпили уйму всяческих вин, а уходили совсем трезвыми.

– В этом все дело, – сказал Виктор Иванович. – Главная причина алкоголизма – плохая выпивка и отсутствие приличной закуски. Того, что мы с Вами сейчас тянули, хватило бы свалить с ног десятков уличных алкоголиков.

Ночная безлюдная Москва выглядит совсем иначе, чем днем. Слабоосвещенные улицы кажутся красивыми и многообещающими. Освещенные окна (боже, сколько их!) создают иллюзию тайны.

– В одном Вы, пожалуй, правы, – сказал Виктор Иванович. – Москве нехватает своих поэтов. Таких, как Бальзак и Мопассан. Появись у нас литература такого масштаба, и московская жизнь представилась бы совсем в ином свете. И действительно стала бы иной. Мало хорошо одеваться, пить, жрать, спать с красивыми бабами, развлекаться в зрелищных предприятиях, вести душещипательные разговоры. Это – необходимое условие хорошей жизни. Но это еще не все. Нужно еще определенное осознание всего этого добра в общест-

венно-признанных формах. Вот мы сейчас с Вами здорово поели. Но увы, это факт лишь физиологический, а не социальный. Он не есть факт литературный, в частности. Москве нужны свои великие поэты. Только появятся ли они? А жить – то все равно надо! Надо жить, понимаете? Жить!

Мы вышли на улицу Горького, прошли через Красную Площадь и вышли на набережную.

– Приходилось ли Вам наблюдать человека, нагло и успешно делающего карьеру? Вы видите, что он – циник, интриган, проходимец, ловкач. Вам противно. Но вас тянет к нему. И временами вы даже восхищаетесь: вот, мол, мерзавец дает! Москва очень напоминает такого человека. Она нагло и уверенно делает карьеру. Серенькая-серенькая, а вылезает-таки в фигуру номер один. А кто из наших вождей поначалу не казался сереньким?! Пройдет каких-нибудь сто лет, и история Москвы нашего периода будет интриговать человечество не меньше, чем история Парижа времен Великой Французской Революции. Биографию Брежнева изучат по минутам. А Солженицына забудут.

Он прав, мой собеседник. А жаль!

– Что жаль?

– Жаль, что биографию Брежнева изучат, а Солженицына забудут. И это говорю я, человек из партии Брежнева!

– Что поделаешь! Такова жизнь.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОММУНИЗМ

Книга Антона еще не вышла. Он боится, что его дурачат. Решил дать согласие на издание в любом антисоветском издательстве. Говорит, иного выхода нет. Они сами вынуждают к этому. Что же, вполне логично. Им легче иметь дело с прямой антисоветчиной (тем более мода на нее пошла на убыль), чем с академически спокойным анализом существа дела.

В заключении книги Антон писал, что коммунизм есть вполне естественный и нормальный строй общества. В нем меньше искусственности, чем в обществах Западной цивилизации. Это место в рукописи было обведено красным карандашом, и на полях было написано: «Это верно!». Задача книги заключалась в том, чтобы объективно описать, что это такое на самом деле с точки зрения его глубинных закономерностей, тенденций и перспектив. Как отнестись к этому – личное дело читателя. Автор не навязывает ему на этот счет

никакой личной поведению. Единственное, что он может посоветовать, – если ты недоволен, если тебе это не нравится, борись. Как? Как удастся. Ибо наилучшие формы борьбы отбираются лишь из опыта борьбы. А такого опыта пока очень мало, чтобы сделать оценочные выводы. Это место в рукописи было обведено черным карандашом, и на полях было написано: «Это опасно!».

Взыскание с меня сняли. Предложили кафедру в одном из московских институтов. Кафедра ерундовая. Но года за три я приведу ее в приличный вид. Так что еще не все потеряно.

Как-то вечером я вышел на улицу и побрел куда глаза глядят. И пришел к нашему (до сих пор не отвыкну!) институту. Посмотрел на темные окна Отдела. Повздыхал. И поплелся по проспекту от нашего Желтого дома к сверкающей вдали площади Космонавтов. К нашему Лозунгу.

– Нет, господин Зимин – думал я вслух, – наша борьба еще не закончена. Она только еще начинается. Вот выйдет Ваша книжонка, тогда и поговорим. В открытую. Пожалуй, это неплохая идея. Мне наверняка дадут целый подвал в «Правде». Потом – статью в «Коммунисте». И мне очень захотелось, чтобы книжечка Антона вышла. И я даже немного взгрустнул от того, что давно не виделись. Площадь Космонавтов была ярко освещена. Наш Лозунг уже начали ремонтировать. Буквы обросли строительными лесами. Представляю, как Канарейкин, будет по этому поводу петь на Отделении. Его сняли с директорства и назначили академиком-секретарем Отделения – выгнали с повышением, как это у нас частенько бывает. Проведет, дегенерат, специальное заседание, посвященное реконструкции Лозунга. Вижу его на трибуне: наш прекрасный Лозунг, как птица пенис, каждый раз восстает из пепла и т.д. и т.п. Тьфу, когда же наконец этих болванов вытурят и заменят стоящими людьми?!

Постояв немного на площади, я медленно побрел обратно. Что-то нога пошаливать стала. И сердце покальвает. Но это – пустяки. Запоры вот замучили. Застарелый геморрой. Черт знает что! На Луну летаем. Рак, говорят, лечить научились. А какой-то паршивый геморрой...

– И все-таки мы его построим, – сказал я вроде про себя, а получилось громко.

Я испугался, что прохожие посмотрят на меня с насмешкой. Но они не обратили на меня внимания. Я тащил свою бессмысленную тележку мимо них, сквозь них, в каком-то несуществующем для них разрезе бытия. Куда?..

Achévé d'imprimer sur les presses
de Rosseels Printing Cy – Louvain, Belgique
le 15 mars 1978.

Александр Зиновьев, стремительно и внезапно прославившийся в Европе и в Америке (его «Зияющие высоты» получили важные литературные премии во Франции и в Швейцарии, вызвали многочисленные и восторженные отклики литературных обозревателей), написал новую книгу.

«Зияющие высоты» представляли собою сатиру в первоначальном, античном смысле этого слова – смесь разных жанров и стилей с преобладанием философских и социологических размышлений. Книга поражала силою, глубиной и беспощадною горечью мысли. Вторая книга Зиновьева, нисколько не теряя в названных выше качествах, принадлежит целиком художественной литературе. Это история вырождения, моральной гибели советского либерального интеллигента, «шестидесятника», начавшего делать карьеру в лютую зиму сталинщины, но поднявшегося по-настоящему на гребне хрущевской «оттепели». Зиновьев показывает все важнейшие процессы и явления советской духовной жизни от начала войны до наших дней, все убожество, всю лживость, все мертвое оцепенение этой жизни. Показаны и бунтари, старые и молодые, одинаково отвергающие ложь и мертвечину и одинаково не находящие, что противопоставить этому царству смерти.

В отличие от «Зияющих высот» новая книга Александра Зиновьева – не аллегория. Действие происходит не в вымышленном Ибанске, а в реальной Москве, персонажи упоминают реальные события и реально существующих лиц. Но атмосфера гротеска и сарказма, столь характерная для «Зияющих высот», присутствует и здесь. Книга доставит высокую радость эстетического и интеллектуального со-переживания, со-творчества как тем, кто уже знаком с Зиновьевым, так и тем, кто познакомится с ним впервые.